

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МФЮА
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ

Ушакова Н. Е.

**СРЕДНЕЕ ДУХОВНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ ВЕРХНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX -
НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Монография

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Ярославль, 2013

УДК 94(47)
ББК 63.3
У 93

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор
Ю.Ю. Иерусалимский

Рецензенты:

Заведующий кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, доктор исторических наук, профессор Г.Н. Кочешков

Декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, доктор исторических наук, профессор А.М. Белов

Ушакова Наталья Евгеньевна

У 93 Среднее духовное образование Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: Монография. – Ярославль: ЯФ МФЮА, 2013. – 230с.

В настоящей монографии, посвященной истории средней духовной школы в губерниях Верхнего Поволжья раскрыты такие вопросы, как анализ этапов развития и организационных принципов деятельности средней духовной школы на примере типичных для этого региона Ярославской и Костромской губерний. Изучены особенности формирования аппарата управления, учебный и воспитательный процессы подготовки священнослужителей, финансовое обеспечение, сословный состав, быт учащихся и профессорско-преподавательского состава. Исследованы проблемы становления и развития женских духовных учебных заведений. Выявлены кризисные явления и пути реформирования среднего духовного образования в начале XX в., показано участие семинаристов в общественной жизни начала XX в., определены и проанализированы причины семинарских волнений в начале XX в. Хронологические рамки охватывают период со второй половины XIX до начала XX вв. Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей, преподавателей и студентов высших и средних специальных учебных заведений, учителей и учащихся средних школ.

ISBN 978-5-904085-51-3

(ООО «ЯрМедиаГрупп»)

© Ушакова Н.Е.
© ЯФ МФЮА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Организационные принципы деятельности средней духовной школы в 1860-1870-е гг.	37
1.1. Правительственная политика в сфере среднего духовного образования. Устав духовных семинарий 1867 г.	37
1. 2. Подготовка священнослужителей в Ярославской и Костромской губерниях в 1860-1880-е гг.	61
1. 3. Возникновение женских духовных учебных заведений в Ярославской и Костромской губерниях. Ярославское женское училище духовного ведомства.	80
Глава 2. Среднее духовное образование в 1884 – 1890-х г. в свете политики «контрреформ».....	95
2.1. Усиление контроля правительства в области средней духовной школы. Принятие Устава семинарий 1884 г.....	95
2.2. Ярославская и Костромская семинарии в 1880-1890-е гг. ...	113
2.3. Развитие женского духовного образования в 1880-1890-е гг. Ярославское Ионафановское епархиальное училище.	131
Глава 3. Состояние средней духовной школы в начале XX в.....	145
3.1. Кризис и пути реформирования среднего духовного образования.	145
3. 2. Участие семинаристов в общественной жизни начала XX в. Семинарское движение в Ярославской и Костромской губерниях в начале XX в.	160
3.3. Женские духовные учебные заведения в Костромской и Ярославской губерниях в начале XX в.	179
Заключение	192
(Endnotes)	202
Список используемых источников	217

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время интерес значительной части современного общества к вопросам религии существенно возрос. Во многом это объясняется тем, что в период социальных потрясений люди ищут для себя нишу, в которой можно было бы обрести душевное равновесие и покой. Появившаяся возможность свободного обсуждения в публицистической и научной литературе вопросов о роли религии и церкви в жизни общества также оживляет интерес к церковному прошлому. История Русской Православной Церкви (РПЦ) пересекается с проблемами особенностей российской государственности, состояния системы управления, сферой просвещения.

Вторая половина XIX века – время буржуазных реформ в России. Последовавшие за отменой крепостного права, эти реформы (аграрная, административная, судебная, земская, школьная и др.) могли быть успешно осуществлены лишь при наличии новой системы народного образования.

Полное представление о системе российского образования во второй половине XIX – начала XX вв. можно получить, изучив состояние как светских, так и духовных учебных заведений.

Долгое время в поле зрения исследователей находились только светские учебные заведения, а состояние духовной школы игнорировалось. Отсутствие специальных работ объясняется причинами политического и идеологического характера. Церковь рассматривалась как бесполезное и даже вредное явление для общества. Процветание атеизма исключало любую возможность положительной оценки вклада церкви в дело просвещения. В настоящее время проблема духовного образования требует переосмысления и научного анализа.

В отличие от современных, семинарии XIX в. являлись не только духовными, но и общеобразовательными учебными заведениями. Для детей большинства духовенства и других малообеспеченных сословий духовные семинарии были единственным местом, где они могли получить среднее образование. Выпускники средних духовных учебных заведений занимались и церковной и гражд-

данской деятельностью. Они могли поступить в духовную академию или в высшее светское учебное заведение, поскольку после реформы 1867 г. программа духовных семинарий приравнивалась к курсу классических гимназий. Женские епархиальные училища давали возможность получить среднее образование и профессию учительницы.

Церковь играла большую роль в деле начального образования. Отчасти это объясняется тем, что преподавательский состав в начальной школе в значительной мере состоял из лиц духовного сословия. Кроме Закона Божьего выпускники семинарий могли преподавать и другие предметы (чтение, письмо, арифметику).

В средних и высших учебных заведениях в числе обязательных дисциплин был Закон Божий. Этот предмет преподавали лица, имеющие духовное образование.

Таким образом, духовная школа являлась составной частью системы образования в целом. Духовные учебные заведения оставили глубокий след в истории народного образования как в религиозном, так и в общеобразовательном, культурном и нравственном отношениях.

Актуальность и научная значимость проблемы состоит в том, что интерес к церковной истории России вообще и к отечественному духовному образованию в частности в последние годы существенно возрос. Внимания заслуживают такие вопросы, как анализ этапов развития духовной школы, формирование аппарата управления, учебный и воспитательный процессы, финансовое обеспечение, сословный состав, быт учащихся и профессорско-преподавательского состава.

Методологической основой являются принципы историзма и объективности. В исследовании использовались общие методы познания: восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, сравнительно-исторический метод, аналогия. Используемые в ходе работы дедуктивные приемы познания позволили провести исследование от общего к частному, от исследования сущности исторических процессов к исследованию конкретных проявлений.

Наряду с ними применялись специальные методы историческо-

го познания – хронологический, ситуационный, ретроспективный, факторный; социологические – наблюдение, сравнительно-типологический, биографический и статистический методы. Применялись методы как общей теории статистики, так и специальные, разработанные в статистике населения (выборочный, группировок и классификаций, исследование динамики). Используя их, удалось выявить закономерности развития средней духовной школы Ярославской и Костромской губерний в исследуемый период.

Структура духовного образования во второй половине XIX – начала XX вв. оставалась неизменной и включала в себя три звена, соответствующие начальной, средней и высшей духовной школе: училища, семинарии и академии. Епархиальная система духовных учебных заведений состояла из двух первых этапов. Среднее духовное образование, под которым понимается процесс и результат подготовки кадров священнослужителей, можно назвать основной структурной единицей духовной школы. Этот процесс осуществлялся в системе средних духовных учебных заведений, подведомственных Св. Синоду. К ним относились семинарии, а также женские епархиальные и духовного ведомства училища, хотя результат их деятельности не был непосредственно связан с удовлетворением потребностей РПЦ в кадрах священнослужителей.

Развитие системы средних духовных учебных заведений во второй половине XIX – начале XX вв. сложно осветить в полной мере в масштабах страны. Достаточно перспективным представляется исследование регионального характера. Предметом настоящей работы является среднее духовное образование на территории Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX веков, типичными для которого являются Ярославская и Костромская губернии.

Общность процессов развития духовного образования в пределах соседних Ярославской и Костромской губерний выражается в том, что семинарии в них были открыты в один и тот же год; число духовных уездных училищ в обеих губерниях почти совпадает; первое женское духовное учебное заведение, открытое в

Костромской губернии, позднее было переведено в Ярославскую губернию; в обеих губерниях в конце XIX – начале XX вв. были открыты женские епархиальные училища. Все эти факторы позволяют выделить их в особые территориальные рамки. Изучение деятельности средних духовных учебных заведений на территории двух смежных регионов позволяет рассмотреть материальное положение, динамику численности, изменения сословного состава учащихся и преподавателей, выявить общие черты развития российской средней духовной школы на примере Ярославской и Костромской губерний.

Работа охватывает период с 1860-х гг. до 1917 г. Великие реформы 1860 – 1870-х гг. не изменили государственного и общественного статуса церкви. В то же время был предпринят ряд мер, направленных на демократизацию жизни духовенства. Реализация этих мер на практике обуславливала внесение изменений в политику по отношению к средней духовной школе. Развитие духовного образования прослеживается до 1917 г., после которого условия деятельности духовной школы коренным образом изменяются в годы гражданской войны и становления советского государства.

Духовные учебные заведения исследуемых губерний функционировали не в изолированном пространстве, а в рамках единой общероссийской системы. Для сравнения процессов на общероссийском и губернском уровнях, представляется правомерным обратить внимание на основные работы, в которых нашла отражение история духовной школы России и на исследования по местной церковной истории.

Проблема духовного образования стала разрабатываться с 1850-1860-х гг. В развитии историографии темы можно выделить: 1) дореволюционный (середина XIX в. – 1917 г.), 2) советский (1917 – 1991 гг.), 3) современный (с начала 1990-х гг.) периоды.

Начальный этап становления духовного образования в России (до реформы 1808 г.) был впервые исследован церковным историком П.В. Знаменским, известным также своей монографией «Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I». Его работы послужили основой, на которой последующие исследователи разрабатывали данное направление. Особый интерес

представляет монография П.В. Знаменского «Духовные школы в России до реформы 1808 г.». В работе содержится материал по истории становления системы среднего духовного образования в различных регионах России. Благодаря этому исследованию, представляется возможным рассмотреть условия формирования среднего духовного образования в Ярославской и Костромской губерниях. В работе был собран большой фактический материал, но он не был проанализирован в достаточной мере для обобщений и выводов.

В труде К. Дьяконова «Духовные школы в царствование императора Николая I» было изучено состояние духовной школы в 30-50-е гг. XIX в. Задачами исследования являлось обрисовать систему управления, типы духовных учебных заведений, изменение политики правительства по отношению к духовной школе в рассматриваемый период. Этот труд интересен тем, что дает возможность оценить состояние системы духовного образования, сложившейся ко второй половине XIX века. В работах Б.В. Титлинова², Ф.Н. Белявского³, изданных в начале XX в., были исследованы уставы и проекты уставов духовных учебных заведений (духовных академий, семинарий, училищ) в 1860-х — 1880-х гг., при этом Устав духовных семинарий 1867 г. оценивался ими как наиболее радикальный. Б.В. Титлинов рассматривал учебный и воспитательный процессы, экономическое состояние духовных учебных заведений. Его внимание было обращено на такие вопросы, как социальный состав учащихся, размеры окладов преподавательского состава и т.д. Это позволило более подробно проследить подготовительную работу по реформе духовных учебных заведений и подготовку устава 1867 г., проанализировать результаты реформирования. Автор рассмотрел историю духовной школы до 1867 г. Он считал, что при новом уставе духовная школа достигнет своего наивысшего развития. Ф.Н. Белявским («О реформе духовной школы») был предложен ряд мер по улучшению состояния духовных учебных заведений в 1880-е гг. Он обрисовал попытки реформы духовной школы в 1896-1899 гг. По мнению Ф.И. Белявского, все преобразования второй половины XIX — начала XX вв. не затронули сословного характера средней духов-

ной школы, которая не была способна решать стоящие перед ней задачи – давать общее и богословское образование.

Учебно-воспитательным проблемам духовных семинарий, а также деятельности Учебного Комитета при Святейшем Синоде была посвящена книга Н.А. Голубовского «По вопросам духовной школы и об Учебном Комитете при Святейшем Синоде»⁴.

Исследования по истории женского духовного образования представлены работой А. Котельского «Женское образование в России». Автор рассказывает о создании первых женских духовных училищ, доказывает важность распространения сети женских духовных заведений во второй половине XIX века.

Существует ряд работ, посвященных деятельности церкви в сфере просвещения, о вкладе духовенства в дело народного образования. Среди них можно назвать «Участие православного духовенства в деле начального обучения народа» К.П. Успенского, «Слово правды о церковной школе и о заслугах духовенства по народному образованию» А.К. Рождественского⁵.

Общее состояние духовных учебных заведений, статистические данные, изменения в организации духовного образования, отраженные в уставах духовных семинарий 1867 г. и 1884 г., а также обзор церковной периодики в 1860-1890-е гг., был дан в монографии С.Г. Рункевича «Русская церковь в XIX веке».

Духовным семинариям и училищам было уделено внимание в обзоре деятельности Министерства народного просвещения, составленном С.В. Рождественским⁶. В этом исследовании был проведен анализ социального состава учащихся светских учебных заведений, выделен процент учеников, принадлежащих к духовному сословию. Несмотря на наличие работ по различным аспектам деятельности духовной школы, к сожалению, отсутствовали фундаментальные, обобщающего характера исследования о состоянии духовного образования в России второй половины XIX века.

Развитие духовной школы являлось неотъемлемой частью процесса развития РПЦ. При определении места РПЦ в государстве и общественной системе использовались теоретические положения православных богословов и историков: П.В. Знаменского,

А.В. Карташова, Д.В. Поспеловского. Роль РПЦ в государстве и обществе во второй половине XIX начале XX вв. определялась фактической зависимостью церкви от государства, окончательно установившейся в первой четверти XVIII в. Государство определяло пространство деятельности для церкви в отношении подготовки кадров священнослужителей. Поэтому развитие духовной школы осуществлялось в рамках церковной политики правительства и обуславливалось изменениями государственной идеологии.

Целью работы священника Н.Р. Антонова являлось определение роли церкви в обществе. Первая глава книги была посвящена исследованию отношения российской интеллигенции к РПЦ. В последующих главах рассматривалось мировоззрение ряда светских богословов (Н.П. Аксакова, С.Д. Бабушкина, П.А. Валуева, Д.А. Толстого и др.).

Вопросам улучшения быта духовенства, преобразования духовных учебных заведений, усовершенствования административной структуры РПЦ посвящена книга «Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855-1870)» А.А. Папкова⁷. В своей работе он характеризовал спектр вопросов, обсуждаемых в середине XIX в. российской прессой, выделил дискуссию светских и духовных авторов о содержании духовного образования.

Оживление интереса в середине XIX в. к вопросам, связанным с историей церкви, было вызвано пробуждением общественной жизни, захватившим и область духовной литературы и науки. В конце 1850 – начале 1860-х гг., в период подготовки реформы духовной школы, происходила оживленная дискуссия светских и духовных писателей о судьбе русского духовенства, и, в частности, о содержании духовного образования. В публицистических статьях светских авторов обращалось внимание на апатичность духовенства к общественным вопросам, отсутствие связей с другими сословиями, односторонность образования. Критике подверглось положение высшего духовенства, в особенности, его подчиненное отношение к светской власти.

Критика светских публицистов вызвала ответный отклик у духовных авторов. В 1859 г. в Берлине вышел сборник «Русское ду-

ховенство»⁸. В этот сборник вошли статьи анонимных авторов, написанные в защиту духовенства. Авторы сборника обвиняли светских писателей в преувеличении недостатков духовной школы. Например, в статье «Духовное звание в России» оспаривалось мнение светского автора А. Критского, опубликовавшего в «Земледельческой газете» за 1857 г. (№ 39) статью «О распространении грамотности между крестьянами». В этой статье утверждалось, что сельские священники получали такое одностороннее образование, что не могли преподавать даже в крестьянской среде. Опровергая этот тезис, автор статьи «Духовное звание в России» писал: «...программа семинарского образования такова, что успешный семинарист (1-го разряда) может быть для своих прихожан и духовным и телесным врачом, и отличным наставником грамотности и улучшенного сельского хозяйства». Среди недостатков семинарского курса автор видел только «...снисходительность к малоуспешным ученикам»⁹. Авторский коллектив этого сборника обвинял светских публицистов в неуважении к священному сану, напоминал о заслугах духовного образования перед светской школой (подготовка преподавательских кадров для светских учебных заведений, научная работа церковных деятелей в области филологии, истории, церковного законовещения, археологии, гомилетики), а также опровергал утверждение светских писателей об устранении духовенства от решения актуальных проблем российского общества.

Светские авторы, в свою очередь, прокомментировали публикации из этого сборника. Так, например, А. Критский в статье «Заграничные прения о положении русского духовенства (по поводу книги «Русское духовенство»)» детально разобрал статьи из этого сборника¹⁰. В частности, А. Критский отмечал, что одной из причин состояния «...беспрекословного подчинения, в котором находятся часто духовные лица перед более влиятельными членами общества...», является ущербность системы духовного образования и воспитания «...в духе покорности»¹². Эта дискуссия показала противоположность мнений светских и духовных авторов.

Постепенно острый характер полемики был смягчен. Одним из

первых положений, по которому позиции светских и духовных писателей совпали, был вопрос о тяжелом быте духовенства. Как светские, так и духовных публицисты считали одной из основных причин повышения авторитета духовенства улучшение его финансового положения. «Чтобы у крестьян были пастыри, достойные подражания, нужно улучшить быт сельского духовенства...». Широко продолжали обсуждаться проблемы усовершенствования системы управления, изменения содержания духовного образования. Проведение церковной реформы и дальнейшее развитие духовной школы проходило в условиях противостояния двух основных позиций – либеральной и консервативной. С критической оценкой состояния духовной школы стали появляться работы в среде либерально настроенного духовенства. Несмотря на то, что авторы публикаций были выходцами из духовного сословия и преподавали в духовных академиях, они критически относились к существовавшей тогда системе, программе и методам духовного образования.

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. не прекращалась дискуссия о содержании образования. Наряду с исследованиями, освещающими состояние системы духовного образования в целом, и работами по истории создания и развития конкретных духовных учебных заведений, публикации о положении русского духовенства печатались как в светских, так и в духовных журналах, а также отдельными изданиями.

Одним из наиболее актуальных был вопрос о соотношении в программах семинарий общеобразовательных и богословских предметов. Например, работа «Философия в духовной семинарии» профессора Московской духовной академии Н.В. Тихомирова была посвящена проблеме сокращения в 1880-1890-е гг. ряда общеобразовательных предметов в программах духовных семинарий, в частности, философии¹⁸. Н.В. Тихомиров негативно оценивал сокращение программы по философии. Он утверждал, что философия является одним из основных предметов, без которых образование служителей церкви нельзя считать законченным. Знание философии «... не только дает подготовку мысли для встречи, оценки и критики различных мировоззрений, но и

дает запас научно разработанных сведений о законах духовной жизни»¹⁹. По мнению автора, человек, не обладающий знанием философских доктрин, не мог стать духовным руководителем. Из этого Н.В. Тихомиров делал вывод о том, что сокращение объема этого предмета негативно скажется на качестве образования священнослужителей, поскольку философия необходима для решения профессионально-образовательных задач духовных семинарий.

Известный журналист, редактор, публицист Г.З. Елисеев, в своей работе (опубликованной в «Отечественных записках» за 1875 г. № 12) обращал внимание общественности на подготовку священнослужителей²⁰. В числе недостатков системы духовного образования он видел то, что в семинариях в пользу нравственно-религиозных предметов уменьшается объем общеобразовательных, без знания которых невозможно и солидное богословское воспитание. Невысокий уровень образования, тяжелое материальное положение и низкий правовой статус российского духовенства являлись причинами массового ухода семинаристов в светские высшие учебные заведения. Духовное образование, по мнению автора, было официально признано хуже светского после распоряжения министерства народного просвещения, о том, что с 1877 г. семинаристы для поступления в университеты, должны были получать гимназические аттестаты. Эти меры, по мнению автора работы, были приняты для того, чтобы не снизить уровень университетов, поступающими туда выпускниками семинарий, или чтобы удержать семинаристов в духовных учебных заведениях. В основном, как считает автор, семинаристы уходили в светские учебные заведения из-за материальных трудностей. Не все воспитанники семинарий могли найти в себе силы для эффективного выполнения обязанностей духовного лица. В числе этих обязанностей Г.З. Елисеев называет 1) пожизненное пребывание в духовном звании, 2) обязательность брака, 3) особая одежда духовенства. «Для сана священника надо было отказаться от себя навсегда». На средства священника можно было существовать только одному. В случае женитьбы необходимо обеспечивать семью, в то время как духовенство, по мнению автора, должно заниматься

просветительской деятельностью. Одежда священников, при которых светские люди не говорят свободно, отделяла духовенство от общества. Автором был предложен целый комплекс мер по улучшению состояния духовной школы. Г.З. Елисеев считал, что для привлечения в духовную школу молодого поколения, нужно было: 1) уничтожить отличия, отпугивающие от него; 2) выдвинуть на первый план просветительскую деятельность духовенства для повышения престижа духовного сословия.

Он предлагал сократить и разделить духовенство и соответственно разработать два типа духовной школы для разных категорий священников. Один тип школы для подготовки священников — требоисправителей — для исправления треб, другой для просветительской деятельности. Первую группу священнослужителей предполагалось обучать в сельскохозяйственных, технических школах для знания какого-либо ремесла. Богословский курс, рассчитанный на два года, они должны были изучить в семинариях. Семинарии предлагалось сократить и оставить по одной на две или три губернии. Все остальные классы в семинарии и низшие духовные учебные заведения — отменить, а детей духовенства воспитывать в общих для всех учебных заведениях. Священники-учителя свое образование должны были получать в классических гимназиях, в университетах на юридических факультетах, а потом поступать в академии для изучения богословского курса. Следует отметить, что это была достаточно либеральная программа преобразований духовной школы.

Проблема воспитания учащихся духовных семинарий была отражена в исследованиях П.М. Красина «Воспитание в духовной семинарии» и В.Н. Мышцина «О духовных семинариях»²¹. П. М. Красиным было высказано мнение о бюрократическом характере документов, регулирующих воспитательный процесс в средних духовных учебных заведениях. В Уставе 1884 г., циркулярах и инструкциях духовного ведомства по вопросам воспитания в духовных семинариях, по мнению П.М. Красина, ощущалась нечеткость определений и предписаний, которые давали возможность местным епархиальным администрациям толковать их по собственному усмотрению. П.М. Красин отмечает, что воспита-

тельный аспект был практически не разработан.

В статье В.Н. Мышцина, (опубликованной в журнале «Богословский Вестник» №№ 7-8 за 1905 г.) недостаток светских предметов в семинарских программах был назван одной из причин семинарских волнений, «... широкой волной прокатившихся по России...». В числе негативных моментов в системе воспитания учащихся духовных учебных заведений, автором были отмечены полицейский характер воспитания, мелочность дисциплинарных требований, привлечение насильно к делу, требующему призвания, чрезмерное ограничение свободы семинаристов в изучении литературы, философии, истории, социологии, которое не позволяло повышать культурный уровень будущих служителей церкви. Автор статьи предложил изменить систему обучения и воспитания учащихся духовных семинарий таким образом, чтобы объем общеобразовательных предметов не уступал программам светских учебных заведений. Свобода выбора дальнейшей профессиональной деятельности обеспечивалась тем, что специальный курс богословских предметов изучался в старших классах.

В работе П.В. Левитова «Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела» была отражена проблема материальной необеспеченности преподавательского состава духовных семинарий²².

В статье экстраординарного профессора Казанской духовной академии В.В. Миротворцева «Меры правительства по отношению улучшения быта белого духовенства» были проанализированы меры, предпринятые правительством для улучшения быта белого (немонашеского) духовенства в 1860-1880-х годах. Эти мероприятия проходили в контексте преобразований 1860-х гг. Они включали в себя освобождение от сословной замкнутости, преобразование и увеличение финансирования духовых учебных заведений и административных учреждений и др. Автор статьи дал положительную оценку этим преобразованиям. Перечисленные выше работы представляют интерес для изучения вопроса о том, как либерально настроенная часть духовенства относилась к

проведению церковной реформы, и, в частности, к преобразованиям в духовной школе.

Негативную оценку Устава семинарий 1867 г. дал в своей работе «Белое духовенство и его «интересы»» консервативный публицист Н.В. Елагин. Его взгляды на результаты реформы церкви и духовного образования в 1860-1870-е гг. заключались в критике учебных программ и упадке духовной школы в целом. К одному из основных проявлений упадка духовного образования Н.В. Елагин относил снижение уровня образованности и дисциплины. «...Духовные воспитанники нынешнего времени лучше одеты, накормлены, живут в просторных комнатах..., но духовные семинарии выпускают людей бедных умом». «Классическое образование в семинариях находится на самой низкой ступени». Причины этого, по мнению Н. В. Елагина следовало искать в сокращении объема богословских предметов в учебных программах семинарий.

В работе Е.М. Прилежаева, которая была опубликована в журнале «Христианское Чтение» в №№ 7-8 за 1879 г., рассматривалась роль духовных семинарий в развитии светской школы. Эта работа была написана в 1879 г., когда выпускники духовных семинарий были лишены права поступления в светские высшие учебные заведения. В тот период времени проблема, исследуемая автором, была весьма актуальна. Е.М. Прилежаев говорил о большом вкладе выпускников духовных семинарий в развитие светской школы. Он привел примеры широкого привлечения выпускников духовных учебных заведений в светскую школу, в качестве преподавателей начиная с XVIII в. Освещая положение светской школы в 1860 – 1870-е гг., автор утверждал, что «... семинаристы в контингенте университетских слушателей составляли четверть, треть, и даже половину всего числа». Для настоящего исследования работа Е.М. Прилежаева интересна содержащимися в ней сведениями о числе семинаристов, поступивших в 1870-е гг. в Ярославский Демидовский юридический лицей.

Все перечисленные выше работы отражают актуальные для исследуемого периода проблемы развития средней духовной школы. В них представлен спектр мнений либеральных и консервативных кругов общественности.

Значительное число книг и публикаций дореволюционных историков раскрывают тему создания и развития отдельных семинарий. Немалый вклад в изучение истории разных семинарий внесли: Н. Андронников, Д. Агнцев, А. Надеждин и другие²³. Работа Н. Андронникова «Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской гимназии» содержит в себе разнообразный материал о процессе становления духовного образования в Костромской губернии, о преподавательском составе и быте учеников, учебных программах и т.д. Главы делятся по правлениям епархиальных архиереев. Работы Д. Агнцева и А. Надеждина представляют интерес для сравнительного анализа процесса развития разных семинарий. Среди исследований по истории ярославских духовных учебных заведений следует отметить работы И.Н. Богословского «Ростовское Димитриевское духовное училище»²⁴, исторический очерк А. Котельского «Ярославское епархиальное Ионафановское женское училище», труды Н. Крутикова «50-летний юбилей Ярославского женского училища духовного ведомства»²⁵, Г.П. Преображенского «Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства ко дню 50-летнего юбилея», биографический очерк М. Троицкого «Г.П. Преображенский – преподаватель Ярославской духовной семинарии и редактор неофициальной части Ярославских епархиальных ведомостей», работу П. Фивейского «Открытие ростовского духовного училища»²⁶.

Судьба выпускников духовных семинарий, их значение в истории русской науки и культуры была прослежена в исследовании К.Д. Головщикова²⁷. В «Очерке жизни и ученых трудов бывших питомцев Ярославской духовной семинарии» он рассказывает о наиболее ярких личностях края (преподавателей ярославских учебных заведений, краеведов, представителей епархиальной администрации), получивших образование в стенах Ярославской духовной семинарии. В работах И.Н. Богословского «Ростовское Димитриевское духовное училище», П. Фивейского «Открытие ростовского духовного училища» был обрисован процесс возникновения одного из самых первых духовных учебных заведений в Ярославской губернии. Исторический очерк А. Котельского

«Ярославское епархиальное Ионафановское женское училище» посвящен женскому духовному учебному заведению, открытому в 1880-м г. на епархиальные средства. В очерке освещаются процесс создания училища, учебные программы предметов, знаменательные события из жизни училища за 25 лет деятельности. В трудах Н. Крутикова «50-летний юбилей Ярославского женского училища духовного ведомства», Г.П. Преображенского «Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства ко дню 50-летнего юбилея» представлен материал о первом женском духовном училище Ярославской губернии, которое было образовано в г. Солигаличе Костромской губернии, и впоследствии переведено в Ярославль. Оба автора подробно рассмотрели историю создания училища, осветили вопросы динамики численности учащихся и преподавательского состава, изменения в учебных программах и т.д. Перечисленные выше работы обладают информативно емким материалом, но в то же время не несут в себе теоретических выводов о развитии местного духовного образования в целом.

Литература о деятельности конкретных духовных учебных заведений во второй половине XIX в. создавалась в основном преподавателями, выпускниками либо представителями административного корпуса этих семинарий и училищ (смотрители, ректоры, инспекторы). Это обстоятельство не могло не сказаться на подходе авторов к освещению различных сторон жизни духовной школы, степени критического осмысления. Их труды содержали большой фактический материал, но при этом имели описательный характер. Какие-либо теоретические построения этим авторам были несвойственны.

В дореволюционной историографии можно выделить, во-первых, труды, написанные церковными историками, во-вторых, исследования светских ученых. Ряд работ был посвящен деятельности конкретных духовных учебных заведений. Другая группа исследований носила аналитический характер, освещая различные стороны жизни духовной школы.

Советский период отечественной историографии продолжался с 1917 г. до 1991 г. При советской власти изучение в рамках бо-

гословской школы было крайне затруднено, а появление беспристрастных исследований советских историков исключалось в условиях тоталитарного атеистического государства. В работах по истории церкви, вышедших в СССР, вопросы духовного образования рассматривались крайне редко и фрагментарно. В 1924 г. Б.В. Титлиновым, изменившим свои взгляды на духовное образование после Октябрьской революции 1917 г., были опубликованы книги «Молодежь и революция...» об участии семинаристов в революционном движении и «Православие на службе самодержавия в русском государстве»²⁸.

В 1931 г. Н.М. Никольским была написана монография «История Русской церкви», в которой вопросы духовного образования рассматривались в общих чертах. Статья С. С. Дмитриева была посвящена взаимоотношению русской православной церкви (РПЦ) и государства.

Упоминания о духовных учебных заведениях в губерниях Верхнего Поволжья в трудах советских историков мало информативны. Постепенно сложилась схема освещения краеведческой истории, отразившаяся практически во всех исследованиях, учебных пособиях, документальных изданиях. Эта схема строилась по принципу небольшого исторического очерка о прошлом, составляющем основную историю края, остальной материал был посвящен борьбе рабочих и крестьян и экономическому развитию. Например, наиболее полное представление о состоянии духовного образования в Ярославской губернии можно получить в статье П.Н. Дружинина в «Очерках истории Ярославского края», в которой есть краткая справка о духовных учебных заведениях Ярославской губернии с перечислением учебных предметов, изучаемых в них.

Следует отметить, что в советской историографии вопросы, связанные с изучением российского духовного образования, затрагивались лишь частично, подчиняясь основным задачам исследований. На протяжении периода с 1917 г. до начала 1990-х гг. история духовного образования была практически не исследованной темой.

С середины 1980-х гг. в связи с начавшейся перестройкой и политической либерализацией общества наблюдались попытки пе-

реосмысления исторической роли церкви в истории России. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. отечественные историки стали публиковать работы по истории РПЦ, в которых отводилось место и духовному образованию. В вышедших в СССР работах по истории народного образования стали отмечаться отдельные прогрессивные элементы в дореволюционной школьной системе и появляться лаконичные упоминания о духовных учебных заведениях²⁹. Новые условия развития исторической мысли позволили отойти от стереотипной оценки духовной школы, характерной для предшествующего периода советской историографии.

В конце 1980-х гг. диапазон научных работ, посвященных развитию российской духовной школы расширился. Аспекты исследования вопросов, связанных с деятельностью РПЦ были обозначены в работе Б.Г. Литвака «Русское православие в XIX веке». Он рассмотрел церковь, как идеологический институт самодержавного строя во второй половине XIX в. В развитии церкви и, в частности, духовного образования в пореформенный период автором было выделено два этапа: 1) 1860-1870 гг.; 2) 1880-1890 гг. Первый из выделенных периодов оценивается им как более либеральный. Второй этап был проникнут духом консерватизма и отступления от демократических завоеваний 1860-1870 гг. Разделение процесса развития духовной школы во второй половине XIX в. было связано, по мнению Б. Г. Литвака, с изменением общего курса правительственной политики в целом. В 1860-1870-е гг. духовная школа была подвергнута изменениям в русле буржуазных преобразований «эпохи великих реформ». Второй этап в развитии духовного образования начинается после 1 марта 1881 г., когда был убит Александр II. Б. Г. Литвак считает, что в этот период энергичное развитие духовной школы происходило за счет утвердившейся тогда в правительственных кругах концепции о более лояльном отношении духовной школы к консервативным мерам правительства, по сравнению с светскими учебными заведениями.

Работы, созданные в советский период основывались на марксистско-ленинских оценках роли церкви. Им всем был присущ формационный подход. Некоторые послабления в сторону

плюрализма появились лишь во время перестройки.

В современный период отечественной историографии вышли работы как регионального, так и российского масштаба. С.В. Римский посвятил несколько публикаций неудавшейся попытке проведения церковной реформы в правление Александра II, которая включала в себя и реформу духовных учебных заведений. Церковная реформа была направлена на улучшение материального состояния и расширение правового статуса белого духовенства. Кроме перечисленных пунктов программа реформы включала в себя меры «...к открытию детям церковнослужителей путей для обеспечения своего существования на всех поприщах гражданской деятельности»³⁰. Несмотря на предпринимавшиеся усилия, существенно улучшить положение духовенства до начала 1880-х гг. не удалось. Главный успех реформы духовного образования С.В. Римский видел в развитии начального народного образования (увеличении числа церковно-приходских школ).

Развитие духовного образования в целом по России или в отдельных губерниях, в исследуемый и в более ранний периоды, отражено в ряде кандидатских диссертаций (А. В. Сушко, А.Ю. Конюченко, М.В. Никулина).

А.В. Сушко исследовал развитие среднего духовного образования в России в период 1861-1884 гг. В работе были проанализированы организационные принципы деятельности духовных семинарий в пореформенный период, сословное, материальное, правовое, семейное положение, возраст преподавателей духовных семинарий. Были изучены сословный состав, условия быта семинаристов, а также динамика численности учащихся и преподавательского состава семинарий³¹.

А.И. Конюченко были рассмотрены вопросы, связанные с развитием среднего и начального духовного образования в Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Автор указал на специфические условия, в которых находились духовные учебные заведения Сибирских и Приуральских губерний.

Диссертация Т.Ю. Фадеевой «Средние учебные заведения в системе образования России второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах губерний Верхнего Поволжья)» посвящена изуче-

нию правительственной политики и финансирования среднего светского образования второй половины XIX – начала XX вв. В диссертации исследованы учебно-воспитательный процесс, численность, сословный состав учащихся и преподавателей средних учебных заведений Верхневолжского региона⁴⁵. Эта работа позволяет сравнить состояние духовных и светских средних учебных заведений в исследуемый период.

В диссертации И.В. Шаброва на материалах Ярославской губернии анализируются государственно-церковные отношения начала XX века⁴⁶. В работе подчеркивается, что, имея ряд конфессиональных привилегий, РПЦ рассматривалась светскими властями как часть государственного аппарата. Автор раскрывает систему и характер взаимоотношений ярославской губернской администрации с местной епархией в начале XX в.

В диссертации М.В. Никулина «Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х-конец 1870-х гг.)» анализируется деятельность РПЦ не только как государственного, но и как общественного института⁴⁷. М.В. Никулин выделяет следующие этапы в историографическом обзоре литературы по истории РПЦ: 1) казенно-фактографический (до конца 1917 г.), когда преобладают сугубо официальные подцензурные издания, лишённые научного анализа; 2) с 1917 г. – до середины 1950-х гг. – радикально-атеистический, когда историческая литература приобретает антицерковный характер. Отдельные факты церковной истории России используются исключительно в целях атеистического популяризаторства. Ярким примером новой идеологической доктрины стал труд Н.М. Никольского «История русской церкви». В этот период устанавливается концепция реакционности и паразитизма церкви в русской истории. 3) научно-систематический – с середины 1950-х гг. до 1985 г., отмеченный частичной демократизацией идеологических схем и расширением проблематики исследований. Были вовлечены в научный оборот новые архивные комплексы, в том числе по истории XIX в.

Можно согласиться с мнением М.В. Никулина, что работы Е.Ф. Грекулова «Церковь, самодержавие, народ», вышедшая в 1969 г., С.С. Дмитриева «Православная церковь и государство в порефор-

менной России», опубликованная в журнале «История СССР» в № 4 за 1966 г, а также исследования других авторов, свидетельствуют о некотором повороте к научному анализу роли церкви в идеологии и в системе церковно-государственных отношений. 4) с 1985 до 1992 г. – характеризуется политической либерализацией общества и попытками переосмысления исторической роли церкви в истории России. 1000-летию христианства Руси был посвящен обобщающий труд ученых, отразивший все этапы истории русского Православия «Русское православие: вехи истории», опубликованный в 1989 г. Существенно изменилась проблематика исследований, были затронуты ранее не изучавшиеся аспекты истории развития русской церкви. 5) с 1992 г. начался последний этап, который связан с более критическим переосмыслением прежних марксистских стереотипов. Исследователи обратились к постижению специфики русской религиозной мысли. Данная периодизация представляется достаточно логичной, чтобы согласиться с ней и учитывать ее в своей работе.

Положение церкви в начале XX в., ее взаимоотношения с властью освещены в работе А.В. Беляевой «Церковь и государство в России в начале XX века»⁴⁸. Это учебное пособие вышло в 1999 г. и, представляет интерес, являясь одним из новейших исследований близких к теме настоящей работы аспектов. Одна из глав этой работы посвящена деятельности Предсоборного Присутствия, V отдел которого занимался реформой духовной школы.

История духовных учебных заведений начала XX в. – одна из малоисследованных страниц духовного образования в России. Публикацию на эту тему подготовила А.Ю. Бахтурина, основываясь на материалах Самарского духовного училища⁴⁹. Оживление интереса к вопросам, связанным с историей церкви, было вызвано новыми условиями развития исторической мысли, которые позволили отойти от официальных прежних оценок безусловного одобрения правительственных мер по отношению к церкви. Проблеме взаимоотношений церкви (и в частности духовной школы) и советского государства после революции 1917 г. была посвящена работа М.И. Одинцова «Государство и церковь (История взаимоотношений 1917-1938 гг.)»⁵⁰.

Параллельно с отечественной развивалась и зарубежная эмигрантская историография. В монографии Д.В. Поспеловского «Русская православная церковь в XX в.» было отмечено, что в советский период почти все архивы по истории Церкви были недоступны для исследования. В связи с этим за период 1960-1980-х гг. обобщающих работ написано не было⁵¹. В первой главе книги рассматривается ситуация, сложившаяся в духовной школе накануне революции 1917 г.

В эмиграции вопросы духовного образования затрагивались в работах богословско-философского характера, но не были предметом специальных исследований. Наиболее авторитетным изданием XX в. из опубликованных за пределами России, являются «Очерки по истории Русской Церкви» А.В. Карташева в двух томах. Книга вышла в 1959 г. в Париже и была переиздана впервые в Москве в 1991 г. В работе была сделана статистическая справка о количестве духовных учебных заведений и численности учащихся в них⁵². Критическую оценку политики К.П. Победоносцева в сфере духовного образования содержала работа Г.В. Флоровского, опубликованная в Париже в 1937 году. Наиболее полным по временному охвату является издание «История Русской Церкви» в девяти книгах, вышедшие в 1994-1997 гг. В него вошли труды митрополита Макария, И.К. Смолича и других.

Таким образом, для современного периода историографии характерно разнообразие тематики работ, вышедших в 1990-е гг. и использование зарубежного опыта. В статьях и диссертационных исследованиях получили освещение вопросы, затрагивающие политику правительства в области духовной школы, деятельность конкретных средних духовных учебных заведений.

Завершая историографический обзор необходимо отметить, что в исследовательской литературе успешно рассмотрены лишь отдельные аспекты проблемы развития духовной школы, введено в научный оборот значительное количество источников. Вместе с тем специальных работ по истории духовного образования целого ряда регионов России, в том числе и Верхнего Поволжья не существует.

Целью настоящей работы является изучение средних духовных

учебных заведений Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.. на примере Ярославской и Костромской губернии. Для достижения этой цели необходимо выполнение следующих задач:

- раскрыть организационные принципы деятельности средней духовной школы;
- рассмотреть процесс подготовки священнослужителей в Ярославской и Костромской губерниях;
- исследовать процесс становления и развития женских духовных учебных заведений на территории Ярославской и Костромской губерний;
- выявить кризисные явления и пути реформирования среднего духовного образования в начале XX в., рассмотреть участие семинаристов в общественной жизни начала XX в.;
- определить причины семинарских волнений в Ярославской и Костромской губерниях в начале XX в.

Поставленные задачи требуют привлечения широкого круга разнообразных источников, как уже опубликованных документов, так и ранее неопубликованных и не упомянутых в исследованиях материалов. Источники, необходимые для решения цели и задач исследования многочисленны, разнообразны и часто сложны для анализа своею фрагментарностью⁵³. Так, многие фонды Государственного архива Костромской области были утрачены, а некоторые до сих пор недоступны для изучения из-за повреждений, полученных в результате пожара 1981 г.

Использованные для изучения данной темы источники, можно разделить на несколько групп:

- 1) законодательные материалы;
- 2) делопроизводственная документация;
- 3) периодические издания;
- 4) мемуарная литература, дневники и переписка.

Частично они опубликованы, часть хранится в архивах и рукописных отделах библиотек.

Среди ранее неопубликованных документов привлеченных в ходе работы (значительная часть которых впервые вводится в на-

учный оборот), важнейшее место занимают материалы 12 фондов трех архивов: Российского Государственного Исторического Архива (РГИА) и Государственных архивов Ярославской и Костромской областей (далее – ГАЯО и ГАКО). Архивные документы дают богатую и разнообразную информацию, связанную, как правило, с организацией и функционированием конкретных духовных учебных заведений; статистические материалы, в том числе о составе учащихся и педагогов; данные о финансировании семинарий и училищ.

К первой группе относятся материалы, находящиеся в «Своде законов Российской империи» (далее – СЗРИ) и в «Полном собрании законов Российской империи» (далее – ПСЗРИ). Информацию о структуре системы управления и функционирования духовной школы в исследуемый период содержат разделы СЗРИ «О вере», «Учреждение Правительствующего Синода», «Учебные заведения ведомства Православного исповедания», «О производстве в чины служащих по учебной части в ведомстве Православного исповедания», а также указы Александра II, Александра III, Николая II, находящиеся в ПСЗРИ. К законодательным актам относятся уставы духовных академий, семинарий, училищ и женских епархиальных училищ. В диссертации были использованы «Устав православных духовных семинарий» 1867 года⁵⁴, «Устав духовных семинарий» 1884 года. Сопоставление их содержания позволяет зафиксировать изменения правительственной политики в области духовного образования во второй половине XIX века. Аналогичный источник, регламентирующий деятельность низших учебных заведений – «Устав духовных училищ» 1867 года⁵⁵. Женское духовное образование регулировалось нормами «Устава епархиальных женских училищ» 1898 года.

Законодательные акты, освещавшие общие моменты в развитии системы духовного образования в России и принимавшиеся с учетом их ориентации на перспективу, очень важны, как источник, позволяющий выявить общие тенденции правительственной политики, проследить развитие духовной школы. Анализ законодательных источников необходим и для изучения содержания учебного процесса духовных учебных заведений.

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация, то есть те документы, которые создавались в делопроизводстве различных учебных заведений в процессе их деятельности. Делопроизводственная документация представлена в основном архивными материалами.

1) Отчеты:

а) отчеты обер-прокурора Св. Синода, в которых делался анализ состояния духовных учебных заведений всех типов на тот или иной учебный год в различных губерниях России и извлечения из отчетов обер-прокурора Св. Синода, содержащие статистические сведения и краткие отчеты ревизий духовных семинарий, училищ и женских епархиальных училищ;

б) особый интерес представляют отчеты ревизоров Учебного Комитета. В них, как правило, давалось не статистическое отражение увиденного за несколько дней ревизии, а краткий обзор основных положений и изменений, произошедших за период, истекший со времени последней проверки. Кроме сведений, дублирующих училищные и семинарские отчеты, здесь присутствовали извлечения из записей в журналах заседаний правлений, анализировались журналы поведения и успеваемости. Ценным является изложение содержания бесед администрации с преподавателями, которое дает представление о педагогических воззрениях конкретных людей и показывает взаимоотношения в коллективах. В целом, отчеты административных лиц учебных заведений и ревизоров Учебного Комитета дополняют и уточняют друг друга.

в) отчеты по экономическим и педагогическим вопросам в Ярославской и Костромской семинариях и в женских духовных училищах⁵⁶;

г) отчеты советов попечительства.

Сопоставление информации из отчетов разных уровней – от Обер-прокурора до правления семинарии, позволяет более четко представить процесс развития духовной школы в исследуемый период. Отчеты ревизоров, семинарских и училищных правлений дают возможность более детально изучить и выявить изменения в содержании учебного процесса, финансировании, численности преподавательского состава и учащихся в конкретных духовных

учебных заведениях.

2) Циркуляры – распорядительные документы духовного ведомства, рассылавшихся на места. В них отражалась правительственная политика по отношению к РПЦ, и в частности, к духовной школе. В 1901 г. А. Завьяловым были опубликованы «Циркулярные указы Святейшего православного Синода. 1867-1900 гг.».

3) Документы коллегиального обсуждения – журналы и протоколы:

а) журналы и протоколы распорядительных и педагогических собраний, правлений и советов семинарий и епархиальных училищ Костромской и Ярославской губерний ;

б) журналы и протоколы заседаний епархиальных и окружных съездов духовенства Ярославской и Костромской епархий⁵⁷. Среди них можно выделить протоколы съездов духовенства по обсуждению преобразования духовных учебных заведений в 1867 году. Значительный интерес представляют журналы и протоколы заседаний епархиальных съездов накануне предполагавшегося созыва Поместного собора РПЦ, а также материалы заседаний V отдела Предсоборного Присутствия, занимавшегося вопросами духовного образования⁵⁸.

Документы коллегиального обсуждения позволяют судить о спектре актуальных в исследуемый период проблем духовной школы, рассматриваемых на заседаниях распорядительных и педагогических собраний, правлений, советов семинарий и епархиальных съездах духовенства. Этот вид документации помогает осветить вопросы, связанные с управлением духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний, изменениями в составе педагогических коллективов и т.п.

4) Приходно-расходные книги, сметы на содержание преподавателей и учащихся⁵⁹ и другие документы о материальном состоянии духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний обладают сведениями об уровне финансирования духовных учебных заведений, о размерах взносов за обучение, пособий и стипендий учащихся, заработной платы преподавателей.

5) Прошения о зачислении в семинарию, прошения о зачислении в училища и метрические выписки поступающих, а также

прошения о замещении вакантных должностей преподавателей. Эти документы могут служить источником при определении численности, возраста, сословной принадлежности учащихся и преподавателей⁶⁰.

б) Списки:

а) списки учащихся в семинариях и женских духовных училищах⁶¹;

б) списки поступающих и выпускников («Список окончивших курс Ярославской семинарии в 1857 году»⁶².

в) разрядные списки учеников семинарий и духовных училищ несут информацию не только о численности, но и об успеваемости учащихся⁶³;

7) Ведомости:

а) ведомости успеваемости⁶⁴;

б) ведомости, например «Ведомость, состоящих при Ярославском училище девиц духовного звания за 1867 г.» или «Ведомости о воспитанниках духовно-учебных заведений, поступивших в Епархиальное общество за 1871 год»;

Списки и ведомости предоставляют статистические данные для анализа динамики численности, сословного состава и успеваемости учащихся.

8) Свидетельства и аттестаты выпускников училищ, семинарий, выпускниц женских духовных училищ являются одним из основных источников при изучении уровня успеваемости учащихся⁶⁵;

9) Формулярные списки профессорско-преподавательского состава семинарий, женских духовных училищ. Формулярные списки ректоров и преподавателей духовных семинарий имеют важное значение, т.к. содержат сведения справочного характера. Формулярные списки составлялись по определенной схеме: дата рождения, возраст, сословное происхождение, вероисповедание, имущественное, материальное, семейное положение, продвижение по службе и т.п. Они позволяют представить профессорско-преподавательский состав в целом. Вместе с тем, эта информация не является всеобъемлющей и требует привлечения других источников: автобиографий, частных писем, воспоминаний и др.

10) Следует выделить комплекс архивных документов, в кото-

рых идет речь о забастовках семинаристов и беспорядках в семинариях. На примере этих материалов можно показать степень и масштабы участия ярославских и костромских семинаристов в общественном и революционном движении.

11) Различные дела о состоянии духовных учебных заведений, служебные записки⁶⁶, статистические обзоры⁶⁷, доклады⁶⁸, распоряжения должностных лиц Св. Синода и другие подобные документы, которые дополняют и детализируют информацию о развитии среднего духовного образования.

Таким образом, изучение делопроизводственной документации (материалы которой иногда дублируют законодательные акты) позволяет составить представление об управлении системой духовных учебных заведений, о содержании учебного процесса, о составе штатов, об условиях быта учащихся и т.п. Это дает возможность всесторонне изучить устройство и механизмы функционирования этого типа учебных заведений.

Третью группу источников составляют периодические издания, как духовные, так и светские. В ходе работы над диссертационным исследованием были использованы материалы светской периодики. Это центральные журналы «Русская старина», «Русский архив», «Отечественные записки», «Современник», «Русский Вестник», а также местная пресса.

Большинство газет России являлось официальными изданиями. Выходили газеты, как правило, еженедельно, ежедневных изданий было значительно меньше. Тиражи газет были невелики, всего несколько сотен экземпляров, которые распространялись по подписке, розничная продажа была крайне редкой. Появление официальной газетной периодики в провинции неразрывно связано с созданием «Губернских Ведомостей».

Идея создания местных газет возникла в кругах губернской администрации еще в первые десятилетия XIX в. 27 октября 1830 г. последовало утверждение «Положения об издании «Губернских Ведомостей»», в которых разрешалось публиковать постановления центральных и местных органов власти. Общее руководство «Губернскими Ведомостями» осуществляло Министерство внутренних дел, а на местах — губернаторы и представители местной

администрации. Сначала издание газеты планировалось начать в шести губерниях: Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской. Но по разным причинам начало издания этой газеты состоялось только в Ярославской губернии, а в остальных затянулось на долгие годы. Только 3 июня 1837 г. появился закон об обязательном издании при каждом губернском правлении «Губернских Ведомостей»⁶⁹.

«Ярославские Губернские Ведомости» (далее ЯГВ) начали выходить в Ярославле с 1831 года. Содержание газеты было строго регламентировано и разделялось на четыре отдела: два первых отдела принадлежали официальной части, а два последних - неофициальной. В официальной части этих изданий печатались распоряжения центральной и местной администрации, сведения о перемещениях чиновников, объявления о продажах и многое др. Официальную часть газеты редактировал представитель губернской администрации, для редактирования неофициальной части приглашался другой специалист. Неофициальная часть газеты содержала этнографические, статистико-экономические статьи, материалы по культуре, просвещению. Следует отметить, что некоторое время должность редактора неофициальной части ЯГВ исполнял К.Д. Ушинский⁷⁰. Отличительной особенностью номеров, вышедших под редакцией К.Д. Ушинского, являлось наличие постоянных разделов: «Известия», «Статьи научного содержания», «Смесь»⁷¹. Автором ряда статей по истории средней школы в Ярославской губернии был И.И. Рогозинников, в публикации материалов участвовал профессор Демидовского лицея В.И. Татаринов⁷². В ЯГВ встречались публикации и по истории духовных учебных заведений. Это, например, статья Л.П. Трефолева «Ростовское училище в старину», «Училище девиц духовного звания в Ярославле», А.А. Лаврова «Речь при открытии Ярославского епархиального училища 1 октября 1880 года»⁷³, «Очерки истории Ярославского училища девиц духовного звания»⁷⁴.

В Костроме тоже издавались «Костромские Губернские Ведомости» (далее КГВ). В числе публикаций КГВ были и материалы о духовном образовании.

Комплекты ярославских и костромских «Губернских Ведомо-

стей» сохранились не полностью. Они уступают по степени информативности церковной периодике.

Под влиянием подъема общественной жизни, в 1850-1860-е гг. появилось много новых духовных периодических изданий.

Церковные периодические издания условно разделены на 4 группы: 1) издания Святейшего Синода; 2) периодические издания при духовных академиях; 3) духовно-общественные и духовно-исторические журналы; 4) епархиальные журналы (епархиальные ведомости), регулярно издаваемые с 60-х гг. XIX в. в большинстве епархий России при духовных семинариях и консисториях.

К изданиям Св. Синода относились такие журналы, как «Духовная Беседа», которая являлась официальным органом Св. Синода с 1858 г. по 1876 г., позднее «Церковный Вестник». Среди периодических изданий при духовных академиях можно назвать «Труды Киевской Духовной Академии», «Труды С.-Петербургской духовной академии», «Труды Казанской духовной академии». К числу духовно-общественных и духовно-исторических журналов относились следующие издания: «Православный собеседник», начавший издаваться с 1855 г., «Духовная Беседа», «Православное Обозрение», «Душеполезное Чтение», «Странник», «Церковно-общественный Вестник», «Домашняя Беседа» и др. В 1880-е гг. начали издаваться журналы «Воскресный день», «Пастырский Собеседник», «Русский паломник» и др.

В настоящем исследовании местная церковная периодическая печать представлена газетами «Ярославские Епархиальные Ведомости» (далее – ЯЕВ) и «Костромские Епархиальные Ведомости» (КЕВ), которые среди выделенных групп являются наиболее информативно ёмкими для исследования.

Епархиальные ведомости – это газета являющаяся официальным органом епархий. Инициатива их основания принадлежала архиепископу Херсонскому Иннокентию, выработавшему их программу, утвержденную Святейшим Синодом.

Первые Епархиальные ведомости в Российской империи появились в 1860 г. в Ярославле. Издание ЯЕВ было начато Ярославским архиепископом Нилом. Редактировалась газета знатоками истории края А.П. Крыловым – с 1860 по 1864 гг., а с 1871 по 1898

гг. – Н.Н. Корсунским. КЕВ начали издаваться в декабре 1883 г. В основном, авторами публикаций в КЕВ и ЯЕВ были священники и выходцы из духовной среды.

Епархиальные ведомости состояли из официальной и неофициальной частей. Официальная часть содержала распоряжения Св. Синода и епархиального начальства. В ней печатались короткие сообщения, но их ценность в том, что это, как правило, были важные распоряжения, изменения в уставах, штатах, программах духовных учебных заведений. Неофициальная часть газеты предоставляла место для опубликования самых разных материалов, таких как выписки из творений отцов Церкви и духовных писателей, темы для проповедей, историко-статистические описания и духовные советы. С 1880-х гг. в неофициальной части появился отдел «Светские и духовные учебные заведения». Сам факт появления такого раздела говорит о том, что проблема духовного образования была важной, и освещалась в периодической печати. В епархиальных ведомостях печатались самые различные публикации от коротких заметок об интересных фактах из жизни учебных заведений и писем читателей до обширных статей философского содержания и подробнейших исторических очерков.

Авторами таких статей были, как правило, представители епархиального духовенства, а также костромские и ярославские краеведы. Историческая тематика была представлена в разные годы статьями К.Д. Головшикова, И. Богословского, А. Котельского, К.П. Успенского, А.П. Крылова, Н.Н. Корсунского, И.Д. Троицкого, И. Пospelова, В. Лапшинского, П. Алмазова и многих других.

Материалы епархиальных ведомостей можно по праву назвать одним из основных источников по данной теме. Все, что в них печаталось о духовных учебных заведениях, можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют отчеты о состоянии духовных учебных заведений. Так, с 1880-х гг. в КЕВ и ЯЕВ публиковались ежегодные отчеты о состоянии Костромской и Ярославской духовных семинарий. Костромского и Ярославского Ионафановского епархиальных женских училищ, а также извлечения из отчетов

других духовных учебных заведений.

Вторую группу составляет корреспонденция, т.е. разного рода письма. Например, в семидесятые годы, когда потребность в училищах для девиц духовного звания приобрела особую остроту, на страницах КЕВ и ЯЕВ получили освещение различные точки зрения на эту проблему, представлялись всевозможные способы ее решения.

В следующую группу входят материалы съездов. Это, например, журналы XXIV съезда духовенства Угличского духовно-училищного округа; протоколы заседаний съезда духовенства Ярославского училищного округа⁹⁷ и т.д. Наконец, еще одна группа источников, выдержки из которых публиковались в КЕВ и ЯЕВ – материалы ревизий. Например, извлечение из отчета о ревизии духовных учебных заведений Ярославской епархии за 1873 год.

Кроме перечисленных групп документов, в КЕВ и ЯЕВ печатались списки учебников, а с 1890-х гг. – списки преподавателей, правила поступления в духовные учебные заведения, статистические данные, исторические очерки и обзоры о духовных учебных заведениях Костромской и Ярославской губерний. Таким образом, значимость КЕВ и ЯЕВ, как источников, в которых был собран разносторонний богатый материал, несомненна.

Издание Епархиальных Ведомостей осуществлялось за счет ряда источников, в число которых входили подписная плата (на подписку КЕВ в 1915 г. было собрано 350 руб. 75 коп., в 1916 г. – 358 руб. 25 коп.); публикация объявлений, статей; продажа в розницу и др. Например, КЕВ в начале XX в. печатались в количестве 1 тыс. 100 экземпляров и рассылались в количестве 1 тыс. 90 экземпляров⁹⁹.

В 1917 г. КЕВ были преобразованы. На общем епархиальном собрании 24 мая 1917 г. было принято решение о реорганизации официального печатного органа епархии – КЕВ. Вместо него было предложено издавать Костромской Церковно-общественный Вестник. Это был еженедельный журнал для духовенства и светских людей. В нем планировалось печатать распоряжения центральной церковной и светской власти, которые касались Костромской епархии, а также распоряжения местных епархиальных учреждений, новые назначения на должности в Костромской

епархии, увольнения, отчеты духовных учебных заведений. В неофициальной части журнала освещалась религиозная, церковно-общественная жизнь епархии и многое другое¹⁰⁰. Содержание журнала практически не отличалось от КЕВ. Издание Костромского Церковно-общественного Вестника было прекращено в 1918 г.

Духовные и светские периодические издания являются важным источником, поскольку не только обладают разнообразной информацией о учебно-воспитательном процессе и финансовом положении средних духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний, но и представляют спектр мнений либеральных и консервативных кругов общественности о преобразованиях и процессе развития духовной школы во второй половине XIX – начале XX вв.

К четвертой группе источников отнесены воспоминания, дневники и переписка.

Среди источников, отложившихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), использованы материалы из личных фондов Н.В. Шаховского (Ф.847), К.П. Победоносцева (Ф. 587), Бычковых (Ф.120), П. Н. Тиханова (Ф.777).

Интерес представляют воспоминания учащихся и преподавателей, в которых описано обучение, материальные и бытовые условия жизни в семинариях, участие семинаристов в общественной и революционной деятельности. Воспоминания публиковались как в периодических журналах, так и в виде отдельных книг или брошюр. Из источников, повествующих о семинарском быте, можно указать воспоминания А.В. Смирнова из сборника «Духовная школа». Заслуживают внимания и воспоминания Г.П. Преображенского о Е.П. Шиповой, – первой начальнице Ярославского женского училища духовного ведомства¹⁰¹.

Воспоминания, дневники и переписка играют для изучения истории среднего духовного образования в губерниях Верхнего Поволжья значительную роль, поскольку позволяют получить наглядное представление о переживаниях конкретных людей, функционировании учебных заведений и о системе духовного образования в целом.

В работе использовались материалы справочного характера.

Сведения о выпускниках Ярославской семинарии содержат в себе библиографические очерки «Архиереи из питомцев Ярославской духовной семинарии», составленные К.Д. Головщиковым¹⁰². Списки епархиальных служащих, в том числе закончивших Ярославскую и Костромскую семинарии, представлены в «Именной росписи начальствующих и служебных лиц Ярославской епархии» и в «Алфавитном списке священников и дьяконов Костромской епархии с показанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе».

Таким образом, все группы источников — законодательные акты, делопроизводственная документация, периодическая печать, мемуары помогают раскрыть поставленные в работе задачи. Используя сведения, сообщаемые источниками, представляется возможным изучить организационные принципы деятельности средней духовной школы, рассмотреть процессы подготовки священнослужителей и развития женских духовных учебных заведений, определить причины семинарских волнений в Ярославской и Костромской губерниях в рассматриваемый период.

Система духовного образования складывалась на протяжении многих лет и неоднократно подвергалась преобразованиям. Во второй половине XIX — начале XX вв. это была строго организованная структура с развитым аппаратом управления, определенными источниками финансирования, сложившимися традициями преподавания. Исследование процесса развития духовного образования непосредственно связано с изучением путей формирования структуры духовной школы. Кроме этого, необходимо рассмотреть этапы развития духовного образования в России, выделить виды и типы духовно-учебных заведений, обозначить органы управления системой духовного образования. На примере Ярославской и Костромской духовных семинарий можно изучить содержание учебного процесса среднего духовного учебного заведения, определить источники содержания, проследить изменения численности учащихся и преподавательского состава.

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДНЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В 1860-1870-Е ГГ.

1.1. Правительственная политика в сфере среднего духовного образования. Устав духовных семинарий 1867 г.

Духовное образование представляет собой процесс подготовки кадров священнослужителей, осуществляемый для нужд РПЦ. В середине XIX в. произошло окончательное оформление системы духовного образования. Её структура до начала XX в. оставалась неизменной и включала в себя три звена, соответствующие начальной, средней и высшей духовной школе: училища, семинарии и академии. Поскольку академии не входили в систему духовных учебных заведений епархий, то на уровне этих церковно-административных единиц цикл духовного образования состоял из двух первых этапов. Основным структурным элементом в системе духовного образования являлись средние духовные учебные заведения – семинарии. В семинариях в течение шести лет, разделенных на три двухгодичных класса, преподавались богословские и общеобразовательные предметы, в размере, соответствовавшем курсу гимназий.

Основной задачей духовного образования в середине XIX в. являлось ориентировать духовную школу не только на подготовку священнослужителей, но и преподавательских кадров всех уровней. В первой половине столетия, между задачами, стоявшими перед светской и духовной школами, существовала четкая граница. Духовные учебные заведения отличала профессиональная замкнутость, узаконенная реформой 1814 г. До середины XIX в. целью духовных учебных заведений было дать образование лишь детям священников.

Отмена крепостного права и комплекс реформ 1860-х гг. вызвали новые процессы общественного развития. В изменившихся условиях вопрос о широкой системе народного образования встал наиболее остро. Духовенство должно было принять актив-

ное участи в реализации задач просвещения, как в силу своего профессионального назначения, так и по инициативе правительства. Это отразилось на постановке цели и организации учебного процесса в духовных учебных заведениях. Одной из тенденций развития духовной школы в связи с происходившими реформами было усиление степени ее открытости по отношению к светскому образованию. В связи с тем, что белое духовенство отдавало детей в духовные учебные заведения — профессиональную школу церкви, в центральных епархиях (до трети от общего их числа) постоянно ощущался недостаток мест для размещения выпускников семинарий и училищ. Таким образом, нужно было расширить сферу профессиональной деятельности выпускников семинарий, отойти от строгих сословных рамок.

Духовная школа находилась в тесных связях с культурными, социально-экономическими и общественно-политическими процессами, происходившими в России, поскольку она представляла собой часть системы общего образования, и в то же время была связана с православием, которое являлось государственной религией. Особая группа законов определяла отношения православной церкви с самодержцем. Включенный в Свод законов М.М. Сперанским раздел «О вере» декларировал, что «император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, блюститель правоправия, и всякого в церкви святой благочиния». Он определял круг компетенции органов управления и высших чиновников, закрепляемый специальными уставами.

Из приведенных положений следует политическая зависимость церкви от государства: царь не только назначал обер-прокурора Синода, но также утверждал кандидатов в архиерейский сан и на епархиальные кафедры. Потенциал властных полномочий должности Обер-прокурора, заложенный еще Петром I в указе от 11 мая 1722 г., полностью реализовался в эпоху Николая I, когда административная структура церкви была перестроена по примеру министерской. Так, подобно министрам, обер-прокурор еженедельно представлял царю Доклады по текущим делам церкви. Ни Синод, ни его ключевая фигура, митрополит Петербургский,

этого права не имели. При Обер-прокуроре С.Д. Нечаеве (1833–1836 гг.) Св. Синод был лишен права ревизии финансов церкви.

Значительные изменения произошли при графе Н.А. Протасове, занимавшем эту должность, последующие почти два десятилетия. Он учредил собственную канцелярию по образцу министерств, а синодальную, тоже подвластную ему, значительно расширил. Образовалась сеть управлений с большим числом светских чиновников, контролируемая Обер-прокурором. Теперь Синод не мог вынести никакого решения по хозяйственным, учебным и многим другим, даже чисто конфессиональным, делам без предварительной подготовки их в соответствующих столах (отделах) канцелярии. Поскольку же прямым начальником канцеляристов был Обер-прокурор, проекты решений выносились на рассмотрение Св. Синода только с его санкции. Из подчинения Св. Синода были выведены хозяйственные дела, образовав тем самым так называемое Хозяйственное управление. Подобным образом для обсуждения вопросов по учебно-педагогической деятельности и для наблюдения за состоянием духовных учебных заведений при Св. Синоде в 1839 г. Комиссия духовных училищ была преобразована в Духовно-учебное управление.

В середине XIX в. завершился процесс формирования системы управления духовного образования. Все категории духовных учебных заведений были соединены в общую организацию, в которой низшие звенья подчинялись высшим.

Еще по уставу 1808 г. епархии России были разделены на духовно-учебные округа: С.-Петербургский, Московский и Киевский. Таким образом, кроме местных органов управления была сформирована система округов, состав которых изменялся в течение первой половины XIX в.

К Петербургскому округу были отнесены шесть семинарий: Новгородская, С.-Петербургская, Псковская, Тверская, Могилевская, Архангельская; позднее к этому округу были отнесены Смоленская, в 1829 г. – открытая в Петрозаводске Олонецкая, в 1848 г. -Белорусская (Полоцкая), Литовская семинарии. В 1850 г. Рижское духовное училище было преобразовано в семинарию, которая была также включена в состав С.-Петербургского окру-

га. Таким образом, в начале 50-х годов XIX века С.-Петербургский округ насчитывал 9 семинарий.

В Московский округ входили: Московская, Вифанская, Ярославская, Рязанская, Калужская, Владимирская, Вологодская, Тульская, и Костромская семинарии. До открытия Казанской академии Московскому округу принадлежали семинарии Казанского округа:

Казанская, Нижегородская, Пензенская, Тамбовская, Астраханская, Оренбургская в Уфе, Вятская, Пермская, Тобольская, Иркутская, а также открытые в 1830 г. и в 1840 г. Саратовская и Симбирская семинарии.

В 1817 г. образовался Киевский округ. В него входили следующие семинарии: Киевская, Черниговская, Полтавская, Волынская, Подольская, Екатеринославская, Минская, Орловская, Воронежская, Курская, Харьковский коллегийум, а также образовавшиеся в 1819 г. Кишиневская, в 1818 г. Тифлисская и в 1838 г. в Одессе Херсонская семинарии. Всего в Киевский округ входили 14 семинарий¹⁰³.

С открытием в 1842 г. Казанской академии образовался самостоятельный Казанский округ, куда вошли семинарии: Казанская, Нижегородская, Пензенская, Тамбовская, Астраханская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Тобольская, Иркутская, Симбирская, Саратовская и открывшаяся в 1846 г. в Ставрополе Кавказская семинарии. Таким образом, в Казанский округ входили 13 семинарий.

Во главе каждого округа стояла академия, которая через внешнее академическое правление и академическую конференцию управляла семинариями не только в учебном, но и в административном отношении¹⁰⁶. Семинарии, в свою очередь, управляли духовными училищами своей епархии. Внешнее правление состояло из ректора академии, двух членов внутреннего академического правления и двух членов конференции. До открытия Казанской академии было три окружных правления. Казанский округ был вверен правлению московской академии, при котором для этого образовано особое отделение, под названием академического правления по Казанскому округу. Это положение действовало до

1842 г. Внешние правления осуществляли контроль всего происходящего в своем округе. Целью деятельности академических конференций было распространение новейших знаний и повышение интеллектуального уровня духовенства своего округа. В состав академических конференций входили действительные члены: епархиальный архиерей, ректоры академий, профессоры: богословских, философских, словесных, исторических и математических наук, еврейского и греческого языков; почетные члены и члены-корреспонденты¹⁰⁷.

Система управления церковью, которая сложилась в царствование Николая I, просуществовала с небольшими изменениями до 1917 г. Во главе православной церкви стоял царь, ему непосредственно подчинялся обер-прокурор Св. Синода и его помощники. Обер-прокурор и Св. Синод имели свои отдельные канцелярии, однако последняя была подотчетна первой. Центральной фигурой среди служащих обер-прокурора был секретарь канцелярии. Канцелярии обер-прокурора были подчинены духовные консистории, ведавшие церквями, священно- и церковнослужителями. Св. Синоду через его канцелярию подчинялись епархиальные епископы, викарии, епархиальные дома.

В административно-территориальном отношении империя была поделена на епархии, границы которых, как правило, совпадали с границами губерний. Каждая епархия состояла из двух и более округов, во главе которых находились духовные правления. С 1840 г. их постепенно упраздняли, передавая освобождающиеся средства на усиление епархиальных консисторий. Но к началу церковной реформы Александра II оставалось еще 155 правлений. При новом административно-территориальном делении сохранились только более мелкие округа — благочиния по 10-30 приходов каждое. В 1861 г. благочиний насчитывалось 2 тыс. 486, а приходов — 31 тыс. 136. Епархиальное управление строилось по введенному Н.А. Протасовым в начале 1840-х гг. Уставу духовных консисторий — местных органов управления православной церкви во главе с епархиальным архиереем. В сферу их компетенции помимо многого другого, входило также содержание духовных учебных заведений¹¹².

Духовенство распалось на две группы: монашествующую (в следующей иерархии: архиереи – митрополит, архиепископ, епископ, в монастырях – архимандрит, игумен, иеромонах, монах, и иеродиакон, послушник и схимонахи); и группа белого духовенства, состоявшего из священнослужителей: протопресвитеров, протоиереев, иереев и дьяконов, а также церковнослужителей: иподьяконов, причетников, псаломщиков и дьячков. Особое звено в церковной организации и в самом духовенстве составляли священнослужители, обслуживающие царский двор, армию и флот¹¹⁹.

Православное духовенство обладало многими правами и льготами. Так, оно не платило личных податей, не несло повинностей. В целом по правам оно стояло очень близко к дворянству. Но с другой стороны, законодательство сделало его замкнутым сословием: лицам податных состояний поступление в духовенство было затруднено, особенно в клир, на священнические места; выйти из сословия было тоже затруднительно. Необходимо было упразднить законы, отгораживающие сословие от общества, расширить участие духовенства в начальном народном образовании, повышая тем самым престиж церкви и государства.

Поскольку обучение детей духовенства стало обязательным, расходы приходского духовенства увеличились – деньги требовались не только на питание и квартиры, но и на покупку одежды, предметов домашнего обихода. По подсчетам И.С. Беллюстина, семье священника в год необходимо было тратить 647 руб. 50 коп. серебром: 357 руб. на семью, а 250 руб. на учащихся детей (два сына в семинарии и один в уездном училище)¹²⁰. Следовательно, требовалось решить вопрос о улучшении финансового положения духовенства.

Таким образом, результатом церковной реформы должно было стать повышение авторитета православного приходского духовенства путем улучшения его материального положения, устранения сословных рамок и повышения уровня профессиональной подготовки. Реализация этих мероприятий на практике обуславливала внесение изменений в политику по отношению к духовному образованию.

Для политики Н.А. Протасова в области подготовки священнослужителей характерно особое внимание к сельскому духовенству. В начале 1840-х гг. по инициативе обер-прокурора в систему духовного образования были введены некоторые новшества. В отчёте Синода за 1843 г. сообщалось, что 58 лучших воспитанников духовных семинарий были направлены в Горьгорецкую агрономическую школу. Курс обучения длился три года. Школа готовила специалистов, которые должны были не менее шести лет преподавать в семинариях агрономию. После шести лет преподавательской деятельности они могли стать сельскими священниками, «...чтобы после принесённой пользы духовному юношеству преподаванием правил доброго хозяйства распространять оное и в народе примером своим и влиянием». В 1845 г. агрономии обучалось 4 тыс. 821 семинаристов; в 1846 г. – 6 тыс. 854 ученика; началам медицины – около 4 тыс. семинаристов. Эти цифры были зафиксированы в извлечениях из отчётов обер-прокурора Св. Синода и по мнению Б.Г. Литвака они свидетельствуют о стремлении правительства укрепить авторитет сельского духовенства в крестьянской среде¹²¹.

Н.А. Протасовым были предприняты меры, направленные на усовершенствование учебного процесса. В первой половине XIX в. существовали два вида низших духовных училищ – уездные и приходские. Во главе каждого уездного училища стоял ректор, а во главе приходского – смотритель. Обязанности ректоров и смотрителей были совершенно одинаковы.

В 1851 г. Св. Синодом было принято решение слить уездные училища с приходскими, под названием уездных, с тремя отделениями и шестигодичным курсом обучения. Отделения были: низшее, среднее и высшее. Низшее отделение образовалось из двух классов приходских, а среднее и высшее отделения – из классов уездных училищ. Кроме того, открывались особые причетнические классы для преподавания предметов, относившихся к причетническим обязанностям.

При Н.А. Протасове, с конца 1840-х гг. начинает развиваться женское духовное образование. Возникают женские училища духовного ведомства, дающие неполное среднее образование.

Протасовские преобразования 1830-1850-х гг. усовершенствовали учебные планы академий и семинарий. Реорганизовав приходские и уездные училища в уездные, была упорядочена система духовного образования. Однако структурные усовершенствования и частичное корректирование учебных планов не повлекли глобальных улучшений в системе подготовки священнослужителей, поскольку не изменили внутреннего содержания и задач духовного образования.

Были проведены мероприятия по улучшению материального положения духовной школы. Но, несмотря на попытку увеличения штатного жалования преподавателей семинарий, служащие гимназий были обеспечены лучше своих коллег в духовных учебных заведениях. Преподаватели семинарий получали классные оклады по степеням: магистры — 100 руб. в год, кандидаты — 71 руб. 50 копеек¹²². Так, например, годовой оклад директора гимназии по штату 1828 г. колебался в пределах от 571 руб. до 857 руб.. Размер оклада зависел от того, где находилось учебное заведение: в столичном городе (в С. Петербурге — 857 руб. ; в Москве — 771 руб.); или в провинции. Все губернии делились на три разряда : в губерниях первого разряда директор гимназии получал 714 руб. ; второго — 643 руб. ; третьего — 571 руб.. Старшие учителя гимназии могли получать от 393 руб. до 643 руб., младшие учителя повсеместно получали 343 руб. в год. В то же время ректор семинарии получал жалование в пределах от 257 руб. до 429 руб. в год; профессор — от 257 до 429 руб., инспектор от 128 до 200 руб., смотритель уездных училищ — от 150 руб. до 214 руб. в год.

К 1859 г. оклады служащих светских средних учебных заведений были повышены. Директор гимназии мог теперь получать от 800 руб. до 1000 руб., инспектора — от 700 руб. до 850 руб., учителя — от 550 руб. до 750 руб.; а жалование преподавателей духовных учебных заведений оставалось прежним¹²³.

В среднем жалование служащих гимназий в конце 1850-х гг. было увеличено на 23%. Если сравнить оклады директора гимназии и ректора семинарии до повышения окладов разница составляла в среднем 55%, а после повышения она достигала уже 78% в пользу гимназий. В 1850 г. духовно-учебный капитал был увели-

чен относительно 1840 г. на 1 тыс. 216 руб. и составлял 15 млн. 789 тыс. 264 руб. Несмотря на это, материальное обеспечение преподавателей духовных учебных заведений по сравнению с учителями гимназий оставалось неудовлетворительным. Проблема улучшения финансового положения духовной школы осталась актуальной и требовала решения.

К 1850 г. система духовного образования выглядела следующим образом: в четырех духовных академиях обучалось 383 студента, в 47 духовных семинариях – 16 тыс. 702 слушателя и 182 училищах – 24 тыс. 737 учеников¹²⁴.

Зависимость церковной жизни от общегосударственной политики проявлялась в процессе подготовки и проведении реформ 1860-х гг., которые должны были затронуть официальную церковь (тем более что реформы предпринимались для укрепления основ самодержавия). Автором церковной реформы следует считать преимущественно П.А. Валуева. Биографические и служебные материалы, отразившие его деятельность во время пребывания в должности министра внутренних дел (23 апреля 1861г. – 9 мая 1868 г.), показывают, что именно он убедил Александра II принять решение о широкомасштабной реформе церкви.

Еще до отмены крепостного права начали проектироваться новая реформа духовных учебных заведений, и разрабатываться новый устав духовных семинарий. Устав духовных семинарий регламентировал цель, задачи, методику обучения, программу курса, количество учащихся в тех или иных семинариях, штаты и оклады преподавательского состава, должностных лиц и прочего персонала. Устав духовных семинарий являлся, таким образом, документом, отражающим развитие духовного образования. Принятие нового устава основной структурной единицы в системе духовного образования – семинарии, влекло наступление нового периода в истории развития духовной школы. Церковь и государство были взаимосвязаны. Колебание курса внутренней политики отражалось на церковной жизни, а, следовательно, и на состоянии духовной школы. В связи с этим уставы духовных семинарий вполне уместно рассматривать как отражение этапов правительственной политики в сфере духовного образования.

Развитие духовной школы в данный период проходило под влиянием реформ, проводимых Александром II (крестьянской, земской, военной, судебной и др.). В планах преобразований Александра II особое место отводилось проведению церковной реформы в 1863 г., которая началась одной из первых среди других, последовавших за отменой крепостного права. В программу реформы входило улучшение материального обеспечения, расширение личных и гражданских прав приходского духовенства, предоставление детям церковнослужителей возможности обеспечивать свое существование во всех видах гражданской деятельности и др. Реформа должна была, в числе прочих мер, изменить в лучшую сторону положение духовных учебных заведений, улучшить материальное и правовое положение учащихся. Однако первоначально намеченная церковная реформа не была осуществлена, поэтому многие положения реформы духовных учебных заведений (главным образом, духовных семинарий и училищ) были тесно связаны с положениями уставов светских учебных заведений. В 1860-е гг. были приняты новые более либеральные, чем прежде, уставы практически всех учебных заведений России. Это – университетский устав 1863 г., уставы гимназий и прогимназий (1864 г.), военных гимназий (1863 г.), духовных училищ и семинарий (1867 г.), духовных академий (1869 г.).

За восемь лет подготовки было выработано три проекта Устава гимназий: 1860 г., 1862 г., и 1863 г. По уставу 1864 г. создавались классические и реальные гимназии. Первые – с двумя древними языками – латинским и греческим, одним новым (по выбору) и кратким курсом естественной истории; вторые – без древних языков, но с усиленным преподаванием естествознания, математики, физики и двух новых языков. Другие предметы – Закон Божий, русский язык, история, география преподавались в одинаковом объеме в гимназиях обоих типов. К обсуждению нового Положения о светской школе были привлечены общественные круги, а сама разработка, велась в духе передовых педагогических идей. Тем не менее, первоначально намеченный демократичный характер Положения 1864 г. был частично утрачен. Устав 1864 г. закрепил бюрократическую власть Министерства народ-

ного просвещения, сосредоточившего в своих руках контроль над школами разных ведомств. Но, в то же время, устав 1864 г. предоставил учителям гимназий достаточно широкую свободу в преподавании. Педагогические советы гимназий получили право обсуждения и одобрения программ по каждому предмету, а также право выбора учебных руководств и пособий¹²⁵.

Все существенные изменения в светской школе отражались на школе духовной. Наблюдалось кооперирование деятельности Министерства народного просвещения и Святейшего Синода по вопросам начального и среднего духовного образования. Еще до появления комитета по вопросам реформы духовных училищ и семинарий под председательством архиепископа Херсонского Димитрия, в 1856 г. при участии Св. Синода началось обсуждение реформы светской школы. Частичная либерализация светских учебных заведений повлекла за собой демократические преобразования в сфере духовной школы.

Реформы 1860-х гг. обусловили расширение влияния общественных институтов во всех сферах деятельности, в том числе и в педагогике. Педагогическая и литературно-публицистическая журналистика поддерживала распространение передовых идей о воспитании и образовании. Во второй половине 1850 – начале 1860 гг. возникли педагогические журналы «Воспитание», «Русский педагогический вестник», в которых выявлялись задачи отечественного образования. В начале 1860 г. в С.-Петербурге возникло первое в России Педагогическое общество. Членами общества были К.Д. Ушинский, А.С. Воронов, Д.Д. Семенов, и другие известные педагоги. Общество проводило в жизнь идеи обновления российской системы образования, подвергало критике косность и формализм в воспитании и обучении, непригодные способы преподавания, устаревшие учебники и пособия. Обществом издавался журнал «Педагогическая летопись», создавались филиалы в других городах. По вопросам воспитания и образования в журналах «Современник», «Отечественные записки» публиковали свои статьи знаменитые публицисты Д.И. Писарев, Н.В. Шелгунов, Н.Г. Чернышевский и другие. Увеличилось число детских и юношеских изданий и педагогических журналов. Во

второй половине 1860-х гг. впервые стал издаваться педагогический журнал по дошкольному воспитанию «Детский сад»¹²⁶.

Интерес общественности к проблемам образования нашел отражение в российской печати. Издававшаяся пресса дифференцировалась по политическим воззрениям. Она подразделялась на консервативные издания, которые постоянно придерживались официальной правительственной позиции (газеты «Правительственный вестник» и «Санкт-Петербургские ведомости»), а также близкие по взглядам к ним «правые» журналы («Гражданин» и «Порядок») и синодальные журналы («Церковные ведомости» и «Церковный вестник»). В отдельную группу выделялись либеральные издания, критически относившиеся к консервативным решениям правительства. Это такие газеты, как «Голос», «Новости», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Неделя» и др. Из ежемесячных изданий можно назвать «толстые» литературные журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство». Кроме этого были церковные газеты и журналы, занимавшие свои специфические позиции.

Духовная журналистика заметно оживилась в начале 1860-х гг., когда появляется ряд новых журналов: «Дух Христианина» и «Странник» в С.-Петербурге, «Православное Обозрение» и «Душеполезное Чтение» в Москве, «Духовный Вестник» в Харькове, «Руководство для сельских пастырей» в Киеве. Эти издания присоединились к уже существующим журналам: «Христианское Чтение», основанное в С. — Петербурге в 1821 г. при С. — Петербургской духовной академии, «Воскресное Чтение», издаваемое с 1837 г. при Киевской духовной академии, «Православный собеседник», издававшийся с 1855 г. при Казанской духовной академии и многие другие¹²⁷.

В связи с проводимыми правительством реформами, вокруг вопросов о содержании образования и, в частности, духовной школы, разгорелись идеологические споры. В конце 1850-х — начале 1860-х гг. XIX в. вопрос о преобразовании духовной школы ознаменовался полемикой между консервативным и либеральным спектрами политической, религиозной и общественной мысли. В светских и духовных журналах и газетах самого разного поли-

тического направления помещались статьи, в которых делались попытки проанализировать причины бедственного положения духовенства. В духовных журналах печатались материалы в защиту духовенства. В частности, одна из статей сборника «Русское духовенство», авторы которого противостояли светской прессе, была опубликована в №17 «Духовной беседы» за 1859 год.

В светской литературе появлялись статьи критического содержания о положении русского духовенства, где указывалось на апатичность духовенства к общественным проблемам, кастовость духовного сословия, однобокость образования и даже невежество некоторых священников. Так, например, подобные статьи были напечатаны в журналах «Отечественные записки» (1858 г. статья «Современная хроника России»), «Русский Вестник», «Русский Педагогический Вестник». В радикально демократических периодических изданиях были представлены с резкой критикой быт русского духовенства и система духовного образования.

Одним из наиболее ярких примеров изданий демократического направления являлся журнал «Современник», в котором печатались статьи Н.Г. Чернышевского. На протяжении 1860-1861 гг. острая дискуссия велась между «Современником» (в лице Н.Г. Чернышевского) и журналом «Труды Киевской Духовной Академии» (статьи П. Юркевича). Полемика была начата статьей Н.Г. Чернышевского «Об «Антропологическом принципе философии»»¹²⁸. Статья была написана в защиту П. Л. Лаврова, автора работы о философии реализма и представляла собой обращение к слушателям духовных академий. П. Юркевич написал опровержение статьи Н.Г. Чернышевского, которое поддержал журнал «Русский Вестник»¹²⁹. Дискутируя с П. Юркевичем по поводу опровержения своей статьи, Н.Г. Чернышевский ссылался на ограниченность и недостаточную образованность своего оппонента, бывшего выпускника духовной семинарии: «Юркевич – несчастный человек, потому что учился в семинарии, и учился по плохим руководствам...», «Я сам – семинарист. Я знаю по опыту положение людей, воспитывающихся, как воспитывался г. П. Юркевич... Все мы, семинаристы, писали точно то же, что писал г. П. Юркевич. Если угодно, я могу доставить в редакцию «Русско-

го Вестника» так называемые на семинарском языке «задачи», то есть сочинения, маленькие диссертации, писанные мною, когда я учился в философском классе Саратовской семинарии... В этих «задачах» написано то же самое, что в статье г. П. Юркевича. Известно, как пишутся эти вещи, что пишется в этих вещах — то есть известно нам, семинаристам». Критика Н.Г. Чернышевского направлялась на догматический характер семинарского образования, которое не было рассчитано на восприятие новых направлений философской мысли и исключало творческий поиск истины.

Духовные издания упрекали светских писателей в клевете на духовенство и оскорбительном тоне критики православной веры¹³⁰. В ответ на это светские периодические издания отмечали: «... как необходимо для духовенства гласное, печатное обсуждение вопросов, касающихся его внешнего положения и устройства. Подобным обсуждением не может быть унижено достоинство православной церкви»¹³².

В начале 1860-х гг. в светских изданиях стали появляться статьи с менее критичными оценками. Это, например, газета И.С. Аксакова «День», в которой помещались материалы о проблемах духовного сословия, предлагалось искать пути улучшения положения духовенства. В беллетристических сочинениях и воспоминаниях были даны картины тяжелого семинарского быта, выявлен догматизм преподавания, непрофессионализм преподавателей, плохая оснащенность наглядным материалом, недостаток учебных пособий и учебников. Это романы, мемуары и записки, опубликованные в журнале «Русская старина». Авторами этих работ были выпускники семинарий, священнослужители, публицисты и писатели из духовной среды. Не только состояние низшего эшелона, но и верхние слои духовного сословия были подвергнуты критике. Был поднят вопрос об отношении духовенства с государственной властью, о зависимости Православной Церкви от государственной власти¹³³.

Духовенство также участвовало в дискуссии о проблемах духовной школы. Лиц, высказывавших свои мнения по поводу улучшения духовного образования и воспитания, можно было разде-

лить на два противоположных лагеря. Одни поддерживали строго сословную организацию духовной школы, другие выступали за обучение детей духовенства в общеобразовательных учебных заведениях. Сторонники последнего направления обращали внимание общественности на то, что нравственно-религиозному влиянию духовенства на общество препятствует обособленность духовного сословия, которую подчеркивают духовные учебные заведения. Кроме того, из-за недостаточного объема общеобразовательных предметов, в семинарском курсе, духовное образование приобретало одностороннюю направленность, что отрицательно сказывалось на образовательном уровне выпускников духовной школы.

Для приобщения духовенства к светскому обществу предлагалось распределить общеобразовательные и богословские предметы между двумя типами учебных заведений, оставив в семинариях только богословские предметы. Общее образование дети духовенства могли бы приобрести в светских учебных заведениях.

За такое разделение богословских и общеобразовательных предметов и за слияние духовной школы со светской, выступали как светские, такие как газета «День», журнал „Русский Вестник», так и духовные периодические издания. Так, например, в журнале «Русский Вестник» за 1863 г. была напечатана статья «Об улучшении быта духовенства». В журналах «Православное Обозрение» в феврале 1861 г. была опубликована статья «По вопросу о преобразовании духовных училищ», «Странник» – статья «Мысли по случаю современных толков о духовных семинариях и духовенстве», статьи «О преобразовании духовных училищ» в «Русской речи» за 1861г., «К толкам о семинарском образовании», опубликованной в «Трудах Киевской Академии» за 1861 г. и многие другие публикации¹³⁵.

Этот проект о слиянии духовных школ со светскими учебными заведениями и об учреждении специальных богословских училищ для учеников, выбравших духовное поприще, подвергся критике сторонников идеи лишь частичных преобразований в духовной школе, без коренных структурных изменений, не от-

деляя общеобразовательные предметы от богословских. Эти частичные преобразования включали в себя некоторые изменения в учебных программах духовных учебных заведений и улучшения материального обеспечения. Причины, по которым не следовало обучать детей духовенства в светской школе, указывались следующие: 1) общеобразовательные предметы трактуются иногда весьма узко и даже пагубно (например, в материалистическом ключе) для будущих служителей церкви; 2) преподавание в гимназиях далеко от совершенства, по большей части скопировано с иноземного образца и мало укрепляет истинно православный дух в своих учениках, таким образом, воспитательная часть также нуждается в улучшении. Светская, казенная школа, по мнению сторонников консервативного течения, проникнута духом служебной карьеры, которая не согласуется с идеями служения РПЦ.

Таким образом, главными направлениями критики духовного образования со стороны либеральных деятелей были следующие: а) догматический характер духовного образования в России (хотели придать ему более светский облик); б) тяжелое материальное положение преподавателей и учащихся духовных училищ и семинарий. И лишь в последнем либералы находили себе сторонников в лице консерваторов. В числе литературно-критических особенностей стоит отметить близкую к объективной оценку положения, существовавшего в российских духовных учебных заведениях. Ведь большинство из этих критиков сами преподавали в них. Острый характер критики, зачастую, в условиях российской цензуры, носил анонимный и нелегальный характер произведений. Они достаточно адекватно отражали атмосферу, царившую в духовных учебных заведениях России 1860-1870-х гг. XIX в.

Принятию Устава духовных семинарий в 1867 г. предшествовала длительная подготовительная работа в течение семи лет (1860-1866 гг.), когда создавались особые комитеты и комиссии для работы над составлением проекта Устава. Учитывались также мнения ректоров и преподавателей семинарий, епархиальных архиереев и других духовных лиц. В сентябре 1856 г. Обер-прокурором был назначен генерал-лейтенант А. П. Толстой, которым был прове-

ден своеобразный опрос мнений среди иерархов православной церкви. В частности, в 1858 г. Петербургский митрополит Григорий в своей докладной записке указывал на необходимые изменения в системе подготовки священников. По епархиям тоже были разосланы циркуляры, направленные на выявление мнений епархиальных архиереев и ректоров семинарий. Таким образом, постепенно собирался материал для будущей реформы духовных учебных заведений. В 1858 г. во время своей поездки по стране Александр II посетил Ярославскую, Вологодскую, Нижегородскую и Литовскую духовную семинарии¹⁴¹.

В результате проделанной работы, 25 февраля 1860 г. при Св. Синоде под руководством херсонского епископа Дмитрия для рассмотрения отзывов епархиальных архиереев и семинарских ректоров был создан комитет по разработке проекта преобразования духовной школы¹⁴². В состав комитета вошли: духовные лица – ректор Петербургской академии Платон, архимандриты Феофилакт Губин и Феодосии Шаповаленко, протоиереи Дебольский и Полисаров; светские лица представляли чиновники из канцелярии Обер-прокурора Св. Синода С.Н. Урусов, С.С. Гаевский, Т.П. Филиппов. Членами комитета были представитель Московского митрополита А.В. Горский и протоиерей Богословский – законоучитель при императорском училище правоведения¹⁴³. Задачей комитета являлось проанализировать мнения епархиальных архиереев и отчеты ректоров семинарий.

Проект реформы духовных учебных заведений был создан комитетом к 1863 г. и разослан по епархиям для обсуждения. Три года этот проект обсуждался, и в результате было установлено, что запланированного финансирования реформы за счет доходов от свечных заводов недостаточно. По распоряжению графа Д.А. Толстова была выделена дополнительная дотация для духовных учебных заведений в 1,5 млн. руб.

17 марта 1866 г. был учреждён новый комитет по подготовке реформы во главе с киевским митрополитом Арсением Московским. В состав комитета вошли член совета министра внутренних дел, ректор университета и представитель министерства просвещения. В течение семи лет (1860-1867 г.г.), когда действовали эти

комитеты, обсуждению подлежали не только вопросы количества штатов духовных учебных заведений, но и проблемы сословного характера духовной школы, изменения задач содержания духовного образования в целом. Целью ставилось выпускать образованных служителей церкви, способных совмещать пастырскую деятельность с учительством.

Большое значение в подготовке Устава 1867 г. имел анализ мнений, пожеланий и отзывов о ней ректоров, преподавателей, епархиальных и синодальных служащих, которые предлагали конкретные, по их мнению, правильные пути реформирования средней духовной школы.

Вместо Духовно-учебного управления, которое возглавлялось светским чиновником, при Св. Синоде был создан новый орган управления — Учебный комитет, во главе с духовным лицом¹⁴⁴. Учебным комитетом определялось содержание и методика обучения, посылались ревизоры, проверяющие духовные учебные заведения, объявлялись конкурсы на составление лучших учебных руководств и пособий. В Учебном Комитете, под руководством лица духовного сана, состояли постоянными членами, как духовные так и светские лица. Члены комитета назначались решением Св. Синода.

Духовно-учебные округа были отменены, а административная власть академий по отношению к семинариям и семинарий по отношению к духовным училищам уничтожена. Духовные учебные заведения были подчинены теперь епархиальному начальству. Это приблизило духовную школу к епархии, привлекло к участию в делах семинарий и училищ местное епархиальное духовенство. Таким образом, семинарии, находясь под наблюдением духовно-учебного комитета при Св. Синоде в текущих учебных, воспитательных и хозяйственных делах, стали снова епархиальными семинариями, какими они были до 1814г.

14 мая 1867 г. были утверждены новые уставы и штаты духовных училищ и семинарий¹⁴⁵. Семинарии из трехклассных учебных заведений были преобразованы в шестиклассные. Вместо трех двухгодичных были введены шесть одногодичных курсов. Специальный богословский курс был отделен от комплекса обще-

образовательных предметов. Из предметов богословского курса было усилено преподавание Основного Богословия (или Апологетики). В общеобразовательной части, занимающей первые четыре года, наибольшее число уроков было отдано для преподавания греческого и латинского языков. Чтение Св. Писания проходило через весь семинарский курс. Медицина и сельское хозяйство были исключены из числа учебных предметов, а вместо них введено преподавание педагогики с практикой учащихся старших классов в церковных воскресных школах.

Введение педагогики предполагало расширение профессиональной деятельности выпускников духовных семинарий. Но духовенство в большинстве случаев не было готово совмещать свою деятельность с преподаванием в светских школах Министерства народного просвещения. Довольно часто священники отказывались даже от должности законоучителя, и к концу 70-х гг. XIX в. до двух тысяч мест замещались светскими преподавателями¹⁴⁶. Следовательно, сэкономить время и средства, необходимые для подготовки светских учителей начальной школы за счет духовной школы не удалось.

Духовная школа была менее обеспечена, чем светские учебные заведения. Так, например, «... Инспектор Тверской семинарии оставил свое место и принял должность младшего учителя в Тверской гимназии...». Связано это было с тем, что на своем месте инспектора семинарии, в чине коллежского советника он получал только 300 руб. в год, а в гимназии – 800 руб. в год¹⁴⁷. В связи с этим возникла необходимость увеличить оклады преподавателей духовных семинарий и училищ. По новому штату 1867 г. ректор семинарии получал в год 1 тыс. 200 руб. в год, а инспектор – 900 руб. в год, преподавательские оклады зависели от количества часов, выслуги лет, ученых степеней и званий. В среднем преподавательский оклад колебался в пределах от 900 до 150 руб. в год¹⁴⁸. Несмотря на предпринятые меры, уровень материального обеспечения преподавателей духовных семинарий оставался ниже, чем у преподавателей светских учебных заведений. Директор-распорядитель Общества пароходства и торговли, а впоследствии член Совета министров финансов Н.А. Но-

восельский в 1883 г. писал обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву: «Правительство платит гг. профессорам и учителям гимназий, почти поголовно ему враждебным, сеющим крамолу, гораздо более, нежели преподавателям наук в духовных академиях и семинариях»¹⁴⁹.

С семинариями были тесно связаны духовные училища. Эти учебные заведения содержались на средства Св. Синода и местного духовенства. Духовные училища подчинялись местным семинарским правлениям. По ходатайству местного духовенства епархиальные архиереи могли открывать параллельные классы в училищах.

Каждая епархия, по числу находящихся в ней духовных училищ, была разделена на участки, которые назывались училищными округами. Границы училищных округов определялись епархиальным начальством¹⁵⁰. Духовенство училищных округов было обязано заботиться об училище этого округа. Окружное духовенство дважды в год собиралось на съезды, для этого из среды священнослужителей избирались по одному священнику от десяти причтов¹⁵¹. На съездах были обязаны присутствовать члены училищного правления, которые знакомят съезд с делами и потребностями училища.

О благополучии училищ заботились и семинарские правления. На правление семинарий, находящихся в одной епархии с духовными училищами возлагалось обсуждение программ преподаваемых в училищах предметов, подборка учебных руководств и т.д. Правление семинарии ежегодно рассматривало отчеты по учебно-воспитательной части, составляемые смотрителями училищ, и избирало ревизоров для проверки училищ.

Непосредственное руководство духовными училищами осуществлялось училищными правлениями. В состав училищного правления, под председательством смотрителя, входили помощник смотрителя, один из преподавателей, избираемый правлениями, два представителя из духовенства училищного округа, избираемые на три года.

Возглавлял училищное правление смотритель. Он назначался епархиальным преосвященным из кандидатов, избираемых съез-

дом духовенства или семинарским правлением по требованию преосвященного. Смотритель должен был иметь ученую степень магистра или кандидата академии; он мог преподавать один из предметов, имея до шести уроков в неделю, все остальное время посвящалось посещению уроков, проверкам знаний учеников и деятельности учителей.

У смотрителя мог быть помощник, избираемый училищным правлением из старших учителей. Учителями училища могли стать студенты семинарии и академии или преподаватели из других ведомств. При обсуждении наиболее важных вопросов на заседании правления приглашались все преподаватели. Собиралось училищное правление не менее одного раза в неделю.

Деятельность училищного правления охватывала все стороны жизни училища. Правление занималось делами приема, исключения, перевода учеников из класса в класс. Обеспечивало материальное содержание учащихся, назначение стипендий лучшим ученикам. Правление рассматривало ежемесячно предоставляемые учителями ведомости об учениках, составляло экзаменационные списки, расписания еженедельных уроков по классам, правила о порядке хранения и выдачи книг и учебных пособий; заботилось о достаточном количестве книг для училищной библиотеки. Правление рассматривало ежегодные отчеты смотрителя училища, составляло годовую смету по содержанию училища, заведовало всеми частями училищного хозяйства и т. д.¹⁵²

Учебные программы духовных уездных училищ были рассчитаны на 4 класса с годичным курсом в каждом. Численность учеников в каждом классе не должна была превышать более 40 человек.

В духовных училищах преподавались следующие предметы: 1) Св. история Ветхого и Нового Завета; 2) Пространный христианский катехизис; 3) Изъяснение богослужения с церковным уставом; языки: русский и церковно-славянский, латинский, греческий; 4) география; 5) арифметика; 6) чистописание; 7) церковное простое и нотное пение. Для обозначения успеваемости и поведения учеников была введена пятибалльная оценочная система: «5» – отлично, «4» – очень хорошо, «3» – хорошо, «2» –

посредственно, «1» – слабо.

Училища являлись подготовительными учебными заведениями к семинариям. Они занимали промежуточное положение между начальной и средней школой. Таким образом, семинарии и духовные училища были взаимосвязаны.

Преобразование семинарий восстановило классическое направление, которое первоначально лежало в основе старого семинарского курса. Устав 1867 г., снова подчинив семинарию непосредственному наблюдению архипастырей, ввел духовную школу в более близкое отношение к епархии, привлек к участию в делах семинарии местное епархиальное духовенство через общепархиальные съезды и через выборных от духовенства членов педагогических и распорядительных собраний¹⁵³.

В 1869 г. последовала реформа духовных академий, уставы которых во многом повторили университетские уставы 1863 г. В академиях общеобязательными были некоторые предметы, остальные были разделены на три факультета: богословский, церковно-исторический и церковно-практический. Студенты посещали один из них по выбору.

В русле буржуазных преобразований 1860-1870-х гг. были приняты меры, направленные на преодоление замкнутости духовного сословия. В 1863 г. воспитанники духовных семинарий получили право поступления в университеты; в 1864 г. детям духовенства было разрешено поступать в гимназии, а в 1866 г. – в военные училища. В 1867 г. было принято решение о том, что правом поступления в семинарии могут пользоваться все без исключения православные. Таким образом, были сняты сословные ограничения при формировании кадрового состава приходского духовенства. Закон 26 мая 1869 г., объявил детей духовенства не принадлежавшими к сословию, но сохранил за ними льготы и права, в том числе свободу от рекрутской повинности и право поступать в духовно-учебные заведения. Так была сделана попытка преодолеть замкнутость духовного сословия.

30 апреля 1871 г. появился другой закон, по которому, в зависимости от положения отцов, дети получали права дворян или почетных граждан, что создавало новые возможности продвижения

на попрание светской жизни¹⁵⁴. Вводился принцип всеословности. Однако первое время мало кто поспешил воспользоваться свободой. В год издания закона 26 мая, приток в духовную школу детей духовенства не уменьшился. Один из церковных писателей той эпохи пришел к выводу, что тут сказалась корпоративность мышления. Постепенно поведение духовенства изменилось. Выходцы из среды духовенства стали широко использовать свои права, даже окончившие семинарии часто шли в гражданскую службу, поступали в светские высшие и специальные учебные заведения. Особенно много бывших семинаристов оказалось на историко-филологических и юридических факультетах университетов. В 1880 г. их число дошло до 34,5%. Так, например, в Демидовском юридическом лицее в отдельные годы дети духовенства составляли до 4/5 от числа учащихся¹⁵⁵. Так, в результате снятия сословных рамок, задачи духовного образования были приближены к задачам светской школы. Это обеспечивало повышение уровня престижа духовных учебных заведений, которые теперь были приравнены к светским средним учебным заведениям. Но в то же время духовная школа, по сравнению со светской была хуже обеспечена в материальном отношении. Выпускники гимназий имели шанс обеспечить себя в будущем лучше, чем выпускники духовных семинарий. Поэтому духовная школа теряла часть своих потенциальных воспитанников.

В итоге следует отметить, что среднее духовное образование в 1860-1870-е гг. развивалось под влиянием общественно-политических процессов, происходивших в России. Одной из тенденций развития духовной школы в связи с реформами было усиление степени ее открытости по отношению к светскому образованию. Это отразилось на постановке цели и организации учебного процесса в духовных учебных заведениях. Либеральная критика осуждала сословный характер духовной школы и недостаток в учебных программах духовных семинарий и училищ общеобразовательных предметов. Кроме этого, либералы и консерваторы считали одной из основных причин упадка духовного образования крайне низкое финансирование духовных учебных заведений. Результатом церковной реформы должно было стать

повышение авторитета православного приходского духовенства путем улучшения его материального положения, устранения сословных рамок и повышения уровня профессиональной подготовки. Реализация этих мероприятий на практике предполагала внесение изменений в политику по отношению к духовному образованию.

Комплекс мер (снятие сословных рамок, повышение качества образования, попытки расширить правовой статус и улучшить материальное состояние духовных учебных заведений) был обусловлен с одной стороны проведением церковной реформы, с другой стороны преобразованиями светской школы. В силу неудачного завершения церковной реформы, общественные процессы в 1860-1870-е гг. направили развитие духовной школы по пути реформирования светской школы. Частичная либерализация светских учебных заведений повлекла за собой демократические преобразования в сфере духовной школы.

Результаты реформы среднего духовного образования были отражены в положениях Устава духовных семинарий 1867 г. Подготовка Устава продолжалась в течение семи лет. В подготовительной работе принимали участие епархиальные архиереи, ректоры и преподаватели духовных семинарий и академий, представители духовенства. Устав духовных семинарий демократизировал систему управления духовной школы. Был введен новый орган центрального управления при Св. Синоде – Учебный Комитет. Система духовно-училищных округов и административная власть академий над семинариями и семинарий над училищами были отменены. Был разработан Устав духовных училищ, создана система училищных округов. Местное духовенство было привлечено к управлению духовными учебными заведениями своей епархии. В семинариях была введена выборность ректора, расширены права педагогических советов и семинарских правлений. В свете положений Устава 1867 г. было улучшено правовое положение учащихся. Окончательно были сняты ограничения на допуск в семинарию детей недуховного сословия. Выпускники духовных семинарий получили возможность поступать в университеты наравне с выпускниками гимназий.

В учебных программах тоже были произведены существенные изменения. Богословские предметы в основном были распределены в учебных программах старших классов. Число общеобразовательных предметов было увеличено, а богословских предметов сокращено. С введением в учебный план педагогики, семинаристы получили возможность приобрести необходимые для преподавательской деятельности педагогические навыки.

Комплекс этих мер приблизил духовную школу к системе светского образования по правовым аспектам, программам и методам обучения, уровню образованности учащихся. Расширение основ самоуправления и правового статуса преподавателей и учеников являлось положительными моментами в проведении реформы духовной школы. Однако нерешенной осталась проблема финансирования духовных учебных заведений, что послужило причиной незавершенности реформы среднего духовного образования и отрицательно сказалось на его дальнейшем развитии. Результаты преобразований духовной школы подтверждаются исследованием процесса развития конкретных духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний.

1. 2. Подготовка священнослужителей в Ярославской и Костромской губерниях в 1860-1880-е гг.

К середине XIX в. завершился процесс структурной организации духовной школы. В 1861 г. в системе российского духовного образования было четыре духовных учебных округа, которые возглавляли академии: С.- Петербургская, Московская, Казанская и Киевская. На всей территории России насчитывалось 49 семинарий, 184 уездных и 15 приходских училищ. Общее число духовных учебных заведений составляло 252, в них училось 54 тыс. 57 человек с 1 тыс. 886 преподавателями¹⁵⁶. По степени развитости структуры духовного образования епархии разделялись на 5 групп: 1) не располагавшие никакими духовно-учебными заведениями (к 1860-м гг. таких практически не осталось); 2) имевшие только духовные училища, 3) обладавшие 1 духовной семи-

нарией и 1-3 училищами; 4) имевшие 1 семинарию и 4-7 училищ (к этой группе принадлежали Ярославская и Костромская епархии); 5) располагавшие духовной академией, 1-2 семинариями и 4-7 училищами (такие случаи имели место только в 4 епархиях: Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской).

Ярославская и Костромская епархии относились к Московскому духовно-учебному округу и имели достаточно развитую структуру духовных учебных заведений. Процесс становления духовного образования в Ярославской и Костромской губерниях является вполне типичным для российской провинции.

Ярославская и Костромская духовные семинарии были открыты в 1747 году. Основателем Костромской семинарии был бывший ректор Киевской академии, ставший в 1746 г. архиереем Костромской епархии, Сильвестр Кулябка. Средства на содержание семинарии предполагалось отчислять из доходов епархиальных монастырей и церквей, что было встречено крайне негативно духовенством епархии. Лишь к концу 1747 г. был закончен сбор запасов семинарского хлеба и почти насильно (родители прятали детей от посыльных из семинарии) было набрано 30 учеников. Таким образом, открытие семинарии затянулось почти на два года. В 1750 г. архиерей Сильвестр был переведен в С.Петербург. После его отъезда семинария была закрыта, а ученики распущены по домам. Занятия в семинарии были возобновлены через три года в 1753 г., при новом архиерее Геннадии Андреевском.

По поводу учреждения Ярославской семинарии существуют различные точки зрения. Одни исследователи считают, что семинария была открыта заново в Ярославле, а другие, что она была переведена из Ростова. Так, М. Владимирский — Буданов высказывается в пользу преобразования Ростовской архиерейской школы в Ярославскую семинарию. Ф. Никольский считает, что Ярославская семинария ведет свое начало от Ростовского училища святителя Димитрия. А. Боголюбский утверждает, что семинария была образована на базе нескольких учебных заведений. Из опубликованных Н.Н. Корсунским в ЯЕВ документов, очевидно, что для существования духовных учебных заведений в Ростове не хватало средств, а Ярославль, губернский город, напро-

тив, этими средствами располагал. В 1747 г. славяно-латинская грамматическая школа была переведена из Ростова в Ярославль, и в соединении с славяно-российской грамматической школой, перемещенной сюда еще раньше из Углича, вошла в состав одного общего для всей епархии, вновь учреждаемого заведения – славяно-латинской и славяно-российской семинарии. Костромская и Ярославская семинарии помещались в монастырях: Ярославская в Спасо-Преображенском, а Костромская сначала в Ипатьевском, потом в Семеновском и содержались на монастырские и епархиальные средства¹⁶⁰.

В Ярославской губернии в середине XIX в. было четыре духовных уездных училища: Ростовское, Пошехонское, Ярославское и Угличское. В Костромской губернии действовало пять училищ: Костромское, Кинешемское, Галичское, Макарьевское и Солигаличское. Также как и в Ярославской губернии духовные училища были открыты еще в начале XIX века. Таким образом, Ярославская и Костромская губернии имеют богатые традиции духовного образования, развитие которого проходило в русле общероссийских преобразований.

Подготовка нового устава духовных семинарий и обсуждение общественными кругами в конце 1850 – 1860-х гг. проблем духовной школы были отражены в местной периодике Ярославской и Костромской губерний. На страницах светских (ЯГВ и КГВ) и духовных (КЕВ и ЯЕВ) периодических изданий печатались материалы о состоянии духовного образования и освещались пути реформирования духовной школы.

Реализация реформы духовного образования 1867 г. на местном уровне была начата с разъяснительной работы. 14 мая 1867 г. были утверждены Уставы духовных семинарий и училищ, в связи с этим для разъяснения вопросов по Уставам на местах были открыты общие съезды епархиального духовенства. В Костромской и Ярославской епархиях тоже были проведены съезды духовенства. В Костроме, например, такой съезд состоялся 12-14 июля 1867 г. На съезде присутствовали делегаты от всех благочиннических округов. От благочиния, состоящих из 10-15 причтов – 1 человек; из 15-25 причтов – 2 человека; из 25-35 причтов – 3 че-

ловека и т.д.

Выборы делегатов по округам проходили на окружных съездах духовенства при закрытой системе баллотировки. Избираться могли все имеющие семинарское или академическое образование и интересующиеся вопросами духовного образования. На общих епархиальных съездах духовенство обсуждало различные вопросы: 1) О численности учащихся, которая должна была соответствовать потребностям епархии, однако, на первое время число учеников в каждой епархии устанавливалось особым расписанием. В Костромской семинарии это число достигало 302 человек, а в Ярославской семинарии — 245 человек. 2) О создании параллельных классов на местные епархиальные средства; 3) Об открытии семинарского общежития; 4) О духовных училищах (средства для их содержания, число учеников и т.д.).

По Уставу 1867 г. была преобразована структурная организация семинарского курса: вместо низшего, среднего и высшего отделений были образованы шесть одногодичных классов, введено новое расписание предметов и почасовая нагрузка по ним.

Реформа 1867 г. проходила не единовременно. Её реализация предполагалась в течение пяти лет. За это время ассигнования казны на духовную школу должны были возрасти на 1,5 млн. руб. в год. Начиная с 1867 г., преобразованию подвергались каждый год по пяти семинарий в двух учебных округах. Например, в Московском округе в 1866 г. начали готовиться к реформе Костромская; Владимирская, Вологодская, Московская и Рязанская семинарии. Подготовка реформы в Ярославской семинарии была начата в 1867 г. Переход на новую программу, изменение окладов преподавателей и содержания учеников продолжалось несколько лет. Завершение преобразования Костромской семинарии состоялось в 1873 г., а Ярославская семинария была полностью реформирована после предварительной ревизии в начале 1874 году¹⁶¹.

Семинарии имели определенную организацию экономического содержания учащихся. Деньги на содержание семинарий поступали из духовной консистории, а также частных пожертвований. Средства семинарий находились в ведении эконома и почетного

блюстителю по экономической части, которые входили в состав семинарского правления.

Источниками местных средств на духовные учебные заведения были доходы от свечных заводов и взносы от монастырей, церквей и духовенства.

По штату 1867 г. вводилось новое денежное содержание духовных учебных заведений. В Ярославской губернии была семинария и 4 уездных училища, на которые выделялось 48 тыс. 515 руб. в год; на Костромскую семинарию и 5 уездных училищ – 60 тыс. 310 руб. в год. В других губерниях, духовные учебные заведения которых относились к Московскому округу, отпускались суммы, не превышающие 82 тыс. 290 руб., как это было в Московской семинарии и относящимся к ней 5 уездным училищам. Размеры выделяемых средств зависели, главным образом, от численности учащихся, преподавательского состава и местонахождения семинарии – в столичных городах или в провинции. Так, например, на Владимирскую семинарию и 5 училищ предполагалось тратить 64 тыс. 310 руб. Для духовных учебных заведений Вологодской губернии (семинария и 6 училищ) было выделено 62 тыс. 805 руб. Смета для Рязанской губернии (семинария и 7 училищ) была составлена на 70 тыс. 540 руб.

Из этих сумм обеспечивались выплата жалованья и пособий преподавательскому составу, содержание учеников. Кроме этого, выделялись деньги на оформление библиотек и кабинетов физики, выпуску периодических изданий, канцелярские расходы и т. д. На комплектование библиотек и кабинетов физики предполагалось расходовать 400 руб. в год, на канцелярские нужды – 100 руб. в год. Например, в 1874 г., когда закончилась реформа Ярославской семинарии, был снабжен новым оборудованием кабинет физики.

При изменении сумм, расходуемых на духовные учебные заведения, произошло увеличение преподавательских окладов. До 1867 г. преподаватели семинарии получали в среднем 286 руб. в год. Увеличение окладов преподавателей было утверждено в Костромской губернии в марте 1866 г., а в Ярославской губернии в январе 1867 г.

Так, например, на содержание преподавательского состава выделялось 17 тыс. 600 руб. на семинарию и 16 тыс. 80 руб. на духовных училищ в Ярославской губернии, 22 тыс. 320 руб. на семинарию и 20.100 руб. на училища в Костромской губернии. По новому штату были установлены нормы денежного содержания преподавателей духовных учебных заведений. Диапазон размеров сумм в Ярославской, Костромской, Владимирской, Вологодской, Московской, Рязанской губерниях колебался в пределах от 33 тыс. 680 руб. в год (Ярославская губерния) до 50 тыс. 460 руб. в год (Рязанская губерния). Средняя сумма содержания преподавателей по выборочно взятым шести губерниям Московского округа составляла 44 тыс. 230 руб. в год. К этой цифре была максимально приближена сумма, которой располагала Костромская губерния — 44 тыс. 42 руб. в год. На Ярославскую губернию выделялось на 10 тыс. 640 руб. в год меньше, чем на Костромскую губернию. Следовательно, денежное финансирование Ярославской губернии было примерно на столько же ниже среднестатистического уровня финансирования духовных учебных заведений в губерниях Верхнего Поволжья. Расхождение в денежном содержании было обусловлено различной численностью учеников и преподавателей.

По штату духовных семинарий, утвержденному в 1867 г., ректор семинарии при казенной квартире получал 1 тыс. 200 руб. в год; инспектор, также при казенной квартире получал 900 руб. в год; помощник инспектора (при казенной квартире) — 700 руб. в год. Оклады преподавателей колебались от 120 руб. в год до 600 руб. в год; (для сравнения: размер зарплаты ярославских рабочих в 1870-1880-е гг. колебался в пределах 24 — 144 руб. в год)¹⁶². Размеры жалования зависели от того, в столичной или провинциальной семинарии работали преподаватели, от предмета, (учителя чистописания получали меньше других) и от количества часов. Повышение заработной платы в среднем не превысило 20%. Такое незначительное увеличение не могло значительно улучшить материальное состояние преподавательского состава. В 1867 г. епархиальное духовенство из дополнительного церковного сбора епархии стало выплачивать дополнительное жалование личному

составу служащих при семинарии.

Было увеличено финансирование учащихся духовных учебных заведений. На содержание учеников в Ярославской семинарии было выделено 11 тыс. 25 руб. в год, а для учеников Костромской семинарии – 13 тыс. 590 руб. в год. Для сравнения можно привести данные по другим семинариям: Владимирская – 16 тыс. 515 руб., Вологодская – 13 тыс. 275 руб., Московская – 19 тыс. 440 руб., Рязанская – 14 тыс. 580 рублей.

Семинаристы содержались за счет церковных сумм или своими родителями. Церковным содержанием пользовались сироты и дети многосемейных и малообеспеченных священников. Первые находились на полном церковном содержании, вторые пользовались или полным содержанием или только квартирой и столом. Годовое содержание казеннокоштных воспитанников в 1867 г. было увеличено с 39 руб. до 60 руб. в год. Эта прибавка была сделана с учетом епархиальные средства¹⁶³.

Материальное положение и особенно жилищные условия семинаристов в исследуемый период улучшились незначительно. Подавляющая часть семинаристов находилась, в отличие от гимназистов, вне стен родительского дома, поэтому одна часть учеников была вынуждена снимать частные квартиры или жить у родственников, другая – проживать в тесных, а иногда и в непригодных для жилых помещений зданиях семинарских общежитий. Кроме того, в исследуемый период иногда в семинариях наблюдался недостаток продуктов питания; ассортимент, а иногда и качество пищи семинарских столовых были неудовлетворительными.

По уставу семинарий 1867 г., число учащихся в каждой семинарии определялось особым расписанием. Это расписание составлялось соразмерно потребностям каждой епархии. Так, например, число учащихся в Московской семинарии равнялось 432 человекам, в Могилевской семинарии – 166 человек, в С.-Петербургской – 223 человека. Самой многочисленной была Волынская семинария. Количество ее учеников было 605 человек. А самой малочисленной была Рижская семинария – всего 65 человек. Это число было меньше количества учащихся даже самой

отдаленной Якутской семинарии, где училось 79 человек.

По штатному расписанию 1867 г. в семинариях могли открываться параллельные отделения. В Костромской семинарии было предусмотрено одно параллельное отделение в первом классе. В Ярославской семинарии параллельные классы на средства епархиального духовенства были открыты лишь в середине 1870-х годов. До этого Ярославская семинария входила в число семинарий, не имевших параллельных отделений. Всего таких семинарий было 24. Это семинарии: Архангельская, Астраханская, Тифлисская, Екатеринославская, Иркутская, Кавказская, Казанская, Калужская, Литовская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Олонецкая, Полоцкая, Псковская, Рижская, Самарская, С. Петербургская, Томская, Уфимская, Херсонская, Черниговская, Якутская и Ярославская. В шести семинариях было по два отделения во всех шести классах. Это Воронежская, Киевская, Московская, Тамбовская, Подольская, Кишиневская семинарии. В Волынской семинарии было по три отделения в I, II, III классах и по два отделения в IV, V, VI классах.

На основе статистических данных анализируется динамика численности учащихся в семинариях Ярославской и Костромской губерний. Штатное число учащихся в Ярославской семинарии было 245 человек, а в Костромской — 302 человека. Однако не всегда штатное число ученических мест соответствовало действительным потребностям епархии. Так, например, в Костромской семинарии до введения Устава 1867 г. училось 424 человека, распределяясь по классам в следующем порядке: в 1 классе — 101 человек, в 2 классе — 99 человек, в 3 и 4 классах по 66 человек, а в 5 и 6 классах по 46 человек. Из-за нового распределения вне штата могло оказаться 120 человек. В таком случае духовенство на свои местные средства открывало параллельные классы. Количество учеников по классам (не более 50 учеников в младших и не более 55 человек в старших классах) тоже указывалось в особом расписании, прилагавшемся к уставу 1867 г. Согласно этому расписанию в Ярославской и Костромской семинариях соответственно должно было учиться в первом классе — 49 и 61 (с параллельным отделением) человек, во втором классе — 45 и 55 человек, в тре-

тьем – 42 и 51 человек, в четвертом – 39 и 48 человек, в пятом – 36 и 45 человек, и в шестом – 34 и 42 человека¹⁶⁴.

Преобразование средней духовной школы по Уставу 1867 г. сказалось на изменении численности учащихся. В это время имел место недостаток выделяемых правительством денежных средств на проведение преобразований, поэтому местные епархиальные архиереи и руководство духовных семинарий были вынуждены ограничить число абитуриентов. При этом наблюдалось увеличение численности своекоштных учеников (оплачивающих свое обучение и проживание), и, наоборот, сокращение казеннокоштных (находившихся на полном казенном обеспечении) и полукосштных (частично покрывавших расходы за свое обучение).

Например, в Костромской семинарии в 1866-1867 учебном году училось 418 человек. Из них 162 человека получали пособия (39%). В 1861 г. в Костромской семинарии училось 329 человек. Пособия получали 174 человека (53%), а на собственные деньги учились 155 человек (47%). Сравним данные о числе учеников, получавших пособия, за 1861 г. (53%) и за 1867 г. (39%). Число казеннокоштных семинаристов сократилось на 14%, а количество своекоштных семинаристов увеличилось с 47% в 1861 г. до 61% в 1867 г. В Ярославской семинарии проходили аналогичные процессы. В 1861 г. в ней училось 420 человек. Из них с пособиями учились 140 человек (33%), а своекоштных семинаристов было 280 человек (67%). В дальнейшем число семинаристов, обучавшихся на свои деньги, превысило 50% общей численности учащихся.

С 1867 г. число учащихся в Ярославской и Костромской семинариях постепенно уменьшалось. Одной из причин сокращения численности семинаристов можно назвать такое явление, как «обмирщение» жизни. После либеральных реформ, в 1860-е годы в разных слоях населения явственно обнаружилась тенденция к утрате интереса к вере, равнодушное отношение некоторых верующих к церкви и к исполнению религиозного долга.

Священнослужители были обеспокоены подобными тенденциями. Свидетельством их обеспокоенности являлись призывы священников к посещению церкви, публиковавшиеся на страни-

цах КЕВ и ЯЕВ. Тревога была поднята не напрасно. Вот данные о бывших и не бывших на исповеди и у Св. Причастия. Ярославская паства в 1863 г. состояла из 431 тыс. 531 лица мужского пола и 582 тыс. 790 лиц женского пола. Из них исповедались и приобщились к Св. Таинству соответственно 217 тыс. 466 и 350 тыс. 148. Исповедалось, но не приобщилось 5 тыс. 620 мужчин и 6 тыс. 180 женщин. На исповеди не было 208 тыс. 445 мужчин и 172 тыс. 462 женщины. На исповеди не присутствовали по следующим причинам: а) по малолетству — 72 тыс. 57 м.п. и 73 тыс. 908 жен. пола; б) «по отлучкам и другим препятствиям» — соответственно 64 тыс. 466 и 14 тыс. 349; в) по лености — 70 тыс. 408 и 77 тыс. 087; г) по расколу — 1 тыс. 514 и 7 тыс. 118. Число не исповедавшихся по лености достигает 147 тыс. 495 человек, при общем числе прихожан 960 тыс. 321, то есть приблизительно каждый пятый не был в церкви. Эта внушительная цифра говорит об устойчивости явления.

Уменьшение численности семинаристов было связано с нарушением замкнутости духовного сословия. Дети духовенства получили возможность поступать в светские учебные заведения. Однако число желающих учиться в духовных семинариях Ярославской и Костромской губерний сократилось далеко не сразу после разрешения детям духовенства поступать в светских учебных заведения.

Указ Александра II от 16 апреля 1869 г. оказал некоторое влияние в этом отношении. Для улучшения материального положения приходских священников было решено сократить количество приходов, соответственно и количество штатных священников и дьяконов, а освободившиеся суммы использовать для повышения жалованья оставшимся. За 1869— 1879 гг. было упразднено около 2 тыс. приходов, сокращено 500 штатных священников (из 39 тыс.), 35% дьяконов. Годовое жалованье сельских священников увеличилось и составляло от 144 до 240 руб. Характерно, что в западных губерниях священник получал 400 руб., а псаломщик — до 100 рублей.

По мнению С. В. Римского, эта часть духовной реформы была наименее удачной. Приходы, складывавшиеся естественным пу-

тем, согласно потребностям верующих, произвольно перекраивались, уподобляясь обычным доходным статьям. Их укрупняли, установив квоту численности общины для каждой епархии. К концу 70-х годов XIX в. укрупнение было проведено в 41 епархии. Средняя численность прихода по России увеличилась с 1 тыс. 600 до 2 тыс. 200 человек. Из «духовного звания исключались» лица, не имевшие священнического сана и не состоявшие на церковно-служительских должностях: певчие, церковные сторожа, звонари, сверхштатные псаломщики и дети духовенства. Число служащего духовенства сократилось со 113 тыс. 815 человек в 1860 г. до 98 тыс. 465 в 1880 году. Лицам, не закончившим семинарию, запрещалось занимать священнослужительские должности, чтобы сократить избыток выпускников семинарий, возникший из-за сокращения числа приходов. Те, кто не мог устроиться в духовном ведомстве, начали занимать гражданские должности.

Этим же указом от 26 мая 1869 г. дети духовенства объявлялись не принадлежавшими к духовному сословию¹⁶⁵. Постепенно дети духовенства начали поступать в светские высшие учебные заведения. В начале 1870-х гг. это явление приобрело массовый характер. Ярким примером этого является Ярославский Демидовский юридический лицей, в котором в 1876 г. было зафиксировано 483 студента. Из них 388 слушателя – выпускники духовных семинарий (в основном Ярославской и Костромской). Таким образом, большинство студентов (примерно 4/5 от числа учащихся) составляли выпускники духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний¹⁷¹.

Это не могло не отразиться на изменении численности семинаристов. Если в 1872 г. в Ярославской семинарии училось 420 человек, то в 1874 г. только 149 человек. Ярославская семинария не являлась исключением, сокращение числа учащихся духовных учебных заведений носило повсеместный характер. В конце 1870-х гг. проводится ряд мер, направленных на достижение следующих целей: 1) возвращение былого престижа церкви; 2) увеличение численности семинаристов путем побуждения детей духовенства учиться в духовных учебных заведениях. К тому же в 1879 г. был ограничен прием выпускников семинарий в свет-

ские высшие учебные заведения. В Варшавский, Томский и Юрьевский университеты могли поступать лучшие выпускники семинарий. В дальнейшем эти ограничения были ослаблены, но сначала они неукоснительно выполнялись, и дали желаемый результат — число учащихся в семинариях начало постепенно увеличиваться.

С 1877 г. начинается рост числа учащихся — 267 человек. В течение последующих семи лет эта цифра постоянно увеличивалась, и к 1884 г. количество воспитанников возросло до 339¹⁸⁴.

Нетрудно заметить, что численность учеников в Ярославской и Костромской семинариях была примерно одинаковой. В Костромской семинарии в 1861 г. училось 329 человек, в Ярославской — 420 человек. Разница составляет 91 человек или 22%. Своёкоштных учеников в Костромской семинарии было 157 человек (47%), а в Ярославской семинарии в тот же год своёкоштных учеников было 280 человек (67%). Разница — в 20%. Пособия получали в Костромской семинарии в 1861 г. 174 человека или 53%, в Ярославской — 140 человек (33%). Разница — 20%. Таким образом, можно сделать вывод, что данные по численности учащихся в Ярославской и Костромской семинариях в 1861 г. была прямо пропорциональна в отношении 1:1,2 раз. По расписанию 1867 г. число семинаристов в Ярославской семинарии было 245 человек, в Костромской семинарии — 302 человека. Разница составляет всего 57 человек (19%). Число семинаристов в Ярославской и Костромской семинариях в 1860-1870-е гг. В Ярославской губернии было 4 уездных училища, а в Костромской губернии — 5 училищ. В уездных училищах Ярославской губернии насчитывалось 989 человек. Из них 309 человек пользовались пособиями. Остальные 991 человек платили за обучение сами. В Костромской губернии было 1109 учеников (из них 260 — с пособиями и 849 на свои деньги). В 1866-1867 учебном году во всех училищах обучалось 1196 человек. Из них получали пособия 299 человек (25%).

Если и появляются различия в численности учеников в Ярославской и Костромской семинариях в исследуемый период, то они незначительны. Духовные учебные заведения Ярославской и Костромской губерний в 1860-1870-е гг. являлись одними из

немногочисленных средних духовных учебных заведений. Так, например, на территории Владимирской губернии училось в семинарии 522 человека, в уездных училищах 1 тыс. 389 человек. Самой многочисленной была Московская семинария. В ней училось 742 человека и в уездных училищах – 1 тыс. 321 человек, а самой малочисленной – Костромская семинария (329 человек). Сословный состав учащихся духовных семинарий остался однородным – более 90% составляли дети духовенства.

С численностью учащихся были связаны изменения численности профессорско-преподавательского состава духовных семинарий. Численность изменялась в зависимости от тех или иных обстоятельств (сокращение или увеличение учебных дисциплин, разрешение или запрет совмещать одним преподавателем несколько учебных предметов, наличие материальных возможностей той или иной семинарии найти необходимые суммы на жалование преподавательскому составу).

В период с 1861 по 1866 гг. число преподавателей несколько сокращалось. Это было вызвано исключением из семинарского курса ряда общеобразовательных дисциплин (медицины, сельского хозяйства) и сокращением пожилых преподавателей. В период принятия и реализации Устава 1867 г. (1867–1880 гг.) их численность увеличилась на треть и составила 1 тыс. человек. Ввиду сокращения пожилых преподавателей и привлечения выпускников духовных академий еще в дореформенное время происходит заметное омоложение преподавательского корпуса. Средний возраст преподавателя составлял 36 лет, а ректора – 43 года.

Численность преподавательского состава в Ярославской семинарии не была постоянной на протяжении изучаемого периода. В 1860-е годы семинария была относительно небольшой, т.к. отсутствовали параллельные классы, которые были в некоторых других семинариях.

В 1861 г. преподавателей в Ярославской семинарии было 19 человек, а в Костромской – 18 человек. Кроме этого, в уездных училищах преподавали соответственно 25 и 30 человек. Общая численность преподавателей в Ярославской губернии была 44 человек, в Костромской губернии – 48 человек. Для сравнения сле-

дует привести данные по другим губерниям Московского округа. Так, например, в Владимирской семинарии преподавали 25 человек и в уездных училищах – 35 человек, всего – 60 человек, в Вологодской семинарии – 21 человек, в уездных училищах – 37 человек, всего – 61 человек, в Рязанской семинарии преподавало 19 человек, в уездных училищах – 43 человека, всего – 62 человека. Наибольшая численность была в Московской семинарии – 33 человека и 41 человек в уездных училищах, всего – 105 человек; наименьшая в Калужской семинарии – 15 человек и в уездных училищах – 22 человека, всего преподавателей было 37 человек.

Подавляющее большинство педагогов (более 90%) были выходцами из духовного сословия. Учителя-дворяне, главным образом, преподавали до 1867 г. медицину. До проведения реформы практически все ректоры, и большей частью инспекторы духовных семинарий были представителями черного (монашеского) духовенства. С принятием Устава 1867 г. большая часть ректоров и инспекторов-монахов была заменена немонашескими лицами.

В связи с насыщенной программой и разнообразием дисциплин необходимы были высококвалифицированные кадры. Ярославская духовная семинария, как одна из старейших в провинциальной России, обладала такими кадрами.

Практически все преподаватели Ярославской и Костромской семинарий были выпускниками духовных академий (в основном Московской и С.-Петербургской), что обеспечивало высокий уровень преподавания.

Среди преподавателей Ярославской семинарии достаточно примеров ярких личностей, оставивших свой след в истории Ярославской земли. Нельзя не назвать имя Николая Афанасьевича Барского, ректора Ярославской духовной семинарии, посвятившего 50 лет педагогической деятельности. Он родился 30 мая 1822 г. в семье дьякона Романо-Борисоглебского Воскресенского собора. После окончания Ярославской духовной семинарии, учился в Московской духовной академии. В 1850 г. получил степень магистра богословия. Сначала был определен смотрителем Ярославского духовного училища, потом был перемещен на

службу в духовную семинарию профессором по кафедре Священного Писания. В 1867 г. был утвержден инспектором семинарии. Спустя три года был возведен в сан протоиерея. 17 октября 1886 г. Николай Афанасьевич был утвержден в должности ректора семинарии.

За отличную службу Н.А. Барский был награжден золотым наперстным крестом, орденами Св. Анны II и III степеней и Св. Владимира IV степени. Служебная деятельность Н. А. Барский проходила в духовных учебных заведениях Ярославской епархии, причем только 2 года (с 1848 г. по 1850 г.) он занимал должность смотрителя духовного училища, остальные 48 лет были посвящены семинарии. В течение полувека ректор Н.А. Барский отдавал свои силы и способности делу религиозно-нравственного воспитания.

Многочисленные ученики ректора разошлись по всей России. Они занимали самые разнообразные служебные посты и общественное положение. Но большинство воспитанников Николая Афанасьевича остались верными служению Св. Церкви и состоят учителями и приходскими священниками. Немногие из священнослужителей не были учениками Николая Афанасьевича. В конце 90-х годов ректор принимал в семинарию внуков первых своих учеников – явление редкое, если не исключительное.

Наряду с преподавательской, Н.А. Барский занимался и исследовательской деятельностью. Он изучал творения Св. Димитрия, митрополита Ростовского, трудился над изъяснением Св. Писания. В 1899 году была учреждена стипендия имени Н.А. Барского от духовенства епархии.

Преподаватели семинарий принимали активное участие в общественно-политической, научной и культурной жизни России. Начиная с 60-х гг. XIX в. в России появилось множество церковных епархиальных изданий, в работе над которыми они принимали непосредственное участие. Многие преподаватели семинарий являлись членами различных научных, благотворительных, культурных и др. обществ.

Видное место в истории Ярославского края второй половины XIX в. занимает Н.Н. Корсунский – ректор с 1871 года по 1898

г. (на протяжении 28 лет) неофициальной части ЯЕВ. Н.Н. Корсунский родился 20 января 1843 г. в семье священника Вознесенской церкви г. Ростова. Закончив Ярославскую семинарию, он поступил в Московскую духовную академию. С 1867 г. Н.Н. Корсунский являлся в Ярославской семинарии преподавателем гражданской истории и греческого и латинского языков. Помимо этого, он занимался переводами святоотеческих творений и изучал материалы по истории епархии. Благодаря Н.Н. Корсунскому на страницах ЯЕВ был начат цикл публикаций по истории Ярославской духовной семинарии, которые во многом помогли и настоящему исследованию. Таким образом, в преподавательский состав Ярославской духовной семинарии входили высококвалифицированные специалисты.

Для преподавателей Ярославской духовной семинарии принципиально важной была содержательная сторона образования. Так, например, на страницах ЯЕВ достаточно часто печатались дискуссии, статьи на актуальную тему о смысле и содержании образования. В частности, инспектор Ярославской духовной семинарии Н.А. Барский отмечал, что «важность образования в настоящее время признается почти всеми, стремление к нему обнаруживается всюду». Признавалось, что служитель веры должен быть образованным человеком в общепринятом смысле этого слова, чтобы быть полезным членом общества.

Однако, наравне с признанием общего образования, большая роль отводилась духовной школе. Вот мнение священника Ярославского Кафедрального Собора Д. Левкина: «Вера и наука могут жить вместе, и гораздо успешнее вместе действовать к нравственному усовершенствованию и облагораживанию человечества. Должно трудиться в расширении круга познаний, но не иначе, как под руководством учения Веры».

Преподаватели духовных учебных заведений считали, что «развитие только интеллектуальных способностей ребенка, без его воспитания, духовно-нравственного совершенствования не только не принесет пользы, но и нанесет вред личности ребенка.»... и среди образованных ныне являются тысячи людей, которые мнимо образованы», «чисто внешняя полировка, приятные

формы, воспитание в себе привычки и навыка в добрых обычаях, все это, как показывает опыт, довольно часто бывает ведь не чем иным и большим, как лицемерным покрывалом, под которым все еще может скрываться убогий характер, грубые чувства, пошлый образ мыслей и расположений», «Такой гражданин опасен для общества». Таким образом, преподаватели семинарии проявляли большое внимание к нравственному воспитанию, душевно-умоутверждению своих воспитанников.

Реформа духовных семинарий «усреднила», по сравнению с предшествующим временем, уровень знаний учащихся (меньше стало неуспевающих учеников, но и меньше особо талантливых).

Успеваемость учеников оценивалась по десятибалльной системе. Оценка «10» означала отличные знания, «9» – весьма хорошие, «8» – очень хорошие, «7» – хорошие, «6» – удовлетворительные, «5» – порядочные, «4» – посредственные, «3» – недостаточные, «2» – слабые, «1» – плохие.

В зависимости от успеваемости ученики делились на три разряда. Ученики с оценками не ниже «8» баллов составляли первый разряд, ученики, обладающие оценками не ниже «5» баллов причислялись ко второму разряду, все остальные – к третьему.

Ученики, причисленные к первому и второму разрядам переводились в следующий класс, а из учеников третьего разряда – одни, оказавшиеся малоуспешными по какой-либо уважительной причине, могли быть оставлены на второй год. Те, кто просидел в одном классе два года, исключались из семинарии.

Ежегодно в ЯЕВ публиковались результаты экзаменов, зафиксированные в разрядных списках. Публиковались, также, списки отчисленных семинаристов. Так, например, в 1875 г. в первом классе высшего отделения к первому разряду были причислены 17 человек, ко второму – 37, к третьему – 5 человек. Во втором классе к первому разряду – 19, ко второму – 43, к третьему – 3 человека. В первом классе среднего отделения к первому разряду причислен 21 человек, ко второму – 52, к третьему – 3. Во втором классе к первому разряду причислено – 19, ко второму – 49, к третьему – 4 человека.

В низшем отделении в первом классе к первому разряду причислено – 19, ко второму – 36, к третьему – 4 человека. Во втором классе к первому разряду причислено 17 человек, ко второму – 48 человек, к третьему – 5 человек. Соответствующие цифры для третьего класса – 22 человека, 41 человек, 4 человека. В 1875 г. из семинарии было отчислено 10 человек¹⁸⁵.

Таким образом, показатель по слабым ученикам, – третьеразрядникам, – был гораздо ниже (около 5-7 человек в каждом классе) соответствующего показателя по ученикам, успевавшим по предметам. Большинство учеников относилось ко второму разряду – 60-70% «хорошистов» и 25-30% отличников в каждом классе. Этот факт говорит о вполне успешной деятельности Ярославской духовной семинарии.

Подводя итоги параграфа, можно сказать, что развитие духовного образования в Ярославской и Костромской губерниях в 1860-1870-е гг. проходило в русле общероссийских процессов реформирования духовной школы. В положениях Устава духовных семинарий 1867 г. были отражены изменения в учебно-воспитательном процессе и финансировании духовной школы. Структурная организация семинарского курса была преобразована. Были введены новое расписание предметов и почасовая нагрузка по ним. Цели и задачи духовного образования были приближены к задачам светской школы.

Духовенство Ярославской и Костромской губерний было привлечено к управлению духовными учебными заведениями. В 1860-1870-х гг. заметно улучшилось правовое положение преподавательского состава, от мнения которого зависело назначение на ректорскую или инспекторскую должность того или иного претендента. Преподаватели семинарий принимали активное участие в общественно-политической, научной и культурной жизни Ярославской и Костромской губерний. Например, среди преподавателей Ярославской семинарии были яркие личности, оставивших свой след в истории Ярославской земли. Это Н. А. Барский, ректора Ярославской духовной семинарии, посвятивший 50 лет педагогической деятельности, Н.Н. Корсунский – редактор с 1871 г. по 1898 г. (на протяжении 28 лет) неофициальной

части ЯЕВ.

В свете положений Устава 1867 г. было улучшено правовое положение учащихся. Окончательно были сняты ограничения на допуск в семинарию детей недуховного сословия. Дети духовенства получили право поступать в светские учебные заведения, а выпускники духовных семинарий – в университеты. Уровень знаний ярославских и костромских семинаристов был достаточно высоким, чтобы поступить в светское высшее учебное заведение наравне с выпускниками гимназий. Ярким примером этого можно назвать Ярославский Демидовский юридический лицей, в котором в 1876 г. большинство студентов (примерно 4/5 от числа учащихся) составляли выпускники Ярославской и Костромской семинарий.

Отказ от сословного характера духовной школы содействовал нарушению замкнутости духовного сословия и оказал влияние на уменьшение численности семинаристов. В конце 1870-х гг. был проведен ряд мер, направленных на возвращение былого престижа церкви и увеличение числа воспитанников семинарий. В 1879 г. был ограничен прием выпускников семинарий в светские высшие учебные заведения. В результате число учащихся в Ярославской и Костромской семинариях начало постепенно расти. Однако, численность учащихся и преподавателей семинарий Ярославской и Костромской губерний в 1860-1870-е гг. оставалась относительно небольшой по сравнению с такими крупными учебными заведениями, как Московская и С.-Петербургская семинарии.

Материальное положение преподавателей и семинаристов Ярославской и Костромской семинарий в исследуемый период улучшились незначительно. Жалование преподавателей Ярославской и Костромской духовных семинарий было увеличено всего на 20%. Такое незначительное повышение не могло существенно изменить материальное состояние преподавательского состава в лучшую сторону. Жилищные условия семинаристов в исследуемый период практически не изменились. При этом наблюдалось увеличение численности своекоштных учеников (оплачивающих свое обучение и проживание), и, наоборот, сокращение казен-

нокоштных (находившихся на полном казенном обеспечении) и полукоштных (частично покрывавших расходы за свое обучение). Число казеннокоштных семинаристов сократилось примерно на 14%. Число семинаристов, обучавшихся на свои деньги, превысило 50% общей численности учащихся. Это говорит о том, что проблема финансового обеспечения духовных семинарий не была решена. Несмотря на то, что права преподавательского состава и учащихся были расширены, материальное обеспечение Ярославской и Костромской семинарий существенно не улучшилось.

1. 3. Возникновение женских духовных учебных заведений в Ярославской и Костромской губерниях. Ярославское женское училище духовного ведомства.

В середине XIX в. в системе образования Российской империи появились женские духовные училища. Идея создания училища для девиц духовного звания была высказана дочерью Николая I, Ольгой Николаевной. Император, указом от 18 августа 1843 г. учредил в Царском Селе образцовое училище для девиц духовного звания. Училище должно было находиться в ведомстве С.-Петербургского Епархиального начальства 2 года в виде опыта, а так же пользовалось покровительством императрицы. Царско-сельское училище было открыто 22 окт. 1843 г. и вполне оправдало своё существование. Обер-прокурор Св. Синода, граф Н.А. Протасов в своём докладе императору о деятельности этого училища отмечал, что «...хотя ещё и не прошло двух лет со времени открытия Царско-сельского училища, однако сие заведение... может служить образцом к учреждению подобного заведения в другом месте»¹⁸⁸.

Другое подобное женское духовное учебное заведение было открыто в г. Солигаличе Костромской губернии. В провинциальном маленьком городке на устройство училища требовалось меньше денежных средств, чем в крупном губернском центре. Кроме того, недалеко от г. Солигалича, в своей усадьбе проживала дочь

статского советника Е.П. Шипова, которая могла бы возглавить училище. Е.П. Шипова была рекомендована высшему духовному руководству начальницей Царскосельского училища Н.П. Шульце (родной сестрой Елизаветы Павловны). Е.П. Шипова блестяще закончила в своё время С.-Петербургский Екатерининский институт и имела необходимые знания для воспитания дочерей духовенства. 5 июня 1845 г. она была назначена начальницей Солигаличского училища. В правление училища также вошли протоиерей Солигаличского собора Алексей Тихонов в должности благочинного и коллежский советник Ф. Агапитов – смотритель дома.

Сбор первого курса был назначен на 25 мая 1846 г. Незадолго до открытия училища родителям будущих воспитанниц были посланы извещения о сроке прибытия в училище. Вот как описывает это в своих воспоминаниях одна из выпускниц 1-го курса: «Весной 1846 г. в конце апреля, матушка моя вдруг получает бумагу от благочинного, в которой значится, что я принята для обучения на казённый счёт в открываемое духовное женское училище в г. Солигаличе и, что меня должны представить в него к 25 мая». Первый курс был набран из дочерей священников 3-х епархий: Вологодской, Ярославской, Костромской в количестве 19-ти человек. Училище было открыто 1 июня 1846 г.

Однако, попечительница училища – Великая княгиня Мария Александровна, сочла существование училища в Солигаличе неперспективным. Причинами этого были кадровые проблемы, связанные с отсутствием квалифицированных преподавателей, а также технические трудности (необорудованное, тесное помещение и т. д.).

Местом более пригодным для учреждения училища, был избран г. Ярославль. 14 сентября 1848 г. девятнадцать воспитанниц вместе с начальницей бывшего Солигаличского училища прибыли в губернский город. С этого времени берет свое начало Ярославское училище девиц духовного звания. Непосредственное заведование училищем было предоставлено правлению, которое состояло из начальницы училища, благочинного и смотрителя дома.

Целью учреждения Ярославского училища являлось воспита-

ние девочек духовного звания. В программу училища входили следующие предметы: Закон Божий, чтение на русском и славянском, письмо на русском языке, арифметика, чистописание и рисование, русская история и география, краткий курс всеобщей истории и географии, рукоделие, церковное пение. Курс обучения составлял 6 лет, и делился на 3 класса. Учебная программа одного класса была рассчитана на два года.

Училище финансировалось из двух источников: суммы, ассигнуемые из духовно-учебных капиталов; пожертвования разных благотворительных лиц. Сначала для содержания училища предназначалось 4 тыс. 87 руб. в год, сверх того еще 300 рублей на наем дома и 2 тыс. 500 руб. для первоначального устройства. Эти суммы отпускались из духовно-учебных капиталов. В 1851 г. на нужды училища было направлено уже 11 тыс. 677 руб. Кроме того, по завещанию купца Макушина, в пользу училища поступал капитал, состоящий из 10 тыс. руб., с тем, чтобы проценты из этой суммы выдавались в награду воспитанницам «при выходе их в замужество». Были и другие пожертвования. Так, почетный блюститель хозяйственной части училища ростовский купец Плешанов ежегодно давал по 500 руб. на приданое выпускницам, неоднократно делал и другие пожертвования. Например, в 1855 г. вместе с другими купцами Ярославской губернии он предоставил 16 тыс. руб. на покупку в Ярославле каменного дома с землей для училища. С увеличением числа воспитанниц в середине 1850-х гг. начался поиск нового, более обширного дома для помещения училища. До постройки своего собственного здания, училище временно помещалось в доме, нанятом у купца Соболева, с оплатой 1 тыс. 300 руб. в год.

Ярославское училище находилось под покровительством императорской семьи. 4 сентября 1851 г. в училище приезжала его попечительница, Великая Княгиня Мария Федоровна. Деятельность училища, после осмотра, была одобрена. 14 августа 1860 г. училище посетила императорская семья: император, императрица и великая княжна Мария. Состоялась официальная встреча в главном зале училища, где воспитанницы пропели общим хором «Спаси, Господи, люди твоя», «Боже Царя храни» и молитву «Го-

сподню». Более неофициальная обстановка была создана в столовом зале во время обеда воспитанниц. Император пробовал приготовленные для них блюда, а императрица беседовала во время обеда, сидя на общей скамье с девицами. По окончании стола, члены царской семьи осматривали училище, больницу, кухню, спальню, сад, выражая всему увиденному одобрение. В память об этом посещении императрица благословила начальницу училища Елизавету Павловну Шипову, законоучителя протоиерея Иоанна Троицкого и классных дам иконами, а воспитанниц – крестами, привезенными из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Императорская семья посетила на берегу Волги место, назначенное под новое здание училища, на постройку которого почетный блюститель Плешанов пожертвовал 4 тыс. руб. На следующий день, 15 августа, императрица еще раз побывала в училище, где слушала пение воспитанниц, беседовала с начальницей и законоучителем училища, и подарила училищу свой литографированный портрет.

Благодаря вниманию членов императорской семьи училище обладало весьма солидным государственным обеспечением. В 1849 г. на казенное содержание и в пансионерки было принято по 14 девочек. Всего в училище в 1849 г. насчитывалось 47 воспитанниц (29 казеннокоштных и 18 пансионерок)¹⁹⁷. В 1850 г. в училище было принято 15 воспитанниц на казенный счет и 10 пансионерок. После нового приема в училище в 1851-м учебном году 14-ти штатных воспитанниц и 13-ти пансионерок, количество воспитанниц к концу 1851 г. составило 74 человека. Затем последовал новый прием: 15 казеннокоштных учениц и такое же число пансионерок. Всех воспитанниц в 1852 г. было 85 (45 на казенном содержании и 40 – за счет родителей или благотворителей). В 1853 г. в училище находилось 84 воспитанницы, из которых 45 человек было на казенном содержании, и 39 пансионерок.

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. прошений о приеме своекоштных воспитанниц в училище стало поступать гораздо больше, чем штатное число мест, финансируемое государством. В связи с этим, в 1858 г. было разрешено сокращать число казенных воспитанниц по мере надобности, и своекоштных прини-

мать больше, чем положено уставом. Сверх этого, последовало распоряжение относительно должностных лиц в училище: как и в Царскосельском училище, сюда был назначен священник и законоучитель, с жалованием по 700 рублей в год¹⁹⁸. Увеличение числа желающих обучать своих дочерей в Ярославском училище и расширение штата свидетельствует о успешной преподавательской деятельности училища и о росте его популярности в среде духовенства.

В 1861 г. в Ярославском училище из 85 человек, 27 учениц (32%) составляли казеннокоштные ученицы, остальные 58 были пансионерками. Всего в России в 1861 г. из 310 человек, обучавшихся в женских училищах духовного ведомства, было 123 казеннокоштных воспитанницы и 187 пансионеров. Следовательно, около 40% учащихся содержались на казенные средства. Таким образом, источниками содержания учащихся в женских училищах духовного ведомства, можно назвать родительские взносы, государственное финансирование, различного рода пожертвования.

В училище принимались исключительно дочери духовенства, от 10 до 12 лет. Численность учащихся с момента образования училища постепенно увеличивалась. В сентябре 1848 г. в первый класс училища было принято 19 учениц. Второй прием воспитанниц в состав первого класса состоялся в январе 1849 г. Всего было принято 28 человек. В 1849 г. численность училища девиц духовного звания составила 47 человек. В 1850 г. был открыт третий, старший класс. Таким образом, состав училища был полностью укомплектован. В третий класс было принято 25 человек. Общая численность в 1850 г. была 72 человека¹⁹⁹. После нового приема в училище в 1851 учебном году 27 учениц, количество воспитанниц в конце 1851 г. составило 74 человека. Затем последовал новый прием 30 девочек. Всех воспитанниц в 1852 г. было 85 человек. В 1853 г. в училище находилось 84 воспитанницы. С принятыми 30 новыми воспитанницами в училище в 1855 г. состояло всего 85 девочек. В 1856 г. в первый класс училища было принято 30 человек. К 1857 г. в училище училось 89 воспитанниц²⁰⁰. Исходя из этих данных, следует, что количество поступающих не превышало 30 человек. В училище не было параллельных классов,

поэтому общая численность училища в 1850-1860-е гг. не превышала 100 человек. Сама по себе эта цифра невелика. Рост числа учащихся был ограничен их сословным положением. Несмотря на это, воспитанницами училища могли стать девочки из Ярославской, Костромской и Вологодской епархии. Таким образом, оно обслуживало большой северный регион.

В 1852 г. в училище был произведен первый со времен его учреждения выпуск воспитанниц. На нем присутствовал по приглашению попечительницы директор Духовно-учебного управления, тайный советник А.И. Карасевский. Выпускалось 19 учениц старшего класса (15 казеннокоштных и 4 пансионерки). Они получили свидетельства и денежное пособие²⁰¹. В 1854 г. был произведен второй выпуск 28 воспитанниц. Они, как и первый выпуск, получили денежное пособие. С принятыми 30 новыми ученицами в училище в 1855 г. всего было 85 девочек. В сентябре 1856 г. состоялся третий, со времени открытия училища, выпуск. Выпускницами стали 26 воспитанниц.

За выпуском последовал прием 30 девиц в младший класс. К 1857 г. в училище училось 89 воспитанниц. В 1860 г. состоялся четвертый выпуск. Было выпущено 28 воспитанниц старшего класса. Им были выданы денежные награды и предметы первой необходимости.

На первых порах Ярославское училище ставило целью подготовку жен священнослужителей. Однако под влиянием нужд времени в начале 1870-х гг., для воспитанниц женских училищ духовного ведомства созрела необходимость подготовки к профессии учительницы.

В 1869 г. в духовном ведомстве были произведены реформы. Суть их заключалась в сокращении количества приходов. В связи с этим выпускникам духовных семинарий было запрещено определяться на священнослужительские места прежде, чем они прослужат несколько лет на должности псаломщика или учителя народной школы. Свое положение в одной из этих должностей они не считали материально обеспеченным, а потому не видели смысла вступать в брак до получения более доходного места.

С середины 1870-х гг. выпускниц Ярославского училища девиц

духовного звания не вышедших замуж, стало оставаться все больше и больше. Руководство Ярославского женского училища духовного ведомства своевременно позаботилось об устройстве будущего своих воспитанниц. Учебная программа была расширена. За счет сокращения учебного времени, отведенного на занятия хозяйством, был расширен круг общеобразовательных предметов. В программу постепенно были введены следующие предметы: церковно-славянский язык, теория словесности, русская литература, основы алгебры и геометрии, физика, естественная история, основы педагогики. Преподавание педагогики было введено в 1867 г. Воспитанницы училища знакомились с приемами обучения грамматике, учились воспитывать детей в «духе православной веры и чистой христианской нравственности»²⁰². В 1870 г. выпускницы училища получили право работать в качестве домашних учительниц. В 1874 г. Ярославское училище для девиц духовного звания было переименовано в Ярославское женское училище духовного ведомства. В 1888 г. при училище была открыта образцовая школа для того, чтобы ученицы старшего класса «на деле знакомились с обучением детей грамоте».

В середине XIX века, после демократических преобразований, женскому духовному образованию общественность уделяла пристальное внимание. На страницах Ярославских и Костромских Епархиальных Ведомостей (далее – ЯЕВ и КЕВ) велась оживленная дискуссия о проблемах женского духовного образования, публиковались различные точки зрения на проблему женского духовного образования. В основном обсуждались два вопроса: 1) необходимо ли образование для дочерей духовенства; 2) о формах обучения. Высказывались разные мнения. По первому вопросу все были едины, какими бы различными не были их аргументы. «Все согласны в том, что воспитание женщины есть необходимое условие совершенствования всякого общества». Второй вопрос отличался большей остротой. «Люди самых различных взглядов и направлений спорят только о характере и условиях воспитания женщины». С одной стороны, дочери духовенства должны были получать образование в специальных учебных заведениях, а с другой, – должны были получить общее образование. У каждой

точки зрения были свои сторонники. Вот что писал относительно предоставления образования дочерям лиц духовного звания граф Д.Н. Блудов: «По поводу открытия женских школ для воспитания дочерей духовенства, представилась мне мысль, что было бы полезно, если бы священники сложились между собой и открыли школы хотя бы в каждой благочинии по одной или две, смотря по средствам. Для преподавания в этих женских школах можно бы приискать хороших наставниц. Надзор за преподаванием в сих школах возложить на местных благочинных, которые обязаны будут и содействовать к приобретению средств для поддержания означенных школ».

Приводя слова Д.Н. Блудова, «Руководство сельских пастырей» рекомендует обратить внимание на устройство женских училищ по благочиниям. В таких училищах могли бы учиться дочери и священников и причетников. Но образование, полученное в таких училищах, будет немногим выше того, какое дается в народных школах. Эти учебные заведения можно рассматривать скорее как подготовительные учебные заведения. Таким образом, вопрос о женском духовном образовании остается нерешенным.

В ЯЕВ печатались разные мнения по вопросу о том, следует ли духовенству обучать своих дочерей в общих для всех сословий женских училищах. Так, в неофициальной части газеты за 9 сентября 1861 г. можно было прочесть: «Почему бы не воспитывать детей дворян, купцов и детей духовного звания вместе? Кажется, воспитание дается для одной цели — быть полезным членом общества и для того, чтобы обеспечить семейство. Для чего же женское духовное училище? Разве для того, чтобы воспитанница такого училища могла быть женой духовного мужа? Но ведь с этой целью можно воспитывать девочек и в общем для всех заведении».

В дальнейшей дискуссии была высказана противоположная точка зрения. Необходимость устройства для девиц духовного звания специальных учебных заведений доказывалась в статье «Об училищах девиц духовного звания», помещенной в неофициальной части газеты за 15 августа 1866 г. Причины были следующие: слишком дорогая плата за обучение в гимназии, а также

то, что девицам дается «суетное направление», что «развивается пристрастие к нарядам, балам, танцам и другим не всегда безвредным увеселениям».

Однако, один из участников дискуссии – Ф. Успенский не согласен с автором этой статьи. Он считает, что девицы, прошедшие курс обучения в женской гимназии, обладают более полным образованием, чем обучавшиеся в духовных училищах. А кроме того, в гимназия преподается педагогика, которая была бы очень полезна девицам духовного звания для обеспечения своего будущего.

Но в статье священника А. Иванцова-Платонова «Об образовании девиц духовного происхождения» речь идет о том, что и для дочерей сельского духовенства образование в женской гимназии вполне возможно. Для этого, по мнению автора, духовенству «прежде всего, нужно устройство приюта, где бы могли жить обучающиеся в существующих уже учебных заведениях». Приют должен давать воспитанницам удобное помещение, пищу, скромную, но приличную одежду, учебные принадлежности и, главное, должен обеспечивать воспитание и преподавание на высоком профессиональном уровне. Кроме предметов учебной программы, девочки могли бы учиться рукоделию и хозяйству. Он также считает, что можно учредить еще приют для взрослых девушек, нуждающихся в приобретении какой-нибудь профессии – педагогической, акушерской, фельдшерской, счетоводной или другой, чтобы иметь возможность учиться и жить приюте. Ф. Успенский, поддерживая А. Иванцова-Платонова, считает, что данный совет мог быть полезен для ярославского духовенства. Он предлагает создать такие же приюты в Рыбинске и Ростове при женских прогимназиях. Он также считал, что для решения вопроса о женском духовном образовании необходимо создание специальной комиссии²⁰³.

Все эти публикации говорят о том, что вопрос женского духовного образования был очень важен. Таким образом, начинают разрабатываться проекты по расширению и изменению сети женских духовно-учебных заведений.

Царскосельское и Ярославское женские училища духовного ведомства послужили образцом к учреждению подобных училищ в

других регионах России. В 1861 г. училищ девиц духовного звания было пять: Царскосельское, Ярославское, Казанское, Иркутское, Виленское. Самым многочисленным училищем было Царскосельское, насчитывающее 89 учениц. Вторым по численности было Ярославское училище. В нем в 1861 г. училось 85 человек. В Казанском училище было 58 учениц, в Иркутском училище – 46 человек. Наименьшее число воспитанниц было в Виленском училище – 32 человека. Всего по России в таких училищах в 1861 г. обучалось 310 человек²⁰⁴. Среднестатистическое число воспитанниц в одном училище по стране составляло 62 человека. Следовательно, Ярославское училище превышало по численности среднестатистическое число учениц и занимало второе место. Численность Ярославского училища составляла в 1861 г. 27,4% от общего числа учениц по России. Следовательно, Ярославское училище девиц духовного звания имело вполне определенный вес в общероссийской системе подобных женских духовных учебных заведений. Но в дальнейшем эти учебные заведения не получили широкого распространения из-за своей малочисленности и словесного характера.

В 1884 г. было всего 12 училищ духовного ведомства. В Царскосельском женском училище в 1884 г. Св. Синодом было разрешено ввести программы учебного курса епархиальных женских училищ. Преобразование было начато в 1884-1885 учебном году. Число уроков по Закону Божию увеличилось с 10 до 20-ти, но жалование преподавателей практически не изменилось. Например, жалование законоучителя осталось прежним (600 руб. в год). У других учителей каждый годичный урок стоил 60 рублей. Преобразовано было Волынское женское училище духовного ведомства из 3-х классного в 6-ти классное по программе епархиального женского училища. Дополнительное финансирование на содержание преобразованного училища были выделены из местных епархиальных средств. На полное преобразование училища отводился 4-х летний срок²⁰⁶. Несмотря на преобразования в учебных программах и изменения задач обучения женские училища духовного ведомства из-за малочисленности занимали незначительную часть в системе женского духовного образования.

В качестве выводов по параграфу следует сказать, что Ярославское училище духовного ведомства являлось одним из первых женских духовных учебных заведений России. В училище могли получить образование девочки из Ярославской, Костромской и Вологодской губерний. Следовательно, образовательная деятельность училища охватывала большой регион. Численность Ярославского училища составляла в 1861 г. почти 30% от общего числа учениц в училищах духовного ведомства.

Ярославское училище занимало второе место по числу учащихся среди подобных женских учебных заведений. В то же время, сословный характер женских училищ духовного ведомства ограничивал возможности увеличения численности учащихся за счет иносословных учениц. Проблема сословного характера женского духовного образования широко обсуждалась общественностью в 1860-1870-е гг. на страницах местных газет: ЯЕВ и КЕВ, В 1860-1870-е гг., под влиянием процессов реформирования светских и духовных учебных заведений возникла необходимость расширения учебных программ и увеличения числа женских духовных училищ.

Таким образом, увеличение объема учебных программ училищ духовного ведомства расширило сферу профессиональной ориентации их выпускниц. Отныне кроме подготовки будущих жен священнослужителей эти женские духовные учебные заведения, в том числе и Ярославское училище, давали образование, позволявшее его выпускницам приобрести профессию учительниц. Тем самым им предоставлялась возможность обеспечить себе независимое существование. Однако, число таких училищ было очень невелико, а желающих учиться в них — много. Это обстоятельство подтолкнуло к увеличению числа подобных учебных заведений, финансируемых из средств местного духовенства.

В середине XIX в. произошло окончательное оформление системы духовного образования. Структура духовной школы с середины XIX в. до начала XX в. не изменялась. Она включала в себя три звена, соответствующие начальной, средней и высшей духовной школе: училище, семинарии и академии. На уровне губерний цикл духовного образования состоял из двух первых эта-

пов. К числу духовно-учебных заведений относились и женские духовные училища. Ярославское женское училище духовного ведомства было открыто одним из первых в России. Конечный итог его деятельности не был непосредственно связан с удовлетворением потребности духовного ведомства в кадрах. Тем не менее, училище положило начало традиции женского духовного образования в Ярославской и Костромской губерниях. Немаловажную роль играло училище в деле подготовки преподавательских кадров для начальной школы и епархиальных женских училищ.

Подводя некоторые итоги первой главы, следует отметить, что развитие среднего духовного образования в России в 1860-1870-е гг. проходило под влиянием и в неразрывной связи с проводимыми Александром II реформами (крестьянской, земской, военной, судебной и др.). Отмена крепостного права и комплекс реформ 1860-х гг. поставили вопрос о преобразовании системы российского образования, и, в частности, духовных учебных заведений.

До середины XIX в. целью духовной школы являлось образовательная деятельность в рамках духовного сословия. Усовершенствования структуры и учебных планов духовных учебных заведений первой половины XIX в. не повлекли глобальных улучшений в системе подготовки священнослужителей, поскольку не изменили внутреннего содержания и задач духовного образования.

Результатом церковной реформы должно было стать повышение авторитета православного приходского духовенства путем улучшения его материального положения, устранения сословных рамок и повышения уровня профессиональной подготовки. Реализация этих мероприятий на практике обуславливала внесение изменений в политику по отношению к духовному образованию.

Одной из тенденций развития духовной школы в 1860-1870-е гг. было ее сближение с задачами светского образования. Неудача в проведении церковной реформы вынудила правительство начать преобразования духовных семинарий в контексте проводимой параллельно общеобразовательной реформы. В результате это привело к сближению семинарий с гимназиями по правовым аспектам, программам и методам обучения, уровню образования

учащихся. Однако главным отличием оставалось худшее материальное положение преподавателей и учащихся духовных семинарий сравнительно с гимназиями.

Реформы 1860-х гг. обусловили интерес общественности к проблемам образования, в частности духовного, который нашел отражение в российской печати. Мнения по поводу улучшения системы духовного образования и воспитания были разделены на два течения: либеральное и консервативное. Основными направлениями критики духовного образования со стороны либеральных деятелей были догматический характер духовного образования и тяжелое материальное положение преподавателей и учащихся духовных училищ и семинарий. В последнем пункте консерваторы были согласны с либералами. Духовенство Ярославской и Костромской губерний активно участвовало в дискуссии о проблемах духовной школы. Следует отметить вполне объективную оценку положение духовной школы и острый характер дискуссий.

Устав духовных семинарий 1867 г. готовился в течение семи лет (1860-1866 гг.). При подготовке Устава 1867 г. учитывались мнения, пожелания и отзывы ректоров, преподавателей, епархиальных и синодальных служащих.

В результате реформы была преобразована система управления духовными учебными заведениями. При Св. Синоде был создан новый центральный орган управления – Учебный комитет. Система духовно-учебных округов и административная власть академий по отношению к семинариям и семинарий по отношению к духовным училищам были отменены. Были разработаны Устав духовных училищ и сеть училищных округов. Духовные учебные заведения были подчинены теперь епархиальному начальству. Это приблизило духовную школу к епархии, привлекло к участию в делах семинарий и училищ местное епархиальное духовенство. Ярославская и Костромская губернии входили в группу губерний, обладавших 1 семинарией и 4-7 училищами, что свидетельствовало о достаточно развитой системе среднего духовного образования.

Несколько ослаб престиж богословских дисциплин, вслед-

стве чего большая часть воспитанников семинарий предпочитала продолжить свое образование не в духовных академиях, а в университетах и других светских высших учебных заведениях. Большая часть выпускников 4-го (общеобразовательного) класса покидала семинарию, и поступала в университеты и другие светские учебные заведения. Таким образом, уровень знаний учащихся семинарий был не ниже, чем у гимназистов, не говоря уже о практическом и жизненном опыте, который определялся нелегкими буднями семинарского общежития. Особое место в семинарском курсе отводилось преподаванию философии, благодаря которой семинаристы получали возможность стать эрудированными, умеющими защищать свою точку зрения духовными наставниками.

С введением в 1866 г. педагогики при духовных семинариях были открыты воскресные школы для начального обучения грамоте детей. Семинаристы старших классов получили возможность приобрести необходимые для преподавательской деятельности педагогические навыки, в то время как гимназисты этой возможности были лишены. Программа семинарского курса была сконструирована таким образом, что в первых четырех классах приоритет отдавался общеобразовательным дисциплинам (в этот период ученики изучали только основы богословия), а в пятом и шестом классах изучались исключительно богословские предметы. Уровень знаний учеников по богословским дисциплинам позволял многим из них поступать в духовную академию или на церковную службу.

Правовое положение учащихся в свете положений Устава 1867 г. было демократизировано. Окончательно были сняты ограничения на допуск в семинарию детей недуховного сословия, были введены преимущества для выпускников духовных семинарий при поступлении в университеты и другие светские учебные заведения.

В исследуемый период значительно улучшился правовой статус преподавательского состава. Необходимо отметить, что с принятием Устава 1867 г. материальное положение учителей семинарий существенно не улучшилось.

Развитие средней духовной школы Верхнего Поволжья (на примере Ярославской и Костромской губерний) проходило в рамках общероссийских процессов реформирования. В результате реформы духовной школы были выработаны положения, которые заметно демократизировали систему обучения: была введена выборность ректора семинарий, улучшилось правовое положение учащихся и представителей белого (немонашесствующего) духовенства (прежде всего, преподавателей). Однако, несмотря на усилия правительства, осталась нерешенной проблема материального обеспечения духовных семинарий, учащихся и преподавателей. Она и послужила главной причиной половинчатости и незавершенности начатых реформ духовной школы.

ГЛАВА 2. СРЕДНЕЕ ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 1884 – 1890-Х Г. В СВЕТЕ ПОЛИТИКИ «КОНТРЕФОРМ».

2.1. Усиление контроля правительства в области средней духовной школы. Принятие Устава семинарий 1884 г.

В 1880-1890-е гг. начинается новый этап в развитии духовной школы, который несет на себе печать отступлений от демократических преобразований 1860-1870-х гг., затронувших все стороны жизни российского общества.

Наступление периода «контрреформ» было связано с ужесточением контроля в системе образования в целом. После 1 марта 1881 г., когда был убит Александр II, и трон перешел к Александру III, был взят курс на устранение либеральных взглядов среди учащейся молодежи. В циркуляре министра народного просвещения от 20 ноября 1882 г. отмечался факт сильного упадка дисциплины в средних учебных заведениях. Из дел министерства усматривалось, что «...в последнее время в 13 гимназиях, одной прогимназии и 10 реальных училищах были обнаружены на отдельных учениках более или менее значительные следы пагубного влияния преступной пропаганды. В то же самое время в 14 гимназиях и в 4 реальных училищах имели место крупные коллективные беспорядки или невероятные бесчинства отдельных учеников». Были приняты меры, направленные на усиление сословности средней школы. Дети купцов ниже второй гильдии, прачек, поваров, лакеев были лишены права поступления в гимназии. Кроме этого, был ограничен процент евреев, поступающих в гимназии.

Консервативные преобразования в системе светской школы, проведенные министром народного просвещения графом Д. А. Толстым в годы политической реакции в России, заключались в усилении преподавания древних языков в среднем звене светской школы. Действие устава гимназий 1864 г. было прервано Уставом 1871 г. Новый Устав оставил лишь один тип средней школы – с двумя древними языками. Реальная гимназия была заменена ре-

альным училищем, а средняя школа с одним древним языком исчезла совсем.

Эта реформа встретила неоднозначное отношение в обществе. Д.И. Писарев, К.Д. Ушинский выступали против классического направления в средней школе. Противники классицизма доказывали, что грамотно спланированный процесс изучения каждого предмета способен развивать интеллектуальные способности не хуже детального изучения древних языков. Другие представители общественности (М.Н. Катков, П.М. Леонов) видели в жизни Греции и Рима начало жизни современной Европы, без изучения которой нельзя понять современность. Однако вместо чтения античной литературы подробно изучался курс грамматики. Учащиеся упражнялись в переводах с русского на древние языки отдельных фраз и отрывков. Классическая система среднего образования обрела в 1870-1880-е гг. одностороннее, грамматическое направление.

Правовые нормы, регулирующие управление гимназий и учебный процесс, тоже были изменены. Права педагогических советов гимназий были отменены. Министерство народного просвещения составило подробные программы преподавания по каждому предмету. Циркуляры полностью заменили обсуждение учебных дел, касающихся программы, учебников, методов обучения. Педагогические советы и учителя были лишены самостоятельности, и стали простыми исполнителями в руках центрального управления.

В 1880-1890-е гг. правительство предпринимало меры, чтобы изменить тип начальной школы. Ограничивалась самостоятельность отдельных ведомств и учреждений по организации новых учебных заведений, учительских семинарий и педагогических курсов. Еще 26 мая 1869 г. в 33 губерниях была введена должность инспектора народных училищ. Инспектор должен был осуществлять надзор за постановкой учебной и воспитательной работы в школах. В 1874 г. была введена должность директора народных училищ для заведования школьными делами в губерниях. Однако эти меры не могли вполне устранить земские учреждения от вмешательства в педагогическую часть земских школ, число ко-

торых непрерывно возрастало при участии земств в организации их учебной части.

В начале 1880-х гг. правительство приняло решение заменить светские начальные школы церковными учебными заведениями. Еще в 1860-е гг. император Александр II выражал заинтересованность в судьбе церковно-приходских школ, распорядившись, чтобы ему дважды в год доносили об их состоянии. Комитет министров «выразил единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведении народными школами»²¹¹. Синод воспринял это как поощрение к открытию церковных школ. Реализацию этой общей директивы взял на себя обер-прокурор К.П. Победоносцев. 22 марта 1881 г. он писал царю Александру III: «...в народном первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и церкви». 13 июня 1884 г. правительством были утверждены «Правила о церковноприходских школах». В них подчеркивалось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщить первоначальные полезные знания...». В 1885 г. при Синоде был создан училищный совет для церковноприходских школ. С этого года наряду с министерскими и земскими начальными школами стали развиваться церковноприходские.

Таким образом, возводилось препятствие к возникновению других типов школ там, где числились церковноприходские школы, хотя бы только на бумаге. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев настаивал на финансовой поддержке церковных школ, заявляя в Комитете министров, что этот тип начальной школы по условиям обучения и надзора больше гарантирует благонадёжность образования, чем другие типы народных школ.

За 10 лет (с 1884 г. по 1894 г.) было построено 9 тыс. 200 школ. Это строительство обошлось в 7 млн. руб. В 1894 г. насчитывалось уже более 30 тыс. школ с 917 тыс. учеников, тогда как в 1881 г. их было всего 4 тыс. 404 с 30 тыс. учеников. Среди этих школ – 18

тыс. школ грамоты, 12 тыс. — одноклассных и 200 тыс. — двухклассных. С 1896 г. казна стала давать на школы 3,3 млн. руб. в год. Через год финансирование было увеличено на 1,5 млн. руб., в 1899 г. еще на 3,5 млн. руб.

К 1900 г. сеть школ церковного ведомства сравнялась с сетью школ министерства народного просвещения, насчитывая 42,6 тыс. церковноприходских школ с контингентом 1,6 млн. учеников. За период с 1860 г. 1865 г. сеть церковноприходских школ увеличилась почти втрое. Этот процесс имел ограниченно прогрессивное значение, так как он способствовал, пусть на религиозно-церковной основе, расширению круга грамотных среди крестьян. За период с 1880 г. по 1900 г. произошло почти десятикратное увеличение числа церковно-приходских школ. В этом случае значение этого увеличения можно оценивать как реакционное, так как оно явно препятствовало развитию светской начальной школы²¹².

Согласно «Правилам» церковноприходские школы были одноклассные с двухлетним сроком обучения и двухклассные — с четырехлетним курсом. В одноклассных школах обучали детей молитвам, священной истории, краткому катехизису, церковному пению, чтению церковной и гражданской печати и письму, начальным арифметическим правилам. Во-вторых, кроме перечисленных предметов преподавалась история церкви и страны. Преподавание вели священники или церковнослужители, иногда привлекались учительницы по рекомендации епархиальных архиереев и под наблюдением священников.

Большую часть школ церковного ведомства составляли в середине 1890-х гг. так называемые школы грамоты. В своем докладе Александру III Победоносцев в 1891 г. отмечал положительные результаты деятельности церковноприходских школ, которые становились твердым оплотом «против вторгающихся извне в темную крестьянскую среду различных лжеучений». Тем не менее, он признавал, что «в небольших поселках и малолюдных деревнях школы эти, при всей своей сравнительно с другими начальными народными училищами дешевизне, даже при бесплатном труде церковных причтов, часто не по силам малочисленному насе-

лению». В этих местах, духовенство устраивало школы грамоты, для которых по просьбе К.П. Победоносцева были утверждены правила их деятельности. Это были школы с двух – или – трехмесячным обучением, которое проводили «богобоязненные крестьяне», окончившие двухклассную церковноприходскую школу, или дьячки. Для этих школ Св. Синод специально издал учебники по закону Божия, букварь церковнославянского языка, Евангелие, Часослов, Псалтирь. Их главная задача состояла не столько в обучении грамоте, сколько в воспитании «богобоязненных» и законопослушных людей, которым были чужды либеральные идеи.

Несмотря на усилия Св. Синода во главе с обер-прокурором К.П. Победоносцевым, направленные на то, чтобы полностью монополизировать начальное образование в руках духовенства, земская школа и народные училища продолжали существовать наравне с церковноприходскими школами. Однако, идея и практика внедрение духовных структур в сферу образования затронула и среднюю, и высшую школы. Прежде всего, было расширено преподавание церковных и богословских дисциплин, как в государственной средней школе, так и в городских и земских четырехклассных училищах, в которых ученики учили катехизис. В старших классах гимназий преподавалось догматическое богословие, а в высших учебных заведениях для студентов православного вероисповедания был обязательным курс основного богословия. Следовательно, светская школа в 1880-1890-е гг. в результате правительственной политики находилась в менее выигрышном положении по сравнению с духовной школой, которая была признана в период контрреформ более благонадежной.

Характерной особенностью жизни церкви в 1880-1890-е гг. было заметное расширение церковной печати и рост всевозможных церковных обществ. Начавшие выходить в 1860-е гг. в отдельных губерниях «Епархиальные Ведомости» в 1880-х гг. стали повсеместным органом епархий. Особенностью возникавших в 1880-1890-е гг. новых изданий было их стремление отойти от роли официозного информатора о фактах церковной жизни и «войти в каждый дом в качестве проповедника». Среди периодических ду-

ховных изданий появляются так называемые назидательные духовные журналы – сборники общедоступных статей религиозно-нравственного содержания. Это такие журналы, как «Кормчий», еженедельник без иллюстраций «Пастырский собеседник», который издавался с 1884 г. В.А. Маврицким, московский иллюстрированный еженедельный журнал «Воскресный день», издателем которого был священник Симеон Уваров и др. Эти журналы предназначались «для чтения в православной семье». Они были проникнуты духом монархических настроений и консервативных идей. В духовных журналах, выходивших в 1880-1890-е гг. перестали публиковаться материалы критического характера по вопросам, так интенсивно обсуждавшимся в 1860-1870-е гг. Например, петербургский журнал «Церковно-общественный Вестник», превратился из критического издания в назидательную еженедельную «иллюстрацию» «Русский Паломник».

Этот период был отмечен появлением журналов богословско-философского содержания. С 1884 г. Харьковский архиепископ Амвросий Ключарев преобразовал местные епархиальные Ведомости в солидный журнал богословско-философского направления «Вера и Разум». Журнал состоял из двух отделов – богословского и философского. При каждом выпуске печатался «Листок для Харьковской епархии». «Вера и Разум» выходил два раза в месяц объемом по 8 – 10 печатных листов. Стоимость его с пересылкой составляла 10 руб. В Харьковской епархии подписка на этот журнал была обязательной.

Еще одной отличительной чертой духовной периодики в 1880-1890-х гг. было появление обязательной подписки на официальное издание Св. Синода. С 1888 г. при Св. Синоде издавался еженедельный журнал «Церковные Ведомости», который должны были выписывать обязательно все причты православной церкви. До начала этого издания официальным печатным органом С. Синода был журнал «Церковный Вестник». Но он был неудобен для обязательной выписки, поскольку его тираж был относительно невелик – 7 тыс. экземпляров, а цена слишком высока – 5 руб. С 1890 г. центральное управление военного духовенства завело свой официальный печатный орган – журнал «Вестник Военного Ду-

ховенства».

В 1880 – 1890-е гг. среди духовной периодики появляются центральные и местные педагогические журналы. Влияние церкви на политику правительства в области просвещения и образования выразилось в учреждении центральных периодических изданий, освещающих состояние отечественного образования. С 1896 г. при Училищном Совете начал издаваться ежемесячный журнал «Народное Образование». С 1887 г. в Киеве П.А. Игнатовичем издавался журнал «Церковно-приходская школа».

Среди богословских изданий, направленных на светских читателей можно назвать московский журнал «Вера и Церковь», «Друг трезвости» и другие. Очень распространены были дешевые «Троицкие листки» и «Троицкие книжки» стоимостью 1 коп. за штуку, которые издавал иеромонах Троице-Сергиевой лавры Никон. В 1884 г. появляются «Киевские Листки». С 1886 г. при «Волынских Епархиальных Ведомостях» начинают издаваться «Почаевские Листки».

Расширение церковной периодики входило в комплекс мер, направленных на укрепление роли церкви в борьбе за идеологическую монополию. Однако, по мнению Б.Г. Литвака, Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев не были удовлетворены деятельностью церкви и ее служителей. Они не очень высоко ценили моральные и профессиональные качества не только приходского духовенства, но и архиереев и считали, что им не под силу выполнение поставленных перед церковью задач. В личной переписке К.П. Победоносцева, были обнаружены, например, такие выражения, как «с попами и архиереями толку нет», «Синод – стоячая вода», «поповский формализм». Выход из этого положения заключался не только в усилении собственно государственных репрессивных мер в тех случаях, когда чисто церковные средства оказывались малоэффективными, но и в улучшении подготовки священников. В 1884 г. уставы и штаты духовно-учебных заведений были подвергнуты пересмотру.

Положения либерального Устава 1867 г. были признаны несовершенными. Для переработки старых учебных программ и подготовки новых уставов духовных учебных заведений была создана

особая комиссия во главе с архиепископом казанским Сергием. В ходе работы комиссии был выявлен ряд моментов, нуждающихся в изменении. В числе недостатков старых уставов духовных учебных заведений было перечислено ограничение влияния архиереев на духовные семинарии, слишком частые (ежегодные) съезды духовенства в епархиях, недостаточный объем богословских предметов в учебных программах семинарий.

В новом уставе семинарий предполагалось расширить права епархиальных архиереев по управлению семинариями, епархиальные окружные съезды духовенства собирать не ежегодно, а по усмотрению архиереев, вместо выборного принципа в решении кадровых вопросов, ввести назначение на должности ректоров и инспекторов с утверждением этих кандидатур епархиальными архиереями и др.

20 апреля 1884 г. обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым был утверждён новый Устав духовных семинарий, который окончательно свернул духовную школу с курса реформ. Принятию этого Устава предшествовал указ Александра II 1879 г., ограничивающий право поступления выпускников духовных семинарий в университеты. В связи с этим в 1880-1890-е гг. происходило сокращение числа детей духовенства, обучавшихся в светские учебные заведения. Например, число детей духовного звания в гимназиях в 1881 г. составляло 3 тыс. 410 человек (5,2%), а в 1894 г. – 2 тыс. 120 человек (3,4%). В 1881 г. дети духовенства в реальных училищах составляли 443 человека (2,5%). В 1894 г. их осталось только 206 человек (0,8%). В 1894 г. из духовного сословия училось в женских гимназиях 3,7% и в прогимназиях 7,2%²¹³. Следует заметить, что количество детей духовенства и в 1881 г. было очень незначительно, а к 1894 г. оно сократилось еще больше. Следовательно, детей духовенства пытались оградить от влияния либеральных взглядов, распространенных в светских учебных заведениях. С другой стороны, в рамках правительственной политики в сфере образования предполагалось и приветствовалось влияние духовной школы на светские учебные заведения, с целью укрепления в них благонадежности и лояльности к консервативным мерам правительства в 1880-1890-е гг.

Раздел Устава 1884 г., регулирующий административные отношения, вступал в силу с 1884-1885 учебного года²²². В соответствии с новым уставом преподавательский состав в семинариях утверждался Св. Синодом по рекомендациям Советов духовных академий, возглавляющих соответствующие округа в начале учебного года. В течение учебного года кадровыми вопросами занимался Обер-прокурор по докладам учебного комитета при Св. Синоде. Назначение остальных служащих семинарий находилось в ведении епархиальных преосвященных, которые опирались на рекомендации семинарских правлений. Выборы членов семинарских правлений из среды преподавателей были заменены непосредственным назначением их епархиальными преосвященными. Число членов семинарских правлений, как преподавателей, так и из среды духовенства, было ограничено. Для содействия религиозно-нравственному воспитанию учащихся при семинариях была учреждена должность священника семинарской церкви, который совмещал обязанности духовника учащихся.

Раздел Устава, регламентирующий учебный процесс был введен с 1885-1886 учебного года²²³. В учебных программах семинарий были произведены изменения. Устав 1884 г. уничтожил разделение семинарского курса на общеобразовательный – первые четыре года и специально-богословский – последние 2 года²²⁴. Увеличилось число часов богословских предметов, особенно для священного писания и церковной истории. Было введено преподавание библейской истории, сравнительного богословия и обличение русского раскола. По расписанию введенного в действие нового устава преподавание общей церковной истории начиналось с третьего класса, и заканчивалось в пятом (по 2 урока в 3-м классе и по 3 урока в 4-м и 5-м классах). Преподавание литургии и основного богословия начиналось в четвертом, и заканчивалось в пятом классе и т.д. Увеличилось количество уроков русской словесности и истории литературы. Уроки церковного пения были внесены в расписание обязательных предметов (по одному еженедельному уроку в каждом классе).

Изменились программы общеобразовательных предметов. Число уроков классических языков было сокращено. Объем гре-

ческого языка сократился с 22 часов до 14 часов, а латинского с 17 часов до 14 часов в месяц. Новые языки были отнесены к числу необязательных предметов, преподаваемых во внеклассное время. Были сокращены программы уроков психологии и философии с 8 до 5 уроков; из курса математики исключена тригонометрия. Вместо «Обзора философских учений» были введены «Начальные основания и краткая история философии», как вспомогательный курс к изучению богословия. Было отменено преподавание педагогики, оставлена одна дидактика. Этот предмет предполагал преподавательскую деятельность приходского духовенства в начальной (церковноприходской) школе. Космография и тригонометрия были исключены из состава семинарского курса.

Был пересмотрен старый устав духовных училищ — в числе его недостатков было отмечено незначительное число часов русского и церковнославянских языков, что в свою очередь вызывало слабое знание грамматики и церковнославянского языка.

Новый Устав духовных училищ предусматривал право Св. Синода назначать на должности смотрителей и помощников смотрителей по рекомендациям епархиальных архиереев. В начале учебного года учителей назначал Св. Синод по рекомендациям академических советов, в течение учебного года преподаватели назначались синодальным Обер-прокурором по докладам Учебного комитета. Для исполнения обязанностей воспитателей решено было привлекать надзирателей из студентов семинарий.

В семинариях, в соответствии с уставом, преподавались следующие предметы: изъяснение Св. Писания Ветхого и Нового Завета, библейская история, история церкви, российская история, история и обличения русского раскола, богословие: основное, догматическое сравнительное и нравственное, практическое пастырское руководство, гомилетика, литургика, русская словесность, история русской литературы, гражданская история: всеобщая и русская, алгебра, геометрия и основания пасхалии, физика, логика, психология, начальные основания и краткая история философии и дидактика, древние языки: латинский и греческий, церковное пение, сверх этого, для желающих в семинариях пре-

подавались новые языки и иконописание²²⁵.

Таким образом, уставом 1884 г., в отличие от устава 1867 г., закреплялось усиленное преподавание богословских предметов, и ослаблялось изучение некоторых общеобразовательных предметов. Семинарский курс разделялся на три отделения: низшее, среднее, высшее. Первое – низшее соответствовало курсу уездных училищ, второе, в совокупности с первым – курсу гимназии, и последнее составляло специальный курс собственно духовного образования.

Были приняты энергичные меры по улучшению материального положения духовных учебных заведений. Даже училища, находившиеся на содержании епархии, получили возможность выплачивать жалованье преподавателям за счет казны. Расход на духовные учебные заведения с 2 млн. руб. в 1855 г. вырос в 1880 г. до 5 млн. рублей²²⁶. Таким образом, финансирование духовных учебных заведений было увеличено в 2,5 раза.

Сокращение объема общеобразовательных предметов в учебных программах семинарий подчеркивал консервативный характер нового Устава. Вскоре этот недостаток начал обсуждаться в кругах не только светской, но и духовной общественности. О сокращении общеобразовательных предметов в семинариях писал в своей работе «Философия в духовной семинарии» профессор Московской духовной академии П. Тихомиров. По его мнению, философия, которая являлась общеобразовательным предметом, не могла быть сокращена. Он считал, что конец XIX в. был сложным неоднозначным периодом в истории России, когда возникало очень много вопросов, связанных с религией, философией и нравственностью. Без знания основ философии было бы трудно разобраться в появляющихся новых общественных идеях, моральных приоритетах и культурных ценностях.

В сложившейся ситуации, по мнению П. Тихомирова, система узкоспециальной духовной школы не могла дать полноценного образования будущим духовным наставникам. Задачами общего школьного образования являлось пробудить интерес к духовным запросам, попытаться осмыслить жизненные основные вопросы. Духовная школа не могла быть оторвана от общекультурной

жизни страны. Круг философских наук в семинариях давал не только подготовку для оценки и критики различных мировоззрений и доктрин, но и запас научно разработанных сведений о законах духовной жизни. Человек, вооруженный этими знаниями, был способен стоять в ряду передовых членов образованного общества и быть духовно-нравственным руководителем. Из этого следует, что значение философских наук для профессионально – образовательных задач духовных семинарий было необходимо. Семинарии и духовные училища, считал П. Тихомиров, после сокращения общеобразовательных предметов, приобретали черты узкопрофессиональной школы, в то время как они должны были давать своим ученикам солидное общее образование²²⁷.

Не только узкоспециальное обучение, но и проблема воспитания в закрытых духовных учебных заведениях волновала либерально настроенных представителей духовенства. В семинариях воспитывались особо настроенные люди, с определенным специфическим характером и складом духа. Это отличало духовную школу от другого типа учебных заведений, где влияние на приходящих и уходящих учеников оказывали общество и семья.

Система воспитания казарменного типа и отсутствие связей с современными общественными структурами мешала прогрессивному развитию духовной школы. «...Семинария неизменно руководится девизом: лучше не умные, а благочестивые». Образованные, но не обнаруживающие слепого повиновения и внешнего благочестия люди, не приветствовались в духовных семинариях. Результатом этого стало забитое, малоспособное к активной творческой жизни, не пользующееся никаким влиянием на передовые круги общества, духовенство. Действующие нормы обучения и воспитания в средних духовных учебных заведениях – Уставы семинарий и училищ 1884 г., а также циркуляры по духовному ведомству, инструкции надзирателям и т. д. были нежизненны, содержали размытые общие фразы, которые местное начальство могло трактовать по-своему, и, в целом, носили бюрократический характер.

Консервативный характер нового устава выражался в основном в сокращении объема общеобразовательных предметов, от-

мене принципов самоуправления духовных учебных заведений, уменьшении прав учащихся и преподавательского состава. Либеральные круги общественности, в том числе духовенство, критически оценивало введение нового Устава, и считало необходимым внести в Устав ряд изменений.

В либеральных преобразованиях нуждалась вся система русского образования. Критика классических гимназий, реальных училищ, всей системы образования особенно усилилась в печати 1890-х гг. Министерство народного просвещения готовилось рассмотреть вопросы очередной школьной реформы. Министр Н.П. Боголепов в 1899 г. разрабатывал теоретические положения лучшего устройства средней школы.

В 1890-е гг. все острее начинает ощущаться необходимость демократических изменений в духовной школе. Постепенно происходит отход от ограничения поступления семинаристов в университеты. Во второй половине 1880-х гг. выпускники духовных семинарий получили право поступать в некоторые отдаленные университеты. В 1886-м г. семинаристы были допущены к поступлению только на историко-филологический и физико-математический факультеты Варшавского университета, а в 1888 г. – Томского университета.

В 1896-1899 гг. была сделана попытка реформы духовной школы. В январе 1896 г. была образована комиссия по улучшению учебно-воспитательной работы в духовных учебных заведениях. Председателем комиссии стал Киевский митрополит Ионакентий. В состав комиссии входили Московский митрополит Сергей, Новгородский архиепископ Феогност, Финляндский архиепископ Антоний, товарищ Обер-прокурора тайный советник В.К. Саблер, председатель Учебного Комитета протоиерей А.И. Парвов. Комиссией было проведено три заседания, на которых были выработаны положения предполагаемого устава семинарий.

Учебные программы предлагалось оставить те же, что и были, увеличив при этом количество часов для чтения Св. Писания и сократив программы по математике и древним языкам. Прием в семинарии предлагалось ограничить потребностями епархий.

В духовные училища планировалось принимать сначала детей духовенства, а потом на оставшиеся места детей из других условий. Всем семинаристам предлагалось предоставить места в семинарских общежитиях, кроме тех, кто живет в городе. Административный и преподавательский состав по-прежнему назначался Св. Синодом.

В уездных училищах и семинариях преподавательский состав был исключительно мужским. Преподавателями семинарий могли стать выпускники духовных академий и семинарий, сдавшие экзамены по своему предмету и методике его преподавания. Выпускники семинарий экзаменовались местными педагогическими советами, и получали аттестат с правом преподавательской деятельности.

Все преподаватели семинарий, и служащие, не имеющие священного сана, пользовались правами священнослужительского звания. Преподаватели семинарий независимо от ученых степеней, разделялись на старших и младших. Звание профессора в семинариях было отменено. Все преподаватели носили одно название учителей. Преподаватели, имевшие степень магистров и кандидатов, пользовались в отличие от других учителей классным окладом. Они могли получить звание старшего преподавателя, имея шестилетний стаж работы. Остальные преподаватели могли получить это звание по истечении преподавательской деятельности, сопровождаемой очевидными успехами учащихся, сроком, не менее десяти лет²²⁸.

Звание старшего преподавателя присуждалось педагогическими советами, по рекомендации ректора или трех членов совета и утверждалось епархиальным архиереем. О присуждении званий семинарские правления информировали Духовно-учебное управление.

У старших учителей размер жалованья был больше, чем у младших. Жалованье старших преподавателей, по истечении двадцатипятилетнего срока всей учительской службы, становилось пожизненной пенсией. В семинариях число старших преподавателей могло достигать 10 человек²²⁹.

Выпускники духовных учебных заведений всех уровней поль-

зовались правами соответствующими их уровню в гражданской службе. Согласно букве закона, получившие от духовных академий ученые степени доктора, магистра и кандидата, в случае поступления в гражданскую службу, утверждались в чинах: доктор – восьмого, магистр – девятого, кандидат – десятого класса. Выпускники академий (со званием действительного студента) получали при вступлении в гражданскую службу, чин двенадцатого класса. Выпускники духовных академий, обучавшиеся на казенный счет, были обязаны за каждый год содержания в академии прослужить полтора года на духовно-ученой службе. В случае ухода из духовно-ученого ведомства до окончания срока обучения, необходимо было возратить сумму, потраченную на их содержание в академии.

Студенты духовных семинарий могли поступить в гражданскую службу с чином четырнадцатого класса. Выпускники семинарий, получившие свидетельство об окончании обучения, но не получившие звания студента, в случае поступления на гражданскую службу, производились в первый классный чин.

Учащиеся Московского синодального училища церковного пения пользовались правами выпускников средних учебных заведений на общих основаниях.

Профессора, доценты и лекторы духовных академий приравнивались по чинопроизводству к таким же чинам университетов, помощники инспекторов духовных академий – к помощникам проректоров университетов по уставу 18 июня 1863 года. Сверхштатные профессора и доценты академий пользовались правами наравне с штатными профессорами и доцентами.

Инспекторы и преподаватели духовных семинарий, которые имели ученую степень магистра или кандидата богословских наук, были приравнены в правах: первые – к инспекторам, а вторые – к преподавателям гимназий Министерства Народного Просвещения. Помощники инспектора в духовных семинариях, имеющие ученую степень магистра или кандидата богословских наук, приравнивались в правах по чинопроизводству к воспитателям гимназий Министерства Народного Просвещения²³⁰.

Смотрители духовных училищ были приравнены к штатным

смотрителям, а помощники смотрителей и учителя духовных училищ — к учителям уездных училищ Министерства Народного просвещения. Те смотрители, помощники смотрителей и преподаватели в духовных училищах, которые приобрели ученые степени магистра или кандидата в духовной академии или в одном из Российских университетов или имели свидетельства на звание учителя средних учебных заведений, утверждались в чинах, соответствовавших классу их должности²³¹.

Преподаватели епархиальных женских училищ, имевшие ученые богословские степени или свидетельства на звание учителя гимназии пользовались одинаковыми правами с учителями духовных семинарий; остальным преподавателям присваивались права, равные с учителями духовных училищ²³².

Состоявшие при духовных учебных заведениях Почетные Бюстители по хозяйственной части, а также технический персонал духовных учебных заведений производились в чины на основании общих для гражданской службы правил²³³.

Учителя церковного пения при духовных семинариях и училищах, и женских училищах, имевшие среднее образование, пользовались правами государственной службы. Им присваивался X класс по должности и X разряд по шитью на мундире, а также право на утверждение в чине, соответствующем классу должности, в течение четырех лет службы²³⁴.

Устав 1896 г. отличался от предыдущего Устава 1884 г., только некоторым увеличением окладов преподавателям и расходов на учащихся. В конце XIX в. было 4 духовных академии с 700 студентами. Семинарий — 58 с 18 тыс. учеников, училищ — 185 с 30 тыс. учеников. Епархиальных женских училищ было 56, 13 училищ духовного ведомства. Всего в женских духовных училищах училось примерно 6 тыс. человек. На содержание семинарий тратилось 3 млн. руб., на духовные училища — 4,5 млн. руб., в том числе из местных средств духовного ведомства до 3 млн. руб., на академии — свыше 600 тыс. рублей²³⁵.

В 1895 г. из сумм государственного казначейства на улучшение состояния духовных учебных заведений был выделен 1 млн. руб., который выплачивался по 450 тыс. руб. в год. Из этих денег пред-

полагалось увеличить жалованье и пенсии преподавателей, ввести два повышенных преподавательских оклада в 1 тыс. 250 руб. и 1 тыс. 500 руб. в год в семинариях и одного оклада в училищах в 1 тыс. 250 руб. в год²³⁶, производить оплату уроков, преподаваемых ректорами и инспекторами семинарии и смотрителями в уездных училищах. С 1896 г. было также увеличено на содержание казеннокоштных учеников и учениц женских епархиальных училищ – по 150 тыс. руб. в год.

7 марта 1896 г. было принято решение разослать некоторым епархиальным архиереям для обсуждения проекты по преобразованию системы духовной школы. Епархиальные архиереи в своих ответах на предложенные проекты обратили внимание комиссии на необходимость строительства семинарских общежитий и применении мер, направленных на усиление воспитательного контроля. Некоторыми епархиальными архиереями была высказана мысль о нежелательности затруднений доступа в духовные учебные заведения детей из других сословий, чтобы духовная школа не приобрела черты кастовости²³⁷.

После опроса восемнадцати епархиальных архиереев комиссия вынесла на рассмотрение Синода проект нового Устава семинарий. Проект предусматривал следующие поправки: 1) при преподавании Св. Писания уделять больше внимания на изучение содержания священных книг, используя текст Библии, а не учебника; 2) стараться не допускать на уроках дискуссий о текстах Св. Писания с употреблением атеистических взглядов. Обличительное богословие исключалось из семинарской программы, вместо пасхалий была введена космография. Была сокращена программа по философии – введение в философию было заменено «Кратким изложением предмета философии и ее задач». Краткая история философии была заменена предметом «Начальное основание философии». Из курса логики были исключены сведения о предмете и содержании познания. В духовных училищах был введен краткий курс отечественной (гражданской и церковной) истории.

Реально не произошло никаких либеральных изменений, в которых так нуждалась духовная школа. Не были расширены

программы общеобразовательных предметов. Не было улучшено правовое положение преподавательского состава. Таким образом, видно, что изменения 1896-1899 гг. фактически повторяли нормы Устава 1884 г., несколько изменив учебные программы и немного увеличив преподавательские оклады. Работа по подготовке новых учебников и дальнейшему усовершенствованию проекта новых уставов семинарий и училищ была продолжена в начале XX в.

В качестве выводов по параграфу следует отметить, что наступление периода «контрреформ» было вызвано усилением контроля в системе образования в целом. Консервативные преобразования в системе светской школы в 1880-1890-е гг. заключались в усилении преподавания древних языков в среднем звене светской школы сокращении прав преподавательского состава. Духовное образование получило негласное предпочтение перед светским.

В начале 1880-х гг. правительство попыталось заменить светские начальные школы церковными учебными заведениями, увеличив финансовую поддержку церковных школ. Приоритет церковноприходских школ объяснялся тем, что по условиям обучения в них гарантируется большая благонадежность образования, чем в других типах народных школ. Несмотря на усилия Св. Синода, направленные на то, чтобы полностью монополизировать начальное образование в руках духовенства, земская школа и народные училища продолжали существовать наравне с церковноприходскими школами. Однако идея и практика внедрение духовных структур в сферу образования затронула и среднюю, и высшую школы. Следовательно, светская школа была признана в период контрреформ менее благонадежной, чем духовная школа.

Характерной особенностью жизни церкви в 1880-1890-е гг. было заметное увеличение церковных периодических изданий. Расширение церковной печати входило в комплекс мер, направленных на укрепление роли церкви в борьбе за идеологическую монополию. Кроме распространения идеологического влияния, были приняты меры по улучшению материального положения

духовных учебных заведений. Их финансирование было увеличено в 2,5 раза.

Устав семинарий 1884 г. по сравнению с предыдущим Уставом 1867 г., можно характеризовать как более консервативный. Епархиальная церковная администрация получила больше прав в управлении подведомственных духовных учебных заведений, а правовой статус преподавателей и учащихся был ограничен. Увеличение численности семинаристов было обусловлено правительственными мерами, направленными на усиление контроля в сфере духовного образования. Уменьшение доли общеобразовательных предметов в учебных программах семинарий и училищ сыграло роль в снижении интеллектуального уровня служителей церкви. Это в свою очередь снизило уровень престижа духовных учебных заведений по сравнению со светской школой.

Несмотря на усиление роли церкви в начальной школе и увеличение финансирования, духовное образование, российское духовенство в целом, в конце 1890-х гг. вступало в полосу кризиса, проявлениями которого были бесправное положение преподавателей, семинарские волнения, снижение авторитета российского духовенства.

2.2. Ярославская и Костромская семинарии в 1880-1890-е гг.

В 1884 г. были выработаны новые уставы для духовных учебных заведений. В управлении духовными семинариями была усилена власть епархиальных архиереев и значение епархиальной администрации. При замещении преподавательских должностей было отменено выборное начало, а также были ограничены права и состав семинарских правлений. Для содействия религиозно-нравственному воспитанию была учреждена должность духовника.

Была произведена реорганизация учебных планов семинарий. Новый устав отменил прежнее деление семинарского курса на общеобразовательный и богословский. Теперь богословские предметы вошли в программы младших классов. В училищах

было усилено преподавание русского и церковно-славянского языков, церковного пения, а преподавание классических языков ослаблено. Эти изменения были направлены на усиление патриотического и церковного духа в среднем звене духовной школы. Доступ выпускников семинарий в светские высшие учебные заведения был ограничен.

С 1886 г. учебная программа и хозяйственные вопросы в Ярославской и Костромской семинариях определялись нормами нового устава 1884 г. Изменилось общее количество часов предметов в неделю. При семинариях функционировали начальные школы. Для того, чтобы ученики V и VI классов не пропуская своих занятий, могли посещать эту школу, количество уроков в неделю было сокращено с 23 до 20²⁴⁶.

Было усилено финансирование духовных учебных заведений. Например, выплаты на содержание духовных учебных заведений Владимирской губернии составили 210 тыс. 177 руб. в год. На семинарию отпускалось 104 тыс. 955 руб. На Владимирское, Муромское, Переславское, Суздальское, Шуйское училища отводилось 105 тыс. 222 руб. в год. Неодинаковые размеры денежного финансирования духовных учебных заведений разных губерний зависела от численности учащихся и преподавателей в них.

На содержание духовных учебных заведений в 1880-1890-е гг. в Костромской губернии на семинарию отводилось 69 тыс. 41 руб. На духовные училища Галичское, Кинешемское, Костромское, Макарьевское, Солигаличское предполагалось тратить 116 тыс. 525 руб. в год. Общая сумма финансирования составляла 185 тыс. 566 руб. в год. В 1867 г. на все духовные учебные заведения (семинарию и училища) Костромской губернии было выделено 60 тыс. 310 руб. в год. Следовательно, по сравнению с 1867 г., объем финансирования костромских духовных учебных заведений был увеличен примерно на 67%.

В Ярославской губернии общая сумма денежных вложений для духовных учебных заведений составляла 186 тыс. 872 руб. в год. На семинарию предполагалось потратить 74 тыс. 102 руб., а на духовные училища Ярославское, Пошехонское, Ростовско-Димитриевское, Угличское – 82 тыс. 194 руб. в год. На финанси-

рование Ярославского женского училища было отпущено 30 тыс. 576 руб. В 1867 г. для духовных учебных заведений Ярославской губернии (семинария и 4 уездных училища) были выделены средства в сумме 48 тыс. 515 руб. в год. Рост денежных вложений на духовную школу в Ярославской губернии по сравнению с 1867 г. составил около 74%. На примере Ярославской и Костромской губерний видно, что поддержка правительства духовной школы выразилась в значительном увеличении (более 50%) объема финансирования семинарий, уездных и женских духовных училищ. Внимание, уделяемое духовному образованию, объяснялось его большей лояльностью к общему консервативному курсу правительства, что соответствовало общей политике контрреформ 1880-1890-х гг.

Семинаристы содержались своими родителями, или на средства Св. Синода и епархиального духовенства. Например, в Ярославской семинарии в 1894 г. общее число учащихся было 489 человек. На свои средства обучалось 264 человека, или 54% всех семинаристов. На казенном содержании находилось 122 человека, что составляло около 25% от общего числа семинаристов. Местным духовенством было оплачено 45 мест в епархиальном общежитии семинарии, а также выделены средства на 50 пособий и 8 стипендий. Из этого следует, что епархиальное духовенство могло предоставить материальную помощь как минимум 21% учеников. Помощь по содержанию малоимущих семинаристов оказывали Советы Попечительства, образованные для финансовой поддержки бедных воспитанников Ярославской и Костромской семинарий. В 1883-1884 учебном году в Костромской семинарии было 120 казеннокоштных семинаристов, 6 стипендиатов, 36 пансионеров. Всего материальной помощью пользовалось 62 человека. Своекостных воспитанников было 228 человек²⁴⁷.

Неприкосновенный капитал Советов Попечительства составляли взносы почетных пожизненных членов Попечительства. Почетными членами признавались лица, единовременно пожертвовавшие не менее 100 рублей. Например, среди почетных членов Ярославской семинарии были: Ионафан, архиепископ Ярославский и Ростовский (пожертвовал 600 руб.); настоя-

тель С.-Петербургского Исаакиевского собора протоиерей П.А. Смирнов (100 руб.); член Учебного Комитета Министерства Народного Просвещения А. Радонежский (100 руб.)

Сам капитал всегда оставался неприкосновенным, а на нужды учеников расходовались только получаемые с капитала проценты. Например, в 1893 г. неприкосновенный капитал Ярославского Совета Попечительства составлял 4 тыс. 750 руб. процентными бумагами²⁴⁸.

Запасной капитал складывался из ежегодных остатков от сумм, поступавших на содержание епархиального дома и общежития для учеников семинарии и от содержания параллельных классов.

Всего материальной помощью пользовалось 46% учащихся Ярославской семинарии. Этот факт свидетельствует о том, что значительная часть семинаристов была малообеспеченной. Благодаря выделению денежных средств, круг учащихся был значительно расширен.

Размеры преподавательских окладов зависели от выслуги лет. В течение первых пяти лет службы кандидаты академий за штатное количество уроков получали в конце XIX – начале XX вв. 61 руб. 25 коп. в месяц, по выслуге пяти лет – 73 руб. в месяц. На последнем окладе преподаватели семинарии могли оставаться 15–25 лет. Выпускники университетов на первых порах получали скромное жалование, но потом их оклады быстро росли. Например, помощник податного инспектора получал 1 тыс. 300 руб. в год, а податной инспектор – 2,5 тыс. – 3 тыс. в год. Эту должность можно было занять через 3–4 года после окончания университета. Таким образом, в системе светской школы продвижение по служебной лестнице было более быстрым.

Один старейший преподаватель педагогического состава семинарии мог получать так называемый старший оклад – 1,5 тыс. руб. в год. Размер жалования в 1878 г. в Костромской семинарии колебался от 1 тыс. 960 руб. в год (ректор), до 441 руб. в год (начинающий преподаватель). Наиболее часто в штатных расписаниях и ведомостях Ярославской и Костромской семинарий встречались суммы жалования 882 руб. и 686 руб. в год. Например, из

16 преподавателей Костромской семинарии 882 руб. получали 6 человек, 4 человека получали по 686 рублей.

Средняя зарплата преподавателей семинарий в середине 1890-х гг. составляла примерно 914 руб. в год. Например, большинство преподавателей Костромской семинарии (13 человек из 20) в 1890-м г. получали 900 руб. в г., 5 человек зарабатывали по 700 руб. в г., и только двое получали больше 1000 руб. в год. Сравним размеры жалования в 1880-х гг. и в 1890-е г., можно отметить очень незначительное повышение жалования примерно на 2% (с 882 руб. до 900 руб. в год). Если размер годового жалования преподавателя семинарии был равен примерно 900 руб., то ежемесячная зарплата составляла около 75 руб. Для сравнения – средняя зарплата ярославских рабочих в начале 1890-х гг. колебалась в пределах 3-25 руб. в месяц. Эту сумму нельзя назвать достаточной для обеспеченного образа жизни.

Многие служащие в начальной и средней светской школе были обеспечены лучше, чем преподаватели духовных семинарий. Могло случиться так, что исключенный из 3-го класса семинарист, избравший военную карьеру, через 3-4 года мог получать не меньше своих преподавателей. Жить на 75 руб. в месяц в большом городе, где одна квартира из пяти комнат стоила около 50 руб. и сюртучная пара такую же сумму, человеку семейному было невозможно. Поэтому преподаватели часто занимали несколько должностей. Например, один из учителей Костромской семинарии – статский советник 47-летний В. И. Горицкий, обладатель наград за успехи в преподавательской деятельности, кроме преподавания уроков (с оплатой 1 тыс. 140 руб. в г.), выполнял обязанности секретаря, с оплатой 200 руб. в год. Совмещение должностей отвлекало преподавателей от своих прямых обязанностей, и негативно влияло на уровень преподавательской деятельности.

С уровнем материальной обеспеченности было связано семейное положение преподавателей. Молодые, начинающие преподаватели, как правило, не имели возможность прокормить семью. Например, в 1878 г. в Костромской семинарии семейные учителя составляли 50% преподавательского состава, а в 1890-м г. 15 человек из 20 имели семьи. Это составляло 75% от общего числа

преподавателей. По сравнению с 1878 г. численность семейных преподавателей возросла на 25%. Объясняется это омоложением преподавательского корпуса, и отчасти незначительным повышением уровня жизни учителей семинарий. Например, возраст преподавателей Костромской семинарии в 1878 г. колебался от 24 до 52 лет. В начале 1880-х гг. в семинарии работало восемь человек, не достигших 35 лет. Это составляло примерно 50% от общего числа. В 1878 г. средний возраст составлял примерно 36,5 лет. В 1890-м г. возрастные показатели колебались между 26 и 56 годами. Средний возраст преподавательского состава в 1890-е гг. был примерно 35 лет. Следовательно, произошло некоторое омоложение преподавательского состава. Например, должность помощника инспектора Костромской семинарии в 1880-е гг. занимал 34-летний титулярный советник В.С. Ильинский. После окончания Казанской духовной академии со степенью кандидата богословия женился. Совмещал обязанности помощника инспектора с преподаванием Преподавал Священного Писания, с окладом 900 руб. в год. В качестве другого примера можно привести служившего в 1890-е гг. в Костромской семинарии 36-летнего преподавателя, коллежского советника А. В. Соловьева, который получал 1 тыс. 260 руб. в год. При таком окладе (105 руб. в месяц) можно было содержать семью.

Для развития средней духовной школы в период с 1884-1900 гг. было характерно перепрофилирование части преподавательского корпуса. Обусловлено это было пересмотром часовой нагрузки и планов учебных программ ряда общеобразовательных предметов. После введения Устава 1884 г. вследствие значительного сокращения уроков по классическим языкам, некоторая часть преподавателей могла остаться невостребованными. Действительно, такое явление имело место в Костромской и Ярославской семинариях. В администрации семинарий поступали заявления от преподавателей греческого и латинского языков с просьбами предоставить им часы по какому-либо предмету (например, по русскому языку)²⁴⁹.

Численность преподавательского состава за период с 1884-1900 гг. несколько возросла. Число преподавателей увеличивалось

пропорционально росту числа учащихся. Количество учителей в тех семинариях, где было два отделения, могло увеличиться почти в два раза. В Ярославской семинарии к концу 1890-х гг. было по два отделения во всех шести классах. В 1896 г. в Ярославской семинарии было 23 преподавателей (вместе с администрацией).

В 1878 г. в Костромской семинарии было 16 преподавателей (вместе с администрацией). В 1883-1884 учебном году число преподавателей достигло 20 человек. В начале 1890-х г. в Костромской семинарии было по-прежнему 20 преподавателей (вместе с администрацией). Во всех классах Костромской семинарии в 1896 г. были открыты параллельные отделения. В пяти старших классах было по одному параллельному отделению, а в младших классах по два отделения²⁵⁰. Нетрудно заметить, что численность преподавательского состава Ярославской и Костромской семинарий отличается всего на 3 человека (13%). Таким образом, можно утверждать, что число преподавателей семинарий в Ярославской и Костромской губерниях примерно совпадало.

Процессы изменения численности преподавательского состава в семинариях Ярославской и Костромской губерний были обусловлены общностью развития и территориальной близостью. По сравнению с 1860-ми гг., когда в Ярославской семинарии работало 19 преподавателей, в конце 1890-х гг. численность преподавательского корпуса (23 человека) возросла примерно на 17%. С конца 1870-х гг. до конца 1890-х произошло увеличение числа преподавателей Костромской семинарии примерно на 20%. Следовательно, численность профессорско-преподавательского состава Ярославской и Костромской духовных семинарий на протяжении 1860-1890-х гг., увеличилась примерно на 18,5%.

Практически все преподаватели Ярославской и Костромской семинарий заканчивали духовные академии. Например, в Костромской семинарии академическое духовное образование в 1878 г. имело 100% преподавательского состава; в 1890-м г. – 18 человек из 20 преподавателей и 2 человека были выпускниками физико-математических факультетов Императорского С. – Петербургского университета и Казанского университета.

В основном преподаватели Ярославской и Костромской семи-

нарий заканчивали Московскую духовную академию (например, в Ярославской семинарии 11 человек из 20)²⁵¹. В Костромской духовной семинарии с середины 1870-х гг. должность инспектора занимал статский советник П. И. Попов. Среднее образование он получил в Орловской духовной семинарии в 1850-1856 гг. В 1860-м г. закончил Московскую духовную академию, получив степень магистра, и начал работать по распределению в Вологодской духовной семинарии профессором физико-математических наук во вторых классах. С 1861 г. работал в Костромской семинарии помощником инспектора, и преподавал латинский язык. В 1874 г. П.И. Попов стал инспектором и совмещал обязанности этой должности с преподаванием Священного Писания в пятом классе семинарии. В 56 лет он имел ряд наград, являлся кавалером орденов Св. Анны II и III степени, II степени Св. Станислава, IV степени Св. Владимира.

Серьезное отношение преподавателей к своей педагогической деятельности обусловило строгие требования к абитуриентам. В духовную семинарию принимались дети священников и преподавателей семинарии, а также дети из других сословий.

Прием в семинарию происходил каждый год во второй половине августа или в первых числах сентября. Вступительные экзамены в первый класс семинарии производились одним из членов Педагогического Совета. В первый класс принимались дети не младше 9 и не старше 11 лет. При поступлении оценивалось умение читать (по-русски и по-славянски), писать, знать цифры и необходимые молитвы. При поступлении в каждый из последующих классов необходимо было знать программы предметов, преподаваемых в предшествующих классах.

Число поступающих изменялось на протяжении 1860-1890-х гг. Например, средняя численность принимаемых в Ярославскую семинарию до открытия параллельных классов была 40-50 человек. После открытия параллельных классов она увеличилась примерно в полтора раза, и составляла 70-80 человек. Так, например, в 1867 г. в семинарию было принято 49 человек, а в 1897 г. — 79 воспитанников.

В конце XIX в. в числе семинаристов стали появляться дети

крестьян, мелких служащих, рабочих. Несмотря на это, сословный состав учащихся семинарий по-прежнему был практически однородным. Например, в 1894 г. в духовных учебных заведениях (в семинарии и четырех духовных училищах) Ярославской губернии училось 1 тыс. 129 человек. Из них детей из семей священников было 1 тыс. 90 человек, что составляло 96,5% от общего числа учащихся. Следовательно, можно утверждать, что в средней духовной школе училось подавляющее большинство выходцев их духовной среды.

В результате комплекса мер, направленных на повышение престижа духовной школы, численность учащихся в духовных учебных заведениях Костромской и Ярославской губерний в 1880-1890-е гг. постепенно росла. В 1886-1887 учебном году число семинаристов в Ярославской семинарии достигло 480 человек. Как отмечал ректор семинарии протоиерей Н.А. Барский, такого числа учеников не было в течение последних 13-ти лет²⁵². Тенденция к росту численности учащихся объясняется, прежде всего, принятыми для этого мерами – запрещением семинаристам, не закончившим семинарию занимать священнослужительские должности и ограничением доступа в светские учебные заведения.

Спустя примерно десять лет, в 1895-1896 учебном году, в шести штатных и шести параллельных классах Ярославской семинарии было 489 учеников. К концу года из них выбыло 72 человека. Из первого во второй класс был переведен 91 ученик, из второго в третий – 76, из третьего в четвертый – 81, из четвертого в пятый – 57, из пятого в шестой – 57 учеников. Всего было переведено 362 ученика. Таким образом, успевающих учащихся было 74%. Очевидно, что учеников, успешно выполняющих требования программы, было большинство.

К концу 1890-х годов число воспитанников Ярославской семинарии продолжало увеличиваться. К концу 1897-1898 учебного года из Ярославской семинарии выбыло 67 человек. Кроме 56 выпускников, было уволено по прошениям – 6 человек, умерло – 4 человека, исключен был 1 человек. В семинарии осталось 449 учеников. В классах было неодинаковое число учеников. В стар-

ших классах, как правило, численность учеников была меньше, чем в младших. Например, в шестой класс было переведено 87 человек, в пятый – 68 человек, в четвертый – 89 человек, в третий – 72 человек, во второй – 82 человека. На второй год было оставлено: в четвертом – 3, в третьем – 6, во втором – 12 человек. Поступило в семинарию 79 человек. Всего в 1897-1898 учебном году в семинарии было 528 учеников²⁵³. Число семинаристов возросло с 480 человек в конце 1880-х гг. до 528 человек в конце 1890-х гг. Почти за 10 лет рост числа учащихся составил примерно 9%.

В Костромской семинарии во всех классах были организованы параллельные отделения: в пяти старших по одному, а в младших по два отделения. В Костромской семинарии, как и в Ярославской, происходили аналогичные процессы в изменении численности учащихся. В 1891 г. в ней училось 475 человек, в 1899 -1900 учебном году в семинарии насчитывалось 530 воспитанников. Таким образом, численность семинаристов была увеличена примерно на 10%. Сравнивая численность учеников семинарии конца 1860-х гг. и конца 1890-х гг., нельзя не заметить, что эта цифра увеличилась почти в два раза. Это говорит о том, что в 1880-1890-е гг. правительственная политика была направлена на усиление роли духовной школы в системе российского образования

Важную роль в подготовке будущих служителей церкви играл уровень преподавания, от которого зависела успеваемость учащихся. Дважды в год – в декабре и июне или июле в семинариях проводились экзамены. Сверх этого в конце учебного года проводились так называемые публичные экзамены. На таких экзаменах, как правило, присутствовали не только семинарская администрация, но и епархиальный архиерей, духовенство, представители губернской власти. Публичные экзамены проводились по наиболее важным или представляющим интерес для общественности предметам. Кроме устных ответов, на публичных экзаменах представлялись лучшие трактаты и сочинения отличных учеников²⁵⁴.

К публичному экзамену готовился отчет о состоянии семинарии. Этот отчет зачитывался перед публикой в торжественной обстановке. Вообще, публичные экзамены являлись своеобразным

докладом перед обществом о состоянии, направлении и успехах образования в семинариях.

Обычные (переводные и выпускные) экзамены проводились педагогическим советом по предварительно составленному расписанию. Для сокращения времени экзаменов педагогический совет разделялся на отдельные комиссии, в состав которых входило три преподавателя. Эти комиссии назывались экзаменаторскими комитетами. Между этими комитетами распределялись предметы и время экзаменов, а также классы семинарии.

Экзамену подвергались все без исключения ученики. Не явившиеся на экзамен, кроме случая болезни, действительно препятствующей явке, считались не прошедшими экзамен, и вновь к нему не допускались.

Успеваемость учеников оценивалась по десятибалльной системе. Учащиеся делились на три разряда. Ученики с оценками не ниже «8» баллов составляли первый разряд. В Костромской семинарии в 1883-1884 учебном г. из 48 учеников шестого класса в первом разряде было 11 человек. Из 58 человек пятого класса к первому разряду было причислено 16 человек. Из 67 человек четвертого класса в первом разряде было 16 человек. Из 78 человек третьего класса в первом разряде было 10 человек, из 90 человек во втором классе — 15 человек, из 102 человек первого класса — 10 человек. Перворазрядники (отличники и хорошисты) составляли 17,6% от общего числа семинаристов.

Большинство учеников, обладавших оценками не ниже «5» баллов причислялись ко второму разряду. Все остальные учащиеся относились к третьему разряду. Ученики, причисленные к первому и второму разрядам, переводились в следующий класс, а из учеников третьего разряда оставлялись на второй год или отчислялись. По сравнению с данными за 1860-1870-е гг., успеваемость учеников практически не изменилась.

В ответах семинаристов отмечались не столько скорость и многословие, сколько основательность и самостоятельность в суждениях. Предполагалось, что выпускник семинарии должен не только знать Св. Писание, разбираться в богословских вопросах, но и быть руководителем других людей, быть учителем веры. В

то же время семинаристы, намеревавшиеся поступить в университеты, стремились восполнить недостаток знаний по общеобразовательным дисциплинам самообразованием, создавая себе для этого необходимые условия (ученические кружки, ученические библиотеки).

Надзор за преподаванием наук в семинарии являлся обязанностью ректора, который для этого посещал классы в учебные часы²⁷⁰. Нравственное управление семинарией вверялось инспектору, его помощникам и комнатным надзирателям. Инспектор и его помощники могли в любое время посетить квартиры учеников. Например, в 1896 г. надзирателями Ярославской семинарии было сделано 849 квартирных посещений²⁷¹. Контроль над соблюдением дисциплины и порядка осуществлялся комнатными надзирателями. Под нарушением порядка подразумевались какие-либо проступки. Например, одним из таких нарушений дисциплины могло стать нетрезвое состояние учащихся²⁷².

И учебная жизнь, и быт поступивших в семинарию учеников была строго регламентирована. Надзиратели под начальством инспектора следили за выполнением норм порядка дня. Распорядок дня в семинариях был следующий: подъем в 6 утра, в 6.45 - молитва и завтрак. По средам и пятницам происходило слушание литургии. С 15.00 до 14.00 было четыре урока. После обеда до 17.00 отводилось время на чтение, пение, игры, прогулки²⁷³. С 17.00 до 21.30 семинаристы выполняли домашнее задание, писали сочинения. Перерыв на отдых отводился с 19.00 до 19.30, затем следовал ужин и вечерняя молитва. В десять часов вечера семинаристы ложились спать.

Условия жизни семинаристов легкими назвать непросто: «Жизнь в общежитии строится по примеру арестантской. Каждый шаг, каждое движение воспитанника предусмотрены: он ест, пьет, учится, гуляет и даже молится по звонку. Насчитывают до 22 звонков, которые раздаются за день в стенах семинарии»²⁷⁴.

Семинаристы жили в казенном корпусе, в комнатах по 25-30 человек. Жилые помещения были однотипны: комнаты учебные отделялись от спален. У каждого семинариста был сундук со своими вещами. Ученики, проживающие в наемных квартирах, под-

чинялись тем же правилам.

Наблюдение за жизнью семинаристов входило в обязанности комнатных надзирателей. Вот как обрисовывает «руководство учащимися» один из бывших семинаристов: «Нельзя сказать, чтобы обязанности надзирателей были сложны. Надзирателям вменялось в обязанность «ловить» – значит заставить учеников на месте преступления. Впрочем, ловить собственно было не в чем; водку пили редко, и единственным преступлением было курение. Если в воздухе попахивает табаком – сейчас же: «такой-то, поди сюда... дыхни!» Действительный преступник обыкновенно симулирует дыхание «Дыхни еще... – Дыхни как следует! – Курил?» – «Нет, я не курю!... -Говори, кто еще курил? – Никто не курил». «В журнал запишу...» «Простите, я больше не буду». «Табак отбирался»²⁷⁵.

Не все семинаристы прилежно относились к своим учебным обязанностям. Были и отличники, для которых учеба была важнее всего. Были и нарушители дисциплины. Между тем, правила поведения в семинарии были строгие.

Никто из учащихся не отпускался из семинарии без письменного разрешения (билета) инспектора и надзирателя. В билете записывалось время отпуска, который никогда не продлевался на ночь. Исключения из этого правила составляли дни летних и зимних каникул.

Выполнение всех норм поведения каждым воспитанником фиксировалось надзирателями и инспектором. Ежемесячно инспектор представлял педагогическому совету, проверенные им ведомости комнатных надзирателей о поведении воспитанников, и к концу года представлял полную ведомость о поведении всех учеников. Поведение оценивалось по десятибалльной системе. Высший балл – «10» означал отличное поведение, «9» – весьма хорошее, «8» – хорошее, «7» и «6» – исправное. Оценки «5» и «4» ставились тогда, когда ученик был замечен, в каких-либо неисправностях или шалостях, «3» и «2» – ученики получали, если были замечены в значительных проступках; оценку «1» семинаристы получали, если оказывались не исправляющимися или вовсе неблагонадежными²⁷⁶.

Ни одно нарушение не оставалось безнаказанным. В качестве наказания применялись выговор инспектора, назначение отдаленного от других места за столом. Широко применялось лишение обеда или ужина, осуждение на так называемый голодный стол (хлеб и воду), а также такие меры, как объявление имен провинившихся на общем собрании и даже заключение в карцер (не более трех дней). В случае недейственности этих мер, ученик исключался из семинарии.

Средствами для улучшения поведения учащихся служили не только наказания, но и поощрения и награды. К их числу относились похвала инспектора, награждение похвальными листами, объявление имен отличников на общем собрании учащихся и преподавателей, памятные подарки — книги, подписанные ректором. Таким образом, бдительный надзор осуществлялся над всеми воспитанниками, как бы много их не училось в семинарии.

Несмотря на определенную направленность воспитания, ученики имели различные идеологические убеждения. Так, в воспоминаниях одного семинариста говорится о появлении в их классе атеистов, которые достаточно свободно высказывали свои мнения. Они говорили о «пошлости семинарской жизни», о пустоте, поверхностности и ненужности семинарских наук, о недоразвитости семинаристов, о необходимости и громадной пользе чтения книг, о развитии воли, о нравственном достоинстве человека, наконец, об общественном устройстве и состоянии России, о Боге²⁷⁷.

Часть семинаристов не поддерживало радикальных суждений. Защитники веры осуждали атеистов «за их непомерную гордость», говорили о том, что церковь, которую они отрицают, воспитывает их, в будущем дает сан священнослужителя, и о том, что все святые были умнейшие люди. Разумеется, не все семинаристы разделялись на атеистов и защитников веры. Были и такие, кто ничем не интересовался, и не во что не вмешивался.

В конце 1890-х гг. на учеников оказывали влияние не только родители, преподаватели, семинарское начальство и надзиратели, но и студенты университетов. Нередко семинаристы оказывались

втянутыми в революционные кружки и организации. Во многом от того, под чье влияние попадали семинаристы, определялась их дальнейшая судьба.

Таким образом, семинаристы не были серой однородной массой. Они отличались по сословному происхождению, материальному положению, по отношению к учебе, к вере, по идеологическим убеждениям. Поэтому у выпускников были разные судьбы, по-разному складывались карьеры.

Желающие продолжить свое образование, могли поступить в духовные академии или в светские высшие учебные заведения. Так, например, из выпускников Ярославской семинарии в 1899 г. два студента были посланы учиться на казенный счет в академии, два поступили в императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт, четверо – в Демидовский лицей, а два – в ветеринарный Казанский институт.

Большая часть выпускников Ярославской и Костромской семинарий поступала в епархиальное ведомство, занимая священнослужительские места и учительские должности в начальных школах и духовных уездных училищах. Для практической подготовки к преподавательской деятельности при каждой семинарии были созданы образцовые начальные школы. С 1886-1887 учебного года при Ярославской семинарии действовала такая школа. Ученики V – VI классов изучали теорию обучения, а на двух еженедельных уроках в школе наблюдали, как это обучение ведется учителем, и сами практиковались в преподавании. Выпускники семинарии могли преподавать любой предмет в начальной школе²⁷⁸.

Церковь постоянно, особенно в 1880-1890-е гг., заботилась о повышении квалификации учителей. Если до реформы учителями в начальных школах могли быть даже дьячки и пономари, то в 60-70-е гг. XIX века учителями становились, по – преимуществу, лица, окончившие полный курс семинарии. В ЯЕВ встречается публикации с просьбами прислать хороших учеников семинарии для преподавания в сельских училищах. Вот, например, обращение в правление семинарии от 20 января 1868 г. «о вакантной должности учителя Алексеевского сельского училища при гото-

вой квартире и годовом жаловании 100 руб. серебром». Просьба прислать «достойного ученика» семинарии была зафиксирована из Углического училищного совета²⁷⁹. Об успешной педагогической деятельности выпускников семинарии свидетельствуют многочисленные публикации в ЯЕВ. Например, в 1868 г. в официальной части газеты Ярославским губернским училищным советом была объявлена благодарность «за успешное ведение дела по училищу» священнику с. Иванова Рыбинского уезда А. Смирнову и учителю, Л. Третьякову, недавно закончившего семинарию²⁸⁰.

Выпускники Ярославской и Костромской семинарий преподавали не только в духовных, но и в светских учебных заведениях. Примером тому может служить Николай Андреевич Тихвинский, проработавший 50 лет в Ярославском Демидовском лицее. Н. А. Тихвинский родился в 1826 г. в Ростове в семье протоиерея ростовского Успенского собора. После окончания С.-Петербургской духовной академии он преподавал словесность в Ярославской семинарии, в 1850 г. стал профессором богословия. В 1858 г. Н.А. Тихвинский начал преподавать в гимназии, а с 1871 г. — стал ректором Ярославской духовной семинарии. Во время его ректорства происходило преобразование семинарии, которое прошло без потрясений, что являлось его заслугой. С 1891 г. до конца 1890-х гг. Н.А. Тихвинский служил в Демидовском лицее, в степени профессора богословия.

Выпускники семинарий занимались не только педагогической деятельностью, но принимали участие и в научной работе. Примером этому служит ярославский краевед Константин Дмитриевич Головщиков. Он происходил из семьи протоиерея Казанского женского монастыря. По окончании Ярославской семинарии К. Д. Головщиков поступил на службу в губернаторскую казенную палату. В 1864 г. он стал работать в Демидовском лицее, где вскоре был назначен на должность секретаря научного совета.

Службу в лицее К.Д. Головщиков сочетал с общественной и научной деятельностью. Он является членом Ярославского губернского статистического комитета, губернской ученой архивной комиссии, в период с 1881 по 1882 г. был редактором неофици-

альной части «Епархиальных ведомостей». В 1886 г. занял должность редактора «Ярославского листка объявлений». Статьи К. Д. Головщикова неоднократно печатались в ЯЕВ, а также в других местных газетах: «Северный край», «Волжско – Камское слово», «Новости дня» и журналах «Русская старина» и «Библиограф»²⁸¹.

Научные работы К.Д. Головщикова посвящены истории края и Ярославской семинарии, биографиям известных земляков. При всей широте спектра его научных интересов, основным вкладом К. Д. Головщикова в ярославскую краеведческую науку явились его историко-этнографические очерки, дающие подробное описание экономики, культуры, быта, обычаев Ярославского края.

Следовательно, выпускники семинарии могли реализовать свои интеллектуальные возможности и полученные знания не только в сфере деятельности духовного ведомства. Их образовательный уровень позволял им заниматься учительством в светских и духовных училищах, высших школах. Кроме того, потенциально они могли проявить (и проявляли) себя в науке.

Подводя итоги параграфа, следует сказать, что с 1886 г. учебная программа и финансирование в Ярославской и Костромской семинариях определялись нормами нового устава 1884 г. Преобразования в учебно-воспитательном процессе сводились, в основном, к сокращению программ по общеобразовательным предметам, реорганизации учебных планов. Богословские предметы были введены в программы младших классов.

В 1880-1890-е гг. объем финансирования духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний был увеличен примерно в 1,5 раза по сравнению с 1867 г. Примерно 54% всех семинаристов обучались на свои средства. На казенном содержании находилось около 25% от общего числа семинаристов. Епархиальное духовенство могло предоставить материальную помощь как минимум 21% учеников. Таким образом, материальной помощью пользовалось почти половина учащихся. Следовательно, значительная часть семинаристов была малообеспеченной. По сравнению с данными за 1867 г. число казеннокоштных учеников увеличилось на 13%. Рост числа семинаристов, пользующихся государственным обеспечением в различных формах (полное

или частичное содержание, пособия, стипендии) был обусловлен тем, что финансирование духовных учебных заведений в 1880-1890-е гг. было значительно увеличено.

По этой же причине были увеличены оклады преподавателей семинарий и духовных училищ. Сравнивая размеры жалования в 1860-1870-х гг. и 1880-1890-х гг., можно отметить значительное повышение жалования примерно на 60% (с 360 руб. до 900 руб. в год). Но, тем не менее, эту сумму нельзя назвать достаточной для обеспеченного образа жизни. Поэтому преподаватели часто совмещали преподавательскую деятельность с обязанностями других служащих или увеличивали свою часовую нагрузку. Увеличилось число семейных преподавателей (примерно на 25%). Вызвано это было некоторым омоложением преподавательского корпуса, и отчасти незначительным повышением уровня жизни учителей семинарий. Для развития средней духовной школы в исследуемый период было характерно перепрофилирование части преподавательского корпуса. Обусловлено это было пересмотром часовой нагрузки и планов учебных программ ряда общеобразовательных предметов.

Рост численности преподавательского состава в Ярославской и Костромской семинариях за период 1860-1890-х гг. составил в среднем около 13,5%. Число преподавателей семинарий в Ярославской и Костромской губерниях примерно совпадало. Большинство учителей Ярославской и Костромской семинарий заканчивали духовные академии. Преподаватели Ярославской и Костромской семинарий работали не только в духовных, но и в светских учебных заведениях. Примером тому может служить Н. А. Тихвинский, проработавший 50 лет в Ярославском Демидовском лицее.

Численность учащихся в семинариях Ярославской и Костромской губерний увеличилась примерно в два раза. В Ярославской семинарии к концу 1890-х годов было по два отделения во всех шести классах. В Костромской семинарии в 1896 г. в пяти старших классах было по одному параллельному отделению, а в младших классах по два отделения. Процессы изменения численности преподавательского состава в семинариях Ярославской и

Костромской губерний были обусловлены общностью развития и территориальной близостью. И учебная жизнь, и быт поступивших в семинарию учеников были строго регламентированы. Сословный состав духовной школы практически оставался одно-

вопрос о расширении сети женских духовных учебных заведений, поскольку желающих учиться в них становилось все больше и больше.

Преобразования 1860-1870-х гг. оказали влияние на всю систему духовных учебных заведений, в частности, на женское духовное образование. Изменения в сфере образования, а также реформа церкви поставили вопрос о увеличении числа и расширении учебных программ духовных женских училищ. Одно из мероприятий церковной реформы было связано с сокращением приходов и причтов, которое было утверждено соответствующим указом Александра II от 16 апреля 1869 года.

К концу 1870-х годов XIX в. это сокращение было произведено только в 41 епархии. Средняя численность прихода по России увеличилась с 1 тыс. 600 до 2 тыс. 200 человек, а число служащего духовенства сократилось со 113 тыс. 815 человек в 1860 г. до 98 тыс. 465 в 1880 году²⁸³. Следовательно, снизились запросы епархий на замещение вакантных мест священников. Теперь для большинства выпускников семинарий перед тем, как получить приход и стать священником, нужно было прослужить 3-4 года на малооплачиваемых церковных должностях или занимать должность учителя в начальной школе. В связи с этим, выпускники духовных семинарий женились не сразу после окончания семинарии, что в свою очередь сказалось на увеличении числа невышедших замуж воспитанниц училищ духовного ведомства.

В конце 1870-х начале 1880-х гг. в системе духовного образования начинают разрабатываться проекты по увеличению числа женских духовно-учебных заведений. В местной периодической печати Ярославской и Костромской губерний (ЯЕВ и КЕВ) круги церковной интеллигенции активно обсуждали пути развития женского духовного образования²⁸⁴. Вопрос о необходимости образования для дочерей духовенства не вызывал сомнения. Poleмика развернулась между либеральными и консервативными кругами духовенства о форме обучения. Консерваторы придерживались мнения об обязательности сословного характера женского духовного образования. В пользу своей точки зрения они высказывали мысль о негативном влиянии светской школы на

воспитание девочек из духовной среды. Более либеральные представители духовенства считали, что для всестороннего развития детей важно, не к какому сословию они принадлежат, а само качество образования. Для дочерей духовенства, по их мнению, было важно получить образование, в полной мере отвечающее современным запросам общества. Дискуссия о содержании и задачах женского духовного образования была вызвана тем, что училища духовного ведомства не могли удовлетворять растущие потребности духовенства в женских духовных учебных заведениях. Несмотря на преобразования в учебных программах и изменения задач обучения, женские училища духовного ведомства из-за малочисленности и сословного характера занимали незначительную часть в системе женского духовного образования. В связи с этим духовенство начало открывать женские духовные училища на епархиальные средства.

Одно из первых подобных учебных заведений было открыто в Ярославле. В 1884 г. были открыты Псковское и Томское женские епархиальные училища. Они были трехклассными с двухгодичным курсом в каждом классе. Обучение длилось шесть лет. В 1884-м гг. программа епархиальных училищ была введена в училищах духовного ведомства. Преобразованию подверглись Царскосельское и Волынское училища. Из 3-х классных они были превращены в 6-ти классные. Дополнительное финансирование на содержание преобразованных училищ было выделено из местных епархиальных средств²⁹³. Всего в 1884 г. было открыто 38 епархиальных женских училищ²⁹⁴.

В Ярославле такое училище было создано 1 октября 1880 года²⁹⁵. Одним из активных сторонников создания Ярославского женского епархиального училища был епископ Ярославский и Ростовский Ионафан. В 1879 г. он обратился к епархиальному духовенству с предложением об устройстве приюта для осиротевших девочек. Поскольку эта идея была поддержана как духовенством, так и светскими лицами, в фонд будущего приюта вскоре начали поступать пожертвования. Первые взносы были сделаны настоятельницей Ярославского Казанского монастыря и настоятелем кафедрального собора, которые пожертвовали соответственно –

650 руб. и 625 руб. Это были по тем временам немалые средства.

Со временем идея о приюте переросла в мысль об открытии епархиального женского училища. Его первоначальный капитал составил 20 тыс. руб. Дальнейшие пожертвования увеличили эту сумму до 60 тыс. руб. Для училища был приобретен дом стоимостью 28 тыс. руб. Когда подготовительные работы были завершены, в ЯЕВ появилось объявление об открытии епархиального женского училища. Сообщалось, что в подготовительный класс может быть принято 45 воспитанниц от 9 до 11 лет. Для поступления необходимо было предоставить документы – выписку из метрик от причта, свидетельство врача о привитии оспы и свидетельство о материальном состоянии семьи, а также сдать приемные экзамены. Экзамен по Закону Божию предполагал знание предмета в пределах программы начальной школы. Экзамен по русскому и церковнославянскому языкам включал чтение и диктант. Экзамен по математике проверял умение считать устно и решать задачи. Из 101 кандидатки на поступление 51 девочка сдавала вступительные экзамены, и была зачислена в училище. Большинство поступивших составляли дочери священников, дьяконов и причетников.

Источники для содержания Ярославского епархиального училища были следующие: 1) обязательный ежегодный взнос с церковей и причтов епархии; 2) пособия из Ярославского епархиального попечительства о бедных духовного звания; 3) взносы родителей за содержание и обучение воспитанниц; 4) проценты по билетам училищного капитала; 5) арендные суммы за квартиры в училищных домах; 6) пожертвования от благотворителей; 7) перечисления из отдела на приданое сиротам-воспитанницам.

Судя по годовым отчетам 30 епархиальных училищ, в 1884 г. на их содержание было израсходовано 1 млн. 80 тыс. 982 рублей²⁹⁶. Всего в епархиальных училищах было 8 тыс. 424 учениц. На полном епархиальном содержании из них находились 2 тыс. 157 человек. 256 человек платили половину стоимости содержания в училище. 396 человек получали стипендии и содержались на средства благотворителей, 4 тыс. 29 человек было своекоштных пансионеров и 1 тыс. 586 проходящих учениц²⁹⁷.

Бюджет Ярославского училища представлял собой внушительную сумму. В 1886-1887 учебном году капитал училища составлял 46 тыс. 876 рублей²⁹⁸. Женские училища духовного ведомства были менее обеспеченными, поскольку находились на штатном государственном обеспечении. Епархиальные училища финансировались местным духовенством, которое было заинтересовано в хорошем материальном содержании училища, где учились их дети.

Большинство родителей из духовенства Ярославской епархии за содержание своих дочерей платили установленный полный взнос в размере 120 руб., хотя в ряде случаев эта сумма сокращалась до 100 руб. в год. Выходцы из других сословий и духовенство других епархий вносили за своих детей увеличенную плату в размере от 130 до 200 руб. в год. Некоторые воспитанницы содержанием в училище не пользовались, а обучались в качестве приходящих. Для детей духовенства такое обучение было бесплатным, а ученицы из других сословий платили за обучение 40 руб. в год. Отличницы из малообеспеченных семей, независимо от сословной принадлежности, частично или полностью освобождались от оплаты²⁹⁹. Так, например, в 1884-1885 учебном году общая численность учащихся составляла 172 человека³⁰⁰. Из них на церковно-епархиальные средства (бесплатное или неполный взнос за обучение и различные дотации) содержались 52 человека, что составляло около 30% от общего числа³⁰¹.

Некоторые ученицы получали стипендии. Ярославское епархиальное училище пользовалось покровительством своего основателя архиепископа Ионафана. Сам он многократно его посещал – присутствовал на уроках и экзаменах, а также иногда руководил осмотром училищных помещений. В 1881 г. в училище были учреждены три стипендии имени Его Преосвященства, представлявшие осиротевшим воспитанницам, добившимся наибольших успехов в учебе. Стипендиатки должны были быть дочерьми священника, дьякона и псаломщика (или причетника), и кроме этого учиться в разных классах училища³⁰².

Программа епархиальных училищ в основном соответствовала уровню женских гимназий. В 1883 г. было введено преподавание

в первом классе географии. В 1885 г. в перечне предметов появилась физика, а в следующем году – педагогика. Всего в программу училища входили следующие дисциплины: физика, арифметика, основы геометрии, Закон Божий, русский и церковнославянский языки, русская гражданская история, всеобщая история, география, церковное пение и рукоделие. Недельная нагрузка уроков соответствовала Уставу епархиальных женских училищ. Она включала в себя 18 часов в неделю³⁰³. Расписание уроков было составлено таким образом, что сначала, как правило, проводились трудные предметы, а потом более легкие.

Кроме обязательных предметов ученицы могли по выбору изучать иностранные языки – французский или немецкий, а также заниматься музыкой и рисованием. В процессе преподавания использовались учебные руководства и пособия указанные программами епархиальных училищ. Вот некоторые из них: «Записки по предмету Закона Божия» прот. А. Лаврова; «Священная история Ветхого и Нового Завета» прот. Н. Смирнова; «Русская грамматика» А. Кирпичникова; «Родина» Д. Радонежского; «Курс физики» В. Малинина. Кроме этого, преподаватели также использовали учебники и книги для приготовления классов женских гимназий и прогимназий: в число учебных пособий по арифметике был введен «Систематический учебник для низших и средних учебных заведений» Н. Мартынова (1881 г.) и сборник задач И. Эвтушевского и В. Малинина, по географии и истории – соответственно руководства Н. Смирнова и П. Иловайского.

Успеваемость воспитанниц оценивалась по пятибалльной системе. Уровень успеваемости учащихся колебался по разным предметам, но в целом был достаточно высоким. Следует отметить, что по гуманитарным предметам успеваемость была несколько ниже, чем по математическим. Например, из 53 учениц по литературе имели оценку «5» – 19 человек, а по геометрии – 33 человека; по истории: «4» – 20 человек, а по физике – 14. Причиной этого могли быть более сложные, насыщенные программы по гуманитарным предметам и упрощенные программы по математическим наукам. Кроме этого, определенную роль мог играть субъективный фактор – низкий уровень требований преподава-

телей математических предметов. Подавляющее большинство учениц принадлежали к разряду «хорошистов», т.е. учились на «4» и «5». С оценкой «3» по различным предметам училось не более 7% учащихся, с оценкой «2» – не более 3% всех учащихся³⁰⁴. Таким образом, число учениц, имеющих оценки «3» и «2» составляли всего около 10% от общего числа. Исходя из этого ясно, что примерно 90% всех учениц епархиального училища являлись «хорошистами». Особенно высоким уровень успеваемости учащихся Ярославского епархиального училища кажется при сравнении его с успеваемостью в духовных семинариях Ярославской и Костромской губерний в 1880-1890-е гг.

Успеваемость учеников в семинариях оценивалась по десятибалльной системе. Перворазрядники (отличники и хорошисты) составляли 17,6% от общего числа семинаристов³⁰⁵. Большинство учеников, обладавших оценками не ниже «5» баллов причислялись ко второму разряду. Все остальные учащиеся относились к третьему разряду. Такая большая разница в показателях успеваемости (90% и 17,6%) обусловлена разными требованиями и степенью сложности учебных программ, а также различной степенью прилежания и добросовестного отношения к учебе в женских и мужских учебных заведениях.

Епархиальные училища управлялись Советами для решения вопросов по учебной, нравственной и хозяйственной частям. Во главе училища стояла начальница. На должность начальницы Ярославского епархиального училища в 1879 г. епархиальным съездом духовенства была выбрана Л. Удальцова. Педагогический состав училища составляли 13 человек. Из них трое: председатель училищного Совета и инспектор, профессор богословия Демидовского юридического лицея протоиерей А. Лавров, законоучитель Ярославской губернской гимназии священник М. Троицкий, преподаватель географии (преподающий этот предмет и в Ярославской семинарии) и преподаватель русского языка, преподаватель Ярославской семинарии закончили Московскую духовную академию. Преподавателем всеобщей гражданской истории был наставник Ярославской духовной семинарии В. Голубков, закончивший С.-Петербургскую духовную академию. Начальница

училища Л. Удальцова закончила Московский Александровский институт. Таким образом, шесть человек, что составляло 50% преподавательского состава, имели высшее духовное образование. Этот фактор свидетельствует о достаточно высоком уровне преподавания.

В числе преподавательского состава кроме учителей Ярославской духовной семинарии и гимназии были выпускницы Ярославского училища девиц духовного звания. Так, воспитательницей и наставницей по чистописанию была Е. Студитская, выпускница Ярославского училища духовного ведомства; ее помощницей была назначена М. Добротина, получившая образование в том же училище. В состав воспитательниц принимались лучшие из выпускниц училища, что, несомненно, положительно отражалось на уровне преподавания.

Большинство преподавателей училища имели опыт педагогической работы, поскольку, как правило, совмещали преподавание в Ионафановском училище с преподавательской деятельностью в других духовных учебных заведениях Ярославской губернии. С одной стороны это имело положительную сторону в том, что преподавательские кадры епархиального училища имели опыт преподавательской работы. Но, с другой стороны, совместительство обуславливало большую нагрузку наставников, что могло негативно сказываться на качестве преподавания.

Совмещение преподавательской деятельности в разных учебных заведениях было распространенным явлением. Причинами были не столько недостаток преподавательских кадров, сколько низкая оплата труда. Например, годовой оклад начальницы составлял 500 руб.; училищного законоучителя – 260 руб.; преподавателя русского языка – 300 руб. Размеры окладов могли колебаться в пределах от 500 до 80 руб. в год. Следовательно, средний уровень заработной платы в начале 1880-х гг. в епархиальном училище составлял приблизительно 290 руб. в год. В конце 1890-х гг. годовой оклад преподавателей колебался от 150 до 600 рублей.

Ректор семинарии по штату, утвержденному в 1867 г. при казенной квартире получал 1 тыс. 200 руб. в год, оклады преподавателей колебались от 120 руб. до 600 руб. в год³⁰⁶. Таким образом,

размеры заработной платы преподавателей женских духовных училищ находились примерно на уровне заработной платы преподавателей семинарий в 1860-1870-х гг. В 1880-1890-е гг. оклады преподавателей духовных семинарий несколько возросли.

Размеры окладов преподавателей семинарий зависели от выслуги лет. Один старейший преподаватель в семинарии мог получать так называемый старший оклад – 1 тыс. 500 руб. в год. Размер жалования в 1878 г. в Костромской семинарии колебался от 1 тыс. 960 руб. в год (ректор), до 441 руб. в год (начинающий преподаватель). В среднем преподаватели семинарий в 1880-е гг. получали 800 руб. в год, в то время как средний уровень заработной платы преподавателей женских епархиальных училищ составлял всего лишь 300 руб. в год. Средняя зарплата преподавателей семинарий в середине 1890-х гг. составляла примерно 914 руб. в год³⁰⁷. Средний годовой оклад преподавательского состава в женских епархиальных училищах составлял около 400 рублей. Сравнение этих данных наглядно показывает, почему преподаватели женских епархиальных училищ совмещали преподавательскую деятельность в разных учебных заведениях³⁰⁸.

Сначала епархиальные училища были трехклассными, при этом курс каждого класса был рассчитан на два года. Следовательно, набор в первый класс училища осуществлялся через два года. При такой системе далеко не все желающие могли быть зачислены в училища. Например, в 1884-1885 учебном году в Ярославское епархиальное училище было подано 95 прошений о поступлении, а принято было всего 56 девочек³⁰⁹. Для увеличения числа мест в епархиальных училищах стали открывать параллельные классы. В каждом классе должно было быть не более 45 учениц. В 1886 г. Ярославское училище было преобразовано в шестиклассное. Это позволило делать набор первоклассниц ежегодно.

В 35 училищах в 1884 г. (кроме Екатеринбургского, Псковского, Томского училищ) обучалось 8 тыс. 424 человека. В 12 училищах было 36 параллельных отделений. Самым большим было Вятское училище. В нем были параллельные отделения во всех шести классах³¹⁰. В середине 1890-х гг. параллельные классы начали открываться и в Ярославском Ионафановском училище.

В епархиальные женские училища могли поступить не только дочери священнослужителей, но и дети из других сословий. Из 8 тыс. 424 учениц епархиальных женских училищ в 1884 г., 7 тыс. 313 человек было из духовенства, 1 тыс. 111 человек – из других сословий³¹¹. Во Владимирском женском епархиальном училище в 1898 г. иносословных было 67 человек. Среди них были дочери чиновников, купцов, мещан, крестьян³¹².

В 1893 г. Ярославское епархиальное училище в честь его основателя получило название «Ионафановское». В 1898-1899 учебном году в Ярославское епархиальное училище было принято 138 девочек. При изучении прошений о поступлении в Ярославское епархиальное училище, было обнаружено, что большинство из них написаны от имени вдов священнослужителей. Следовательно, многие ученицы были из неполных семей священников. Действительно, из 138 поступающих в училище девочек, всего 7 человек (из семей крестьян было 3 человека, из семей чиновников – 1 человек, из семей мещан – 2 человека, из семей купцов – 1 человек) принадлежали к другим сословиям³¹³. Следовательно, число иносословных учениц составляло всего 5%. В Ярославском епархиальном училище учились девочки из Вологодской, Костромской и Владимирской губерний.

При училище была образована библиотека, состоявшая из двух частей – ученической и фундаментальной. Фонды библиотеки постепенно пополнялись новыми поступлениями. Если в 1881 г. книжное собрание училища насчитывало всего 269 единиц, то к началу XX в. число книг в ученической библиотеке выросло до 829 названий (1 тыс. 903 томов). Столько же названий книг (1 тыс. 7 томов) насчитывала фундаментальная библиотека. Книги, за исключением нескольких пожертвованных, приобретались за счет училища. Библиотека выписывала ряд духовных и светских периодических изданий: «Душеполезное чтение», «Семья и школа», «Приходская жизнь», весьма известный в оппозиционных правительству кругах «Мир Божий», знаменитая «Нива», «Вестник воспитания», «Народное образование», «Спутник здоровья», «Молодой курьер», местная литературная газета «Северный край». Спектр выписываемой периодики был весьма обширен и

разнообразен.

Целью образовательной деятельности женских епархиальных училищ была подготовка учительниц для начальной школы. Для практических занятий по педагогике, например, при Нижегородском и Саратовском училищах были открыты приюты для детей. В 10 училищах были созданы приготовительные классы, при 8 училищах – воскресные школы³¹⁴. При Ярославском училище была основана образцовая начальная школа, располагавшаяся в том же здании, что и училище. Наблюдение за школой было возложено на начальницу училища, инспектора классов и наставника дидактики. Финансирование школы осуществлялось училищным Советом при Св. Синоде. В школьную программу входило изучение Закона Божия, церковнославянской грамоты, русского языка, арифметики и чистописания. В школе обучались дети ярославского духовенства, купечества, чиновников, мещан и крестьян. Ученицы VI классов училища по очереди давали в школе пробные уроки. Образцовая школа при училище давали детям возможность получить бесплатное начальное образование и, в то же время, готовила воспитанниц училища к преподаванию в начальных школах епархии.

Подводя итоги по параграфу, следует отметить что, Ионафановское епархиальное женское училище продолжило традиции женского духовного образования в Ярославской губернии. В 1880-1890-е гг. именно это учебное заведение играло ведущую роль в деле женского духовного образования в Ярославской и Костромской губерниях. Благодаря существованию училища возможность получить образование имели не только дети духовенства, как в сословном училище духовного ведомства, но и выходцы из других сословий. Следовательно, созданием Ярославского Ионафановского училища были сняты сословные рамки, в которых находилось женское духовное образование.

Благодаря средствам епархиального духовенства, в училище была организована широкая система финансовой помощи малообеспеченным ученицам: частичные взносы или полностью бесплатное обучение, различные дотации и стипендии. Эти мероприятия также сказались на увеличении численности учащихся.

Таким образом, женские духовные учебные заведения в Ярославской губернии занимали значительное место в ряду других учебных заведений, так как позволяли получить среднее образование широкому кругу девушек (как дочерей духовенства так и других сословий).

Учебные программы училища были рассчитаны на приобретение профессии учительницы. Следовательно, в 1880-1890-е гг. монополия Ярославского женского училища духовного ведомства на подготовку преподавательских кадров для начальной школы и женских духовных учебных заведений в Ярославской и Костромской губерниях была нарушена возникновением Ионафановского училища.

В качестве выводов по главе, следует отметить, что политика «контрреформ» в средней духовной школе была непосредственно связана с усилением контроля в системе образования в целом. Консервативные преобразования в среднем звене светской школы в 1880-1890-е гг. состояли в расширении учебных программ по древним языкам и сокращении правого статуса преподавательского состава. Кроме этого, правительством поощрялось усиление влияния духовной школы на светскую.

В начале 1880-х гг. были предприняты меры по укреплению роли церкви в начальной школе. Приоритет церковноприходских школ объяснялся тем, что полученное в них образование, гарантировало большую благонадежность, чем в других типах народных школ. В 1880-1890-е гг. расширилась церковная печать, что входило в комплекс мер, направленных на укрепление роли церкви в борьбе за идеологическую монополию.

Поскольку светская школа была признана в период «контрреформ» менее благонадежной, то духовные учебные заведения получили значительную материальную поддержку.

В 1880-1890-е гг. рост денежных вложений в духовных учебных заведениях Ярославской и Костромской губерниях был увеличен примерно в полтора раза. Материальной помощью пользовалось около половины учащихся Ярославской и Костромской семинарий. Следовательно, значительная часть семинаристов была ма-

лообеспеченной. По сравнению с данными за 1867 г. число казеннокоштных учеников увеличилось примерно на 13%. Рост числа семинаристов, пользующихся государственным обеспечением в различных формах (полное или частичное содержание, пособия, стипендии) был обусловлен значительной финансовой поддержкой духовных учебных заведений в силу правительственной политики в 1880-1890-е гг.

Были увеличены оклады преподавателей семинарий и духовных училищ. Сравнивая размеры жалования в 1860-1870-х гг. и 1880-1890-х гг., можно отметить повышение жалования примерно на 60% (с 360 руб. до 900 руб. в год). Но, тем не менее, эту сумму (связано с инфляцией и другими причинами) нельзя назвать достаточной для обеспеченного образа жизни. Поэтому преподаватели часто совмещали преподавательскую деятельность с обязанностями других служащих или увеличивали свою часовую нагрузку. Увеличилось число семейных преподавателей (примерно на 25%). Вызвано это было некоторым омоложением преподавательского корпуса, и отчасти незначительным повышением уровня жизни учителей семинарий. Для развития средней духовной школы в период с 1884-1900 гг. было характерно перепрофилирование части преподавательского корпуса, вызванное пересмотром часовой нагрузки и планов учебных программ ряда общеобразовательных предметов.

Численность преподавательского состава в Ярославской и Костромской духовных семинариях практически не изменялась на протяжении 1860-1890-х гг. Число преподавателей семинарий в исследуемых губерниях примерно совпадало. Большинство из них имели высшее духовное образование. Преподаватели духовных семинарий Ярославской и Костромской губерний работали не только в духовных, но и в светских учебных заведениях.

Численность учащихся в семинариях Ярославской и Костромской губерний увеличилась примерно в два раза. Процессы изменения численности преподавательского состава в семинариях Ярославской и Костромской губерний были обусловлены общностью развития и территориальной близостью.

В 1880-1890-е гг. на территории Ярославской губернии появи-

лось женское епархиальное училище. Появление этого типа учебных заведений было вызвано необходимостью в распространении женского духовного образования. В отличие от женских училищ православного ведомства, епархиальные женские училища играли для общества более значительную роль, поскольку они были общесловными, и давали возможность своим выпускницам получить профессию учителя начальной школы.

Сословный состав учащихся практически оставался однородным. Увеличение численности семинаристов было обусловлено правительственными мерами, направленными на усиление контроля в сфере духовного образования. Выпускникам семинарии был затруднен доступ в светскую школу. Уменьшение доли общеобразовательных предметов в учебных программах семинарий и училищ сыграло роль в снижении интеллектуального уровня служителей церкви. Это в свою очередь снизило уровень престижа духовных учебных заведений по сравнению со светской школой.

Узкоспециальное обучение в семинариях и отсутствие связей с современными общественными структурами не способствовало прогрессивному развитию духовной школы. Усиленное изучение богословских предметов ориентировало выпускников семинарий только на один вид деятельности — служение церкви. Это во многом объяснялось общей обстановкой в стране, переходом к консервативному курсу, выразившемуся в политике контрреформ.

Несмотря на усиление роли церкви в начальной школе и увеличения финансирования духовной школы, российское духовенство находилось в конце 1890-х гг. в состоянии кризиса. Типичным для российской провинции примером развития среднего духовного образования после утверждения Устава 1884 г. являются Ярославская и Костромская семинарии. Неудовлетворительные условия жизни и казарменный характер семинарского быта в условиях начинающегося общественного движения, послужили толчком к возникновению и распространению семинарского движения.

ГЛАВА 3. СОСТОЯНИЕ СРЕДНЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ XX В.

3.1. Кризис и пути реформирования среднего духовного образования.

В первое десятилетие XX в., особенно в канун и в ходе первой русской революции 1905 г., развернулось обсуждение острых общественно-педагогических вопросов о положении учащихся и учителей, об участии родителей и всего общества в делах школы. В это время Министерством народного просвещения были приняты меры по увеличению окладов и пенсий преподавателям средней школы. В учебных округах были открыты курсы для подготовки учителей средней школы из выпускников университетов. Целью преобразования была единая, семиклассная школа. В классических гимназиях греческий язык перестал быть обязательным. К 1915 г. в среднем звене светской школы из древних языков сохранился один латинский.

Увеличилось количество средних общеобразовательных учебных заведений. Появились частные учебные заведения, в которых могли получить образование дети состоятельных родителей. Первые места по уровню грамотности занимали С.-Петербургская и Московская губернии. За ними следовали губернии со значительным промысловым населением, работающим на местных фабриках и отхожих промыслах – Ярославская, Владимирская, Костромская и др. губернии с большим процентом неземледельческого населения. Менее высокие показатели грамотности были в сельскохозяйственных губерниях.

Основная масса священнослужителей получала среднее образование в духовных семинариях. В них было шесть классов. В программу духовных семинарий входили предметы из курса классических гимназий, а также психология и краткая история философии. В некоторых семинариях преподавали еще медицину и сельское хозяйство. Основными предметами считались богословские науки. Их дополняли так называемые вспомогательные науки – общеобразовательные предметы³²⁴. Всего изучалось

около 20 предметов.

В духовные семинарии принимались дети, как священнослужителей, так и из других сословий не моложе девяти и не старше одиннадцати лет. Поступающие в семинарию должны были уметь читать на русском и славянском языках, писать, знать общеупотребительные молитвы.

Ученики содержались или своими родителями или за счет казны. Церковным содержанием пользовались сироты и дети многосемейных и бедных священников. Выпускники семинарии получали аттестат, официально равный гимназическому аттестату. В реальности духовная школа считалась менее престижной, чем светская.

В начале XX в. среднее духовное образование переживало упадок. Отсутствие элементарных начал демократии в сфере управления, недостаточное финансирование духовных учебных заведений, устаревшие учебные программы, тяжелые условия семинарского быта обусловили начало кризиса средней духовной школы еще в конце XIX века. Светская школа была практически недоступна выпускникам семинарий. Интеллектуальный уровень служителей церкви снизился в связи с уменьшением доли общеобразовательных предметов в учебных программах семинарий. Показателями начинавшегося кризиса были снижение успеваемости, ухудшение дисциплины и семинарские волнения.

В семинариях участились случаи плохого поведения на уроках, дерзости, сходки, демонстрации и т. д. Семинарские выступления начались еще до общих волнений, и постепенно приобрели массовый характер. Семинаристы составляли значительную прослойку политически неблагонадёжных российских граждан. В 1905 г. «...воспитанники семинарий не ограничивались простой забастовкой и словесными протестами, прибегали к всевозможным террористическим средствам: били стёкла, лампы, производили разгром казённого имущества, бросали камни в квартиры своих начальников, поджигали, стреляли, производили взрывы»³²⁵.

В начале XX в. (в 1902 г.) в связи с беспорядками было закрыто 23 семинарии. Выступления семинаристов были зафиксированы

в Тобольской, Тульской, Подольской и др. семинариях. Учебные занятия были прекращены в Пензенской семинарии, ученики которой на общем собрании разработали проект преобразования духовной школы.

29 декабря 1901 г. обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым было разослано циркулярное письмо ректорам духовных семинарий в котором говорилось о том, что ситуация в духовной школе является крайне беспокойной. Было зафиксировано, что в семинарской среде распространяются революционные идеи. «Эти преступные возмущения находят отклик в наиболее легкомысленной части юношества, наполняющего духовные семинарии». В письме обер-прокурора говорилось о том, что «посредством лукавых воззваний... во имя мнимой свободы... обманными приёмами революционной игры...» в семинариях образуются местные и центральные комитеты. Было выявлено, что собираются съезды учащихся для расширения сети секретной переписки между семинариями с целью организации всеобщей семинарской забастовки. Начальству семинарий предписывалось бороться с любыми проявлениями семинарского движения³²⁶.

К циркуляру прилагалась копия письма семинаристов – участников студенческого движения, в котором говорилось о необходимости коренных преобразований в духовных учебных заведениях, начиная с училищ и заканчивая академиями. В числе причин реорганизации духовной школы автором письма указывалось на бесправное положение семинаристов при поступлении в высшие учебные заведения, низкий социальный статус и плохое финансовое положение духовенства. Пунктами предполагаемой реформы были: 1) отмена экзаменов при поступлении в академии, семинарии и училища; 2) переход из класса в класс по годовым отметкам; 3) свободный доступ в высшие светские учебные заведения; 4) увеличение каникулярного времени; 5) сокращение курсов древних языков; 6) пересмотр учебников и методики преподавания; 7) «перемена безучастного отношения инспекции к интересам учащихся»; 8) улучшение материального состояния духовенства. Как видно из перечисленных требований, семинаристов волновали не только вопросы увеличения каникул, но и

актуальные для того времени проблемы. Решения требовали такие вопросы, как отсутствие доступа в высшие светские учебные заведения, устаревшие учебники и учебные программы, материальная необеспеченность духовенства.

Авторами письма предлагалось создать массовую организацию семинаристов по примеру студенческого движения. Планировалось созвать съезд представителей всех семинарий для более чёткого определения задач движения и разработать методы борьбы в форме петиций, массовых стачек и др.

Для достижения этой цели семинаристы распространяли в семинарской среде письма с требованиями реформ в духовной школе, привлекали внимание общественности при помощи средств массовой информации. Например, в газете «Рассвет» за 10 апреля 1902 г. было опубликовано письмо участвовавшего в беспорядках семинариста саратовской семинарии. Он писал, что «...семинаристы вовсе не желают суда при закрытых дверях семинарского правления... мы решились попросить только гуманных для себя реформ... Ведь положение всех семинаристов гораздо хуже положения других учащихся... заступится за нас некому. Наши отцы слишком запуганы и беззащитны, чтобы вступить за своих детей... Семинаристы вынуждены прибегать к защите печати и через неё требовать от высшей власти немедленных реформ»³²⁷. Реформа духовной школы должна была включать свободный доступ семинаристов в высшие учебные заведения, отмену вступительных и переводных экзаменов, расширение программы светских предметов: математики, иностранных языков, философии, психологии и т.д. Кроме этого выдвигалось требование разрешить чтение всех книг, дозволенных российской цензурой³²⁸.

В других письмах и петициях семинаристов, опубликованных в печати, указывалось на недостаточную свободу в организации своего досуга (не разрешалось посещать театр, устраивать литературные вечера) и не всегда корректное поведение преподавательского состава³²⁹. Анализ этих материалов, позволяет выявить недостатки учебно-воспитательного процесса в средних духовных учебных заведениях. Негативными явлениями в системе духовной школы можно назвать полицейский характер воспита-

ния, устаревшие и отстающие от современной жизни программы общеобразовательных предметов, таких как литература, философия, история и ненужная строгость бытовых условий. Эти недостатки сознавались самими семинаристами. Именно они являлись причинами недовольства, вызывшимися в семинарских волнениях, которые не обошли стороной и губернии Верхнего Поволжья.

Например, во Владимирской духовной семинарии в ноябре-декабре 1902 г. был зафиксирован факт «крупных недоразумений» между воспитанниками и администрацией семинарии, в следствии которого семинаристы отправили в Учебный комитет при Св. Синоде телеграмму с просьбой прислать ревизора. Поводом для этого послужило несколько фактов. В связи с тем, что в ноябре у двух учеников третьего класса пропали фуражки, был устроен обыск, который был воспринят семинаристами крайне негативно. Среди протестующих выделялись семинаристы Михаил Лавров, Леонид Сершевский и Николай Виноградов. За это они были уволены из семинарии с оценкой по поведению «4». 12 ноября ученики 3, 4, 5, 6-го классов собрались в зале семинарии и обратились к ректору с просьбой поставить уволенным по поведению «5», в чём им было отказано. После этого ученики мирно покинули зал³³⁰.

27 ноября произошли еще два инцидента. Ученик 3-го класса Соловьёв не сразу сдал на просмотр инспектору свою записную книжку³³¹. У семинариста 3-го класса Сергея Розова был обнаружен рукописный семинарский журнал «Пробуждение» № 3 от 24 ноября 1902 г. В нём были помещены следующие статьи: «Грустное происшествие 8 ноября 1902 года», «Жизнь в неволе и смерть в борьбе», стихотворение «Памяти Некрасова», «Злободневные вопросы», «Кавалеры семинаристы», «Переворот» (Из жизни семинариста), «Разговор двух преподавателей Владимирской семинарии», «Заметки о прогрессе этой семинарии». По почерку был найден переписчик, и, скорее всего, автор этого журнала – ученик 3-го класса Василий Никитин. Он был уволен из семинарии и вскоре после этого отправил в Учебный комитет при Св. Синоде телеграмму с просьбой прислать в семинарию ревизора для

проверки .

Слух о приезде ревизора взбудоражил семинаристов: «...готовят и подписывают доклады обо всех насилиях ректора, который игнорирует в правлении многих преподавателей...». Семинаристы писали, что «...для ректора удовольствием ставить ученикам единицы, особенно на экзаменах, что ректором развита между учениками система шпионажа...»³³².

Администрации семинарии стало известно, что ученики 3-х, 4-х, и частично 5-х классов пытались провести в одной из спален около пяти часов утра сходку. Однако, постепенно под влиянием успокоительных бесед ректора и роспуском на каникулы, все волнения прекратились, несмотря на слухи о том, что если бы быть более настойчивыми, то ректора бы сняли с занимаемой должности. Распространению слухов о том, что ректор «...задушил во Владимирской семинарии свободный юношеский протест против существующих в семинарии порядков...», возможно, способствовало влияние на семинаристов представителей студенческого движения. Однажды в семинарском дворе при попытке пройти в жилые помещения были пойманы студенты, которые не смогли ясно изложить цель своего визита³³³.

Разумеется, влияние студентов в семинарской среде было слишком мало, да и подавляющее большинство семинаристов не были склонны к масштабным волнениям и беспорядкам. По показаниям преподавателей и надзирателей «...волновалась и влияла на других небольшая партия учеников, может быть человек 20-30,... а большинство... были настроены мирно и заняты делом». Ректор отмечал, что «...весьма многие из воспитанников подписывались в докладе для ревизора под влиянием грубых угроз буйных товарищей. Были и не подписавшиеся. Есть и такие из подписавшихся, которые по успокоению умов приходили и просили прощения».

Вскоре после этого у семинаристов был изъят каталог тайной ученической библиотеки (состоящей из 250 книг). В своём донесении об этом случае ректор писал: «так как виновные изъявили готовность выдать все книги, то правление семинарии постановило их наказать лишением содержания на 4 месяца. Случай этот

никакого возбуждающего влияния на общее настроение воспитанников не имел»³³⁴.

Волнения во Владимирской семинарии в 1902 г. не имели серьёзных последствий. Они были подавлены без крупномасштабных карательных мероприятий, при помощи одних разъяснительных бесед. Но, тем не менее, недовольство семинаристами своей жизнью продолжало расти. Под влиянием революционно настроенных элементов общественности семинарское движение продолжало развиваться, и постепенно приобрело структурные очертания единой общероссийской организации. Начало этому процессу было положено в 1905 г.

С 16-го по 19-е июня 1905 г. во Владимире состоялся съезд представителей учеников 9 духовных семинарий: Астраханской, Владимирской, Вятской, Донской, Иркутской, Могилевской, Пермской, Саратовской и Тверской. На съезде обсуждались вопросы реформирования духовной школы. Участники съезда выступили за коренную реорганизацию учебно-воспитательного процесса в духовных учебных заведениях.

На основании рассмотренных съездом петиций от уполномоченных семинарий была выработана следующая резолюция: «Старый тип школы следует заменить на новый, который состоит из духовных училищ и семинарий. Этот тип школы представляет 2 отдельные части: общеобразовательную и специальную. Первая часть – 4 класса духовных училищ и первые 4 класса духовных семинарий. Вторая часть – специально богословские классы. Общеобразовательная часть должна давать знания по русскому языку и Закону Божию, взяв за основу программы гимназий. Математические науки – арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия предлагалось преподавать по программам реальных училищ. Естественные науки (география, ботаника, химия, физика, геология, зоология, анатомия, физиология, астрономия и космография) и общественные науки (истории, литературе, правоведение), логика, философия, психология, педагогика, языки (греческий язык необязателен) должны были преподаваться в объеме, необходимом для поступления в университеты. Специальная часть более целесообразно должна сгруппировать богословские

предметы, распределённые в настоящее время в 6-ти классах духовной семинарии с присоединением новых предметов». Кроме этого, предлагалась новая оценочная система – удовлетворительно и неудовлетворительно.

Затрагивался и воспитательный аспект: предлагалось включить в состав педагогического совета выборных от родителей с правом совещательного и решающего голоса в количестве, равном педагогическому персоналу. Ещё было выдвинуто требование свободного выхода из семинарских корпусов на квартиру и свободного выбора жилья. Семинаристы хотели получить возможность дополнительно зарабатывать репетиторством, пением в других хорах и т.д. Одним из требований участников семинарского съезда, было отменить обязательность посещения церковных богослужений, молитв, и ввести свободное выполнение постов. Это требование они объясняли тем, что «...принуждение в деле религии отрицательно влияет на религиозное воспитание учащихся...»³³⁵. Кроме вышеперечисленных условий, семинаристы выступали за сочетание инспекторского надзора с товарищеским судом. С инспектора снимались полицейские полномочия, ему оставлялась лишь роль воспитателя, а оценка по поведению отменялась.

Для контроля деятельности эконома предлагалось участие семинаристов в ревизионных и хозяйственных комиссиях. В программе преобразования духовной школы присутствовал пункт о свободном поступлении семинаристов, закончивших общеобразовательную часть школы нового типа в светские высшие учебные заведения. После окончания 4-х летнего курса семинарии экзамены должны были сдавать те, кто хотел бы поступить на математические факультеты университетов. В целом, предполагалось при поступлении в ВУЗы уравнивать права выпускников реальных училищ, гимназий и семинарий. В духовные академии предполагалось поступление без экзаменов.

Участники съезда выступили за неограниченный прием и бесплатное обучение в духовных училищах и семинариях выходцев из других сословий. Отменялась оплата казённых расходов по содержанию в семинарии учеников, которые по окончании курса выходили из духовного ведомства.

Обсуждению подлежали вопросы женского духовного образования. Съезд выступил за реорганизацию епархиальных женских училищ «...так как существующая образовательная программа и система воспитания не может дать учащимся девушкам гармонического развития необходимого для разумного понимания требований жизни их». Для женских училищ предполагались преобразования по образцу предлагаемых для семинарий. «Такое положение выходит из глубокого убеждения в том, что в настоящее время женщины нуждаются в таком же всестороннем образовании и хорошем воспитании, как и мужчина»³³⁷.

Для координации деятельности организации семинаристов был учрежден центральный орган управления – Центральное бюро. В его функции входило: распределение расходов по организациям в различных семинариях, участвующих в съезде. Члены центрального бюро должны были доставлять во все семинарии свои конспиративные адреса с целью привлечь учащихся их других семинарий.

Семинарии должны были присылать в бюро ежемесячные отчеты. Эти документы рассылались по всем семинариям, участвующим в общей семинарской организации. Отчеты должны были публиковаться в общесеминарском журнале, в котором планировалось открыть не только официальный отдел, но и отдел для статей по общественным и научным вопросам. Подбор материалов предполагалось осуществлять при помощи центральной редакции, подотчетной ежегодным общесеминарским съездам. В целом, журнал должен был носить либеральный характер. Для взаимодействия с Центральным бюро в семинариях путем тайного голосования должны были открываться семинарские бюро. В них могли быть избраны все участники тайной семинарской организации. Семинарские бюро должны были присылать в Центрального бюро данные о количестве учащихся, вести пропагандистскую работу и составлять ежемесячные отчеты о состоянии семинарий, уездных и женских епархиальных училищ своей епархии³⁴⁸.

Рост активности семинарского движения заставил правительство предпринять ответные действия. Учебным Комитетом при

Св. Синоде были разработаны инструкции о мерах борьбы с революционным движением и антиправительственными выступлениями учащихся духовно-учебных заведений.

Председателем Учебного Комитета протоиереем П.Д. Смирновым было разослано обращение к ректорам духовной семинарии. В письме содержалось сообщение о том, что в апреле 1903 г. стало известно о появлении «Проекта устава Киевского союза школьных кружков и организаций», составленного подпольными агитаторами от имени «Киевского среднеучебного организационного комитета». Этот проект был разослан, как образец для организации подобных союзов и кружков в других городах. Союз представлял собой сеть кружков в учебных заведениях России, которые занимались образовательной деятельностью. В сферу работы кружков входила организация чтений докладов по вопросам естествознания, социальной экономики, литературы и т. д.

Занятия кружков могли проходить по энциклопедической программе или разрабатывать изучение одной области науки. Численность одного кружка могла достигать 10 человек. Были образованы касса из членских взносов и библиотека.

О деятельности отдельных кружков составлялись отчеты старост, которые посылались в союзное собрание, а оно составляло полугодовые и годовые отчеты о деятельности всего союза. Союзное собрание было связано с Киевским среднеучебным организационным комитетом. Комитет осуществлял руководство всеми кружками, давал инструкции, а также снабжал кружки периодическими изданиями, нелегальной литературой по политическим и социально-экономическим вопросам.

В циркулярном письме Учебного Комитета деятельность кружков была оценена как преступная. Возможность их возникновения в духовных семинариях была нежелательна, и, поэтому Учебный Комитет просил усилить наблюдение за воспитанниками в этом отношении. Сбор информации о возникновении кружков был поручен инспекторам семинарий.

Был выработан комплекс мер для предупреждения семинарских волнений. Инструкции были следующими: а) тщательно, но осторожно и тактично наблюдать за поведением и настроени-

ем учащихся, б) в случае волнений закрывать отдельные классы или целые учебные заведения и учеников считать уволенными на основании указов Св. Синода от 29 декабря 1905 г. и 8 февраля 1906 года³⁴⁹.

В поле деятельности инспекторов входило отслеживать возникновение и существование тайных, нелегальных кружков, связей с оппозиционными элементами в других духовных семинариях и светских учебных заведениях. Семинарскому начальству было рекомендовано обеспечивать полноценное питание, соблюдать все гигиенические нормы в содержании помещений, следить за тактичным поведением преподавателей, беспристрастными оценками успеваемости и поведения семинаристов во избежание конфликтов, которые могли бы послужить поводом к волнениям. В случае возникновения беспорядков следовало поставить об этом в известность епархиального архиерея и председателя Учебного Комитета, провести успокоительные беседы, наказать виновных.

Определение Св. Синода, разосланное по семинариям весной 1908 г., свидетельствовало о нарастающем размахе семинарских волнений. Св. Синод в этом документе подробно анализировал возможные причины семинарских волнений. Во-первых, были выделены причины местного характера – недостатки педагогической деятельности, нерациональное или халатное ведение хозяйства, нарушение педагогической этики и т.д. Во-вторых, играли роль причины общероссийского характера, связанные с освободительным движением, с распространением литературы антирелигиозного направления. В циркуляре содержался призыв вступить в борьбу с революционными элементами, «...не боясь нарушить мнимую свободу убеждений воспитанников и прослыть реакционерами и черносотенцами в глазах воспитанников и общественности».

Учебным Комитетом было рекомендовано больше внимания обращать на организацию внеклассного чтения. Для этого предлагалось благоустроить библиотеки, ввести списки обязательно для чтения книг, организовать внеклассные мероприятия, посвященных изучению светской и духовной классики, а также чтению

рефератов преподавателей и воспитанников семинарии. Этими мерами предполагалось отвлечь учащихся от занятия революционной деятельностью.

Администрациям средних духовных учебных заведений предписывалось при решении различных споров сохранять такт, опираться в каждом отдельном случае на педагогический опыт. Епархиальные архиереи должны были более тщательно вникать в дела духовных учебных заведений своей епархии, от ревизоров требовалось более детальное проведение ревизий. Для проведения обмена мнениями служащих семинарии по педагогическим вопросам предполагалось учредить особый отдел на страницах «Церковных ведомостей».

В случае беспорядков семинарскому начальству следовало обращаться в Учебный Комитет при Св. Синоде за инструкциями. Таким образом, процесс подавления семинарских волнений был детально продуман и централизован.

Были произведены изменения в сфере управления духовными учебными заведениями. В Учебном Комитете административные вопросы были отделены от педагогических проблем. За административную часть отвечал председатель Учебного Комитета, педагогическую деятельность курировало общее собрание Учебного Комитета. Для сбора сведений обо всех лицах духовного звания был образован справочно-статистический отдел.

Очевидно, что этих мер было недостаточно, чтобы улучшить положение учащихся семинарий и училищ. Система духовного образования на рубеже веков нуждалась в коренном пересмотре как правового статуса преподавателей и учащихся, так и в улучшении материального состояния духовных учебных заведений.

В конце XIX в. в Устав 1884 г. были внесены поправки, которые заключались, главным образом, в изменении учебных программ. Для разработки новых учебников и составления программ по сокращенным и вводимым предметам при Учебном Комитете в августе 1901 г. был создан ряд комиссий. В состав этих комиссий вошли 12 преподавателей из разных семинарий и некоторые профессора С.-Петербургской духовной академии.

Деятельность этих структур была закончена в феврале 1906 г.

Результаты работы выразились, в основном, в изменении ряда семинарских программ. Были сокращены программы по «Ведению в богословие», по «Общей церковной истории», по «Истории обличения старообрядчества и сектантства». Некоторые изменения были внесены в программу «Нравственного богословия». По «Истории русской церкви» были введены новые разделы о церковно-приходской школе, о духовных периодических изданиях, о духовно-просветительных обществах и братствах. По «Истории словесности» был сокращен материал по древнерусской письменности, но расширен раздел по литературе нового и новейшего периода.

Семинарским правлениям было рекомендовано увеличить фонды ученических библиотек, не ограничиваясь книгами, разрешенными Учебным Комитетом. Поощрялось устройство читален с выпиской журналов и газет. Был разрешен прием, детей из других сословий в семинарии в объеме 10% от общей численности учащихся. Были введены переэкзаменовки для шестиклассников, неудовлетворительно сдавших выпускные экзамены. Воспитанникам семинарий разрешалось получать на руки свидетельства и аттестаты. По уважительным причинам семинаристам разрешалось говеть в течение первой недели великого поста в домах родственников и родителей. В семинариях было разрешено устраивать литературные чтения и вокально-музыкальные концерты. Кроме этого, семинаристы получили разрешение уходить из общежития после обеда до вечерних занятий.

Изменения коснулись и финансовой организации семинарий. Для наблюдения за распределением продуктов, на семинарскую кухню ежедневно назначались дежурные старшекласники. Вопросы расширения прав учащихся и ослабление зависимости учеников от семинарий могли быть решены в ходе широкомасштабного преобразования духовной школы.

Весной 1905 г. в Учебном Комитете началась обработка материалов для коренного пересмотра уставов духовных учебных заведений. Учебный Комитет использовал информацию, собранную комиссиями 1901-1905 гг., а также сообщения некоторых ректоров, инспекторов и преподавателей семинарий, смотрителей

духовных училищ. В конце 1905 г. 57 епархиальных преосвященных высказались по вопросу о реорганизации духовной школы. Мнения епархиальных архиереев, участвующих в обсуждении этих проблем, разделились. По отзывам семнадцати епархиальных архиереев реформу духовной школы следовало проводить в духе либерального Устава 1867 г. – расширить в младших классах объем общеобразовательных предметов, а специальные богословские предметы сосредоточить в программах старших классов. При этом предполагалось не отделять богословский курс от общеобразовательной школы.

Двадцать два епархиальных архиерея высказались за отделение духовной школы. Они выступали за создание новой структуры духовной школы – пастырские классы, в которые поступали после окончания сословной гимназии духовного ведомства.

Девять епархиальных архиереев предлагали разделить семинарии на сословные гимназии и в собственном смысле духовные школы с третьего класса. Мотивировалось это тем, что в сословной гимназии присутствует влияние учеников, не заинтересованных в пастырской деятельности. Это будет мешать воспитанию будущих священников. На специальное духовное образование отводилось не два, а четыре года. Предлагалось преобразовать духовные училища как шестиклассные прогимназии. Таким образом, большая часть архиерейского корпуса предложила ломку традиционного, давно сложившегося типа школы, адекватно оценивая ситуацию. Предполагалось ввести более гибкую политику при составлении учебных программ и учебников, разрешить преподавателям добавлять в программы и учебники разделы не принципиально важного характера. В 1906 г. Учебным Комитетом были разработаны «Временные правила», которые преодолели гипертрофированный классицизм, расширили преподавание общеобразовательных предметов, более рационально перегруппировали часы по специальным дисциплинам, улучшили воспитательную работу, расширили самоуправление. Несмотря на это, духовная школа нуждалась в широкомасштабной реформе.

Проект нового устава духовных семинарий предполагалось вынести на рассмотрение Поместного собора РПЦ в 1917 г. С конца

1905 – в начале 1906 г. в Св. Синоде и Учебном Комитете началась обработка отзывов епархиальных архиереев о вопросах, нуждающихся в обсуждении на заседании собора РПЦ. В марте 1906 г. было создано Предсоборное Присутствие. На его заседаниях проходило обсуждение различных аспектов церковной реформы. Вопросы преобразования духовных учебных заведений рассматривал V отдел Присутствия. Весной 1906 г. на общем заседании присутствия были установлены проблемы и вопросы по преобразованию духовных семинарий и училищ³⁵⁰.

В работе принимали участие церковные иерархи, белые священники, профессора духовных академий. При голосовании на последнем заседании сторонники кардинальной реформы, выступавшие за отделение специальной пастырской школы от общеобразовательной школы, оказались в меньшинстве. На практике необходимые преобразования в полной мере не были осуществлены. В период подготовки к собору РПЦ в 1917 г. был, наконец, разработан проект, разрешивший основные противоречия духовного образования. Была отменена преждевременная специализация, делавшая учащихся заложниками духовной школы, отделены общеобразовательные предметы от богословских. Но времени реализацию этого проекта уже не было.

В итоге параграфа следует отметить, что нарастание кризиса в среднем звене духовной школы в начале XX в. нашло отражение в выступлениях семинаристов. Они были обусловлены бесправным положением учащихся, преподавателей и духовенства в целом. Семинаристы активно выступали за либеральные преобразования духовной школы.

Новый устав духовных семинарий предполагалось вынести на обсуждение Поместного собора РПЦ 1917 г. и согласовать его положения с предполагаемой реформой светской средней и высшей школы. При подготовке устава Учебный Комитет опирался на информацию, собранную комиссиями 1901-1905 гг. В комплекс мер по улучшению состояния духовной школы предполагалось ввести более гибкую политику при составлении учебных программ и учебников. В 1906 г. были разработаны Временные правила, которые несколько улучшили положение преподавателей и

учащихся средней духовной школы.

Но, несмотря на это, система духовного образования нуждалась в более глобальной реформе. Учебные программы, система воспитания, правовой статус преподавателей и учащихся должны были быть подвергнуты пересмотру. Проект реформы духовной школы был вынесен в конце 1905 г. на обсуждение епархиальных преосвященных. Мнения архиереев, участвующих в его обсуждении, разделились. Большая часть архиерейского корпуса предложила ломку традиционного типа школы.

С конца 1905 – в начале 1906 гг. в Св. Синоде и Учебном Комитете была проведена обработка отзывов епархиальных архиереев. В начале 1906 г. началась работа Предсоборного Присутствия. На его заседаниях обсуждалось проведение церковной реформы накануне предполагавшегося созыва Поместного собора РПЦ 1917 г. Вопросы реформирования системы духовных учебных заведений рассматривал V отдел Присутствия.

В его работе принимали участие церковные иерархи, духовенство, профессора духовных академий. При голосовании на последнем заседании сторонники кардинальной реформы, выступавшие за отделение специальной пастырской школы от общеобразовательной школы, оказались в меньшинстве.

На практике необходимые преобразования в полной мере не были осуществлены. В период подготовки к собору РПЦ в 1917 г. был, наконец, разработан проект, устранивший преждевременную специализацию в духовных семинариях. Общее образование было отделено от специального богословского курса. Но времени реализовать эти проекты уже не осталось.

3. 2. Участие семинаристов в общественной жизни начала XX в.

Семинарское движение в Ярославской и Костромской губерниях в начале XX в.

В начале XX века в системе средней духовной школы не произошло существенных изменений. Епархии делились на четыре группы: 1) не имевшие духовных учебных заведений; 2) обладав-

шие только духовными училищами; 3) со среднеразвитой структурой духовной школы – семинария и 1–3 духовных училища; 4) с разветвленной сетью духовной школы – семинария и 4–7 духовных училища.

Ярославская и Костромская губернии имели достаточно развитую структуру духовного образования. В Ярославской губернии функционировала семинария и 4 духовных училища. В Костромской губернии действовали семинария и 5 училищ.

В 1906–1907 учебном году в Ярославской семинарии было шесть классов, 8 параллельных отделений, четыре из них финансировало ярославское духовенство. Всего в семинарии училось 537 человек.

В Костромской семинарии в 1900 г. обучалось 530 человек. Из них 71 человек (13,3%) были выходцами из других сословий: 2 человека – дворяне, 18 из семей чиновников, 31 человек – дети почетных граждан, 8 – купцов и мещан, 8 крестьян, 2 – фельдшеров и 2 дети нижних военных чинов. По сравнению с 1891 г., число учеников увеличилось на 55 человек (10,3%)³⁵¹. Во всех классах были параллельные отделения: в пяти старших по одному, а в младших по два.

В течение 1915–1918 гг. Костромскую семинарию закончило 1376 человек. За это время сословный состав учащихся был следующим. Дети крестьян составляли 27 человек. Это 1,96% от общего числа учащихся. Дети мещан – 4 человека и дети купцов – 1 человек, дети почетных граждан – 8 человек, чиновников – 5 человек. Все они составляли – 18 человек – 1,3%. Иными словами, процентное содержание выходцев из других сословий в Костромской семинарии в начале XX в. было очень мало, и составляло 3,26% от общего числа семинаристов. Следовательно, несмотря на законодательное подтверждение несословного характера духовной школы, фактически она, в силу своей непрестижности, по-прежнему оставалась сословной. Следует обратить внимание на то, что для крестьян, которые составляли 1,96% из 3,26%, духовные семинарии были более доступны по сравнению с гимназиями. Они позволяли получить выходцам из крестьянской среды недорогое среднее образование.

Характерно, что успеваемость учеников в начале XX в. начинает понижаться. В Кинешемском духовном училище Костромской губернии в 1900-м г. училось 128 человек. Из них всего 12 человек принадлежали к первому разряду. Это составляло всего 9,3% от общего числа учеников. Следовательно, количество отличников было очень незначительно. Во втором разряде числилось 68 человек. Это составляет 53%. Таким образом, примерно половина учащихся принадлежала к среднеуспевающим ученикам. С переэкзаменовкой после летних каникул сдали экзамены 42% учеников. Это означает, что почти половина учеников не справилась с учебной программой за год. В Макарьевском училище во всех классах к первому разряду было причислено 14 человек. Это составило 11% учащихся. Учеников второго разряда было 27 человек. (21%). Всего в училище было 127 человек. Из них 30% закончили год неудовлетворительно, т. е. с переэкзаменовкой.

В Костромской семинарии в 1917 г. первый разряд включал примерно 100 человек. Всего в семинарии училось в 1916-1917 учебном году 557 человек. Значит, в числе перворазрядников было 18% от общего числа учеников. При этом учителями признавалось, что оценки постоянно завышались. Следовательно, даже эти показатели крайне низкой успеваемости могли оказаться завышенными.

Невысокий уровень дисциплины в Ярославской семинарии был отмечен ревизорами в 1906-1907 учебном г. В младших классах дисциплина была хуже, чем в старших классах. В 1906-1907 учебном году было зафиксировано 12 тыс. 540 прогулов, из них 616 без уважительной причины. По данным ревизии 1906-1907 учебного года были зафиксированы опоздания, плохое поведение на уроках и в церкви. В общежитиях под кроватями была обнаружена масса окурков. Ученики, проживающие на квартирах, не присутствовали на общих утренней и вечерней молитвах. При входе преподавателей семинаристы не вставали. Даже церковные богослужения семинаристы посещали в разноцветных рубашках, без галстуков и манишек.

Учащиеся семинарий представляли собой не вполне интеллектуальную и воспитанную часть общества. Были случаи, когда

семинаристы находились в нетрезвом виде. Ревизорами отмечались грубость учеников, дедовщина, неудовлетворительное содержание спален и т.д. Нельзя сказать, что учащиеся семинарий отличались опрятностью и бережливостью казенного имущества. «...Новая мебель значительно попорчена ножом, карандашом. В классных комнатах на стенах встречаются разные надписи и начертания человеческих фигур. За последние годы были наблюдаемы также отдельные случаи воровства, мотовства и грубости учеников в отношении к воспитателям».

25 сентября 1900 г. ученики Костромской семинарии демонстративно выразили семинарскому начальству, а потом епархиальному архиерею Виссариону коллективное недовольство обеденным меню. В отчете ревизора был приведен состав блюд этого обеда: пирог с капустой и яйцом, щи с говядиной, жаркое из баранины, порция ситного хлеба. Ревизором также отмечалось, что такой обед обычно бывал по воскресениям и средним праздникам³⁵². Поводом для возмущения семинаристов могли послужить несвежие продукты, о качестве которых в отчете не упоминалось.

Условия жизни семинаристов представляли достаточно мрачную картину. В казенном общежитии Костромской семинарии в 1900 г. проживало 170 человек, в том числе 6 стипендиатов и 14 своекоштных учеников. В общежитии, построенном на епархиальные средства, проживало 180 человек; остальные 181 человек жили на частных квартирах. Семинарские помещения были тесными, особенно спальни двух старших классов – кровати стояли вплотную по две. В феврале 1900 г. помещения были осмотрены санитарным инспектором врачебной управы действительным статским советником М.А. Невским, который обратил внимание семинарского начальства на этот факт. Было также указано на антисанитарное состояние семинарских кухни и туалетов и неряшливую обстановку в спальнях: «...Некоторые из спальных приборов, предоставленных в пользование учеников младших классов, очень обветшали и загрязнены. В спальнях казенного и епархиального общежития нет ни шкафов, ни ящиков, поэтому там, где попало, разбросано и развешено платье и разное белье воспитанников...». Во время санитарного осмотра была обнару-

жена пыль в одеялах и подушках. Помещения плохо вентилировались, и в них было очень холодно. Все это, безусловно, придавало семинарским общежитиям казарменный вид.

Мало внимания уделялось организации досуговой деятельности учеников; на епархиальном съезде было выделено только 200 руб. на обучение учеников музыке. Для чтения учеников выписывались только две газеты: «Слово» и «Русские ведомости».

В результате ослабления дисциплины, отсутствия программы внешкольных мероприятий, не укомплектованного штата надзирателей дети нередко оказывались предоставленными сами себе. Одним из самых острых проявлений упадка дисциплины в духовных учебных заведениях Костромской губернии стал несчастный случай. В Макарьевском училище в 1900 г. во время самовольной прогулки был засыпан снегом, и задохнулся один из учеников. Ребенок погиб, самовольно покинув училище. Все, кто нес ответственность за это происшествие, были наказаны. Однако, ревизор, занимающийся расследованием этого дела, выяснил, что причина недосмотра надзирателей заключалась не столько в халатном отношении к своим обязанностям, сколько в кругло-суточной занятости воспитательного персонала училища. Переутомление и ослабление внимания надзирателей объяснялось тем, что в неделю на долю каждого из них приходилось по 145 часов дежурства по семинарии и по 168 часов ночных дежурств³⁶⁸. Недостаток персонала надзирателей объясняется крайне низкой зарплатой.

Немаловажным фактором в возникновении семинарского движения было неуважительное отношение семинаристов к своим преподавателям. Безусловно, в преподавательской среде были подвижники, которые, несмотря на материальную необеспеченность, бесправное положение, нерационально составленные учебные программы и отсутствие иногда минимальной материальной базы (по одному греческому словарю на семь человек), необходимой для преподавания учебного материала, работали и добивались успехов. Большая часть преподавателей являлась способными, знающими свое дело специалистами. Например, преподаватели Костромской семинарии Н. Н. Боженев, И. С.

Черницын, М. Ю. Юницкий обладали способностью ясно, наглядно объяснять материал, спокойно и терпеливо обращаться с учениками³⁷⁷. Подавляющее большинство преподавателей имели ученые степени. Например, в течение первого десятилетия XX в. в Костромской духовной семинарии преподавали 32 выпускника духовных академий. Из них 18 человек получили по окончании степень кандидата и 4 человека – степень магистра.

Все три помощника инспектора: И. В. Лебедев (на службе с 1881 г.), А. С. Донской (на службе с 1892 г.), А. И. Тарелкин (на службе с 1893 г.) имели академическое образование. Инспектор В. А. Покровский по замечанию ревизора Н. А. Нечаева, был способным и опытным преподавателем, но не обладал крепким здоровьем. Было отмечено, что он не всегда хорошо следит за жизнью воспитанников, и снисходителен к их проступкам. Однако, «... В сравнении с временем предыдущей ревизии, когда в семинарии в продолжение нескольких месяцев производились аресты за политическую неблагонадежность, общее настроение воспитанников, по-видимому, улучшилось...»³⁶⁹.

В то же время, некоторым преподавателям во время ревизии 1900 г. было рекомендовано вести уроки спокойнее, не раздражаться на неправильные ответы учеников, и не ставить в классных журналах множество единиц, которые могли служить плохой рекомендацией не только учащихся, но и самого учителя.

В преподавательской среде имели место случаи неуважительного отношения между преподавателями. Например, ректор Костромской семинарии с 1897 г. протоиерей В. И. Сырцов не пользовался должным уважением в педагогическом коллективе и в среде местного духовенства. Ректор В. И. Сырцов имел академическое образование, степень магистра, отличный послужной список с 1878 г., был способным и трудолюбивый преподавателем. Несмотря на магистерскую степень, ему не могли простить его крестьянское происхождение и внешность, не имеющую представительности. Инспектор В. С. Покровский не всегда был согласен с ректором. «...Не видно желательного единодушия и при обсуждении в семинарском правлении как педагогических, так и административных дел.

К сожалению, не все преподаватели духовных семинарий обладали качествами, достойными уважения. Например, смотритель Макарьевского училища Костромской губернии С. П. Чельцов обвинялся в расхищении училищной собственности. С. П. Чельцов закончил С.-Петербургской академию в 1880 г. В дальнейшем поменял не одно место работы. Был помощником смотрителя Суздальского духовного училища, потом в 1891 г. был переведен в Кременецкое училище в должности смотрителя. С 1896 г. работал в Клеванском училище. В 1907 г. был назначен смотрителем Макарьевского училища.

Отзывы о С. П. Чельцове были далеко не из лучших. Преосвященный Амвросий, возглавлявший Волынскую епархию, характеризовал его так: «... Вследствие непривлекательных сторон своего характера, смотритель С. П. Чельцов потерял всякий авторитет в училище даже среди учеников... смотритель без должного успеха преподавал свои предметы — церковный устав и катехизис. Слабые познания учеников по этим предметам были отмечены преосвященным Амвросием и членами семинарского правления, присутствовавшими на экзаменах. «Он в прежнее время выкармливал и продавал за училищный счет свиней, брал взятки продуктами, пользовался училищными припасами (хлебом и коржиками); оказывал подозрительное покровительство новому училищному подрядчику: однажды принял от него плохое мясо, которое училищный врач запретил есть. Он большой интриган и крайне неуживчив. По просьбе преподавателей и администрации С. П. Чельцов был переведен преподавателем греческого языка в Екатеринодарское духовное училище».

Из отчета ревизии Макарьевского духовного училища следует, что некоторая часть преподавателей относилась к своим обязанностям весьма халатно. «... Служащие училища при неявке на работу по болезни или по уважительной причине не уведомляют своевременно» 379. В ходе ревизии Макарьевского училища были выявлены слабые знания учеников по греческому и латинскому языкам, вражда между преподавателями, плохое состояние учебников, карт и т.д...

Таким образом, на лицо были все признаки кризиса в среднем

звене духовного образования. Это упадок дисциплины и успеваемости, неустроенность семинарского быта, плохая организация досуга учащихся. Низкая зарплата вызывала недостаток кадров, и, как следствие этого, перегруженность надзирателей и некачественную работу преподавателей. Все это обусловило плачевные, а иногда и трагические последствия в состоянии конкретных духовных учебных заведений. Причинами волнений семинаристов. Плохая дисциплина, незаинтересованность в изучении предметов и невысокая успеваемость стали привычными явлениями семинарского жизни.

В результате всех этих кризисных явлений семинаристы активно включились в общественную деятельность, иногда антиправительственного направления. Они организовывали тайные кружки и общества. В некоторых из этих объединений семинаристы были подвержены влиянию революционно настроенных элементов общества. Иногда к академическим требованиям стали присоединяться требования политического характера.

Например, по агентурным данным Ярославского жандармского управления, в Ярославской семинарии в 1900 г. был организован социал-демократический кружок из 15 воспитанников во главе с одним из преподавателей, а также об издании Ярославской организацией социал-революционеров подпольного журнала «Пробуждение», в котором сообщалось о издании первокурсниками семинарии небольшой газеты «Товарищество», содержащей перепечатки из прогрессивных газет и хронику школьной жизни.

В конце 1901 г. в Ярославской семинарии был создан организационный Комитет ярославских семинаристов. Началось расследование, в ходе которого из семинарии было исключено 33 человека. 22 июня 1902 г. в с. Моркваши Сызраньского уезда, Симбирской губернии было арестовано 6 учеников разных духовных семинарий, собравшихся в качестве представителей своих семинарий для обсуждения реформы духовной школы. В их числе были и ярославские семинаристы – Д. Крылов и Н. Черемовский (оба выходца из семей священнослужителей). При обыске у Д. Крылова были обнаружены несколько экземпляров рукописной статьи «Очерк начинающегося движения». В статье

говорилось о семинарских волнениях в других губерниях. Исходя из этого, можно сделать вывод о массовом характере волнений. Для координации действий в различных регионах страны, необходимо было объединить семинарское движение. С этой целью был образован «Временный комитет объединения организаций духовных семинарий», который весной 1901 г. издал воззвание с приглашением на съезд. Тогда на съезде были представлены только 3 семинарии. Осенью 1901 г. Временный Комитет был преобразован в «Центральный Совет семинаристов». Он призывал семинаристов к борьбе за свои права, и поднимал вопросы об изменениях в уставах духовно-учебных заведений³⁷⁰.

В 1901 г., после получения возвания от Центрального Совета семинаристов, в Ярославской семинарии образовался так называемый кружок самообразования. Была создана библиотека из нелегальной литературы. Деятельность кружка включала в себя организацию забастовок. Например, 3 ноября 1901 г. под руководством членов этого кружка в Ярославской семинарии была проведена забастовка. Впоследствии было принято решение отправить двух депутатов от Ярославской семинарии на общий съезд семинаристов. Был образован комитет, в состав которого вошли выборные от классов и некоторые члены кружка самообразования.

Началось издание нелегального агитационного журнала «Звено». Журнал способствовал (по мнению его автора) развитию самосознания и духа борьбы со своим начальством. Он служил средством пропаганды в семинарской среде. В 4 номере этого журнала были опубликованы статьи «Наши задачи» и «Наша беда» о студенческих беспорядках и волнениях рабочих. В одном из выпусков журнала была дана негативная оценка действий правительства. Журнал, таким образом, принял антиправительственное направление.

В ходе расследования, на квартире Д. Крылова и его брата, студента Юрьевского университета, была обнаружена революционная литература. При обыске были найдены социал-демократическая газета «Искра», эсеровская «Революционная Россия» (№№ 3 и 4 за 1897 год), журнал «Работник», издания

«Союза русских социал-демократов», нелегальные брошюры из рукописей 1890-х гг. П. Лаврова, издания «Союза русских социалистов-революционеров», а так же «Задачи русских социал-демократов» с предисловием П. Аксельрода, издания «Российской социал-демократической рабочей партии», «Кто чем живёт» С.С. Дикштейна и т.д. Так же было найдено воззвание Ярославского землячества в Дерпте к ярославским семинаристам. Семинарское движение ставилось в этом обращении на один уровень с общим революционным движением в России. Там же был обнаружен экземпляр «Заявления учеников Ярославской духовной семинарии в Учебный Комитет при Св. Синоде» с приложением проекта изменений в уставах духовных семинарий и училищ, воззвание «Организационного Комитета ярославских семинаристов», который призывал к борьбе, воззвание семинаристов к интеллигенции с разъяснением цели семинарского движения – борьба за реформу духовной школы и за обновление духовного сословия. Аналогичным образом было составлено воззвание к духовенству с подписью «Ваши дети».

При обыске была изъята записная книжка с революционными стихами и песнями: «Варшавянка», «Песня ненависти», копия возвания Ярославского комитета РСДРП «Ко всем ярославским рабочим» и программа группы революционеров. В ней имелась фраза «...ненавизя самодержавие...»³⁷¹.

Кроме этого было найдено шесть экземпляров «Возвания от имени Ярославского организационного комитета» и «Комитета объединения ярославских семинаристов». Эти возвания указывали на недостатки программ семинарских предметов, призывали к борьбе за улучшения в сфере духовного образования путем организации кружков, издания журналов и, как крайняя мера, организации забастовок. Еще был изъят «План борьбы семинаристами с существующими порядками». Там указывалось на недостатки семинарского воспитания: нет умственного, нравственного и физического воспитания, не дает права поступления в ВУЗы и т.д. Меры борьбы предлагались следующие: петиции, забастовки, демонстрации. В качестве примера таких мер приводятся подобные явления в разных городах: Ярославле, Архан-

гельске, Екатеринославе, Пензе. Однако, в случае неудовлетворительного действия мирной тактики — заявления начальству, петиции, предлагалось перейти к террористическим актам. Подача петиции, сопровождающихся рядом демонстративных действий, которые могли повлечь закрытие семинарии. Это «битьё, ломка, взрыв».

31 марта 1908 г. были арестованы пять учеников, участвовавшие в подготовке петиции о преобразовании духовных учебных заведений, в частности, семинарий, которую в марте 1902 г. должны были подать в Учебный Комитет при Св. Синоде 43 семинарии и академии³⁷².

Семинарское движение в Ярославской губернии можно оценивать как одно из наиболее развитых. Оно включало в себя не только подачу петиций семинарскому правлению с широко распространенными требованиями академического характера в своем регионе. Ярославские семинаристы проявляли внимание к выступлениям студенчества (не только духовного, но и учащихся светских учебных заведений). 21 февраля 1905 г. в Ярославской семинарии произошла сходка семинаристов. Её участники решили не посещать уроки в знак протеста против действий полиции по подавлению семинарского движения в других городах России — Курске, Пскове, Казани, Варшаве, Москве, С.-Петербурге. Они выдвинули свои требования: 1) возвращение к уставу 1884 г. — расширение программ общеобразовательных предметов, допуск семинаристов четвертого класса в ВУЗы; 2) отмена переходных экзаменов из духовных училищ в семинарии; 3) отмена переходных экзаменов из класса в класс в семинарии. Впоследствии, семинарское общежитие было обыскано, а 5 учеников были уволены. Несмотря на это, выступления семинаристов продолжались и в 1906 г.

Поводом для семинарских волнений на этот раз послужило столкновение семинаристов с черносотенцами, в числе которых был один из преподавателей семинарии. Надо отметить, что отношение основной массы профессорско-преподавательского состава к семинарским волнениям было пассивным. Либерально настроенные преподаватели, вероятно, были знакомы с не-

легальной литературой, но политические события ими в открытую не комментировались. Среди семинарских педагогов были и представители крайне правого направления. Например, преподаватель гомилетики иеромонах Иллиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов) являлся членом ярославского общества «Союз русского народа».

26 февраля 1906 г. в манеже во время собрания Ярославского отдела «Союза русского народа» произошла стычка членов этого общества с пришедшими туда семинаристами. Последствиями этого конфликта были взаимные обвинения обеих сторон в оскорбительных замечаниях и нанесении телесных повреждений. После этого происшествия обер-прокурору Св. Синода от ярославских семинаристов была послана телеграмма следующего содержания: «Нарушение нормального хода учёбы вследствие некорректного поведения на уроках преподавателя гомилетики иеромонаха Иллиодора; а также вследствие его возбуждающей деятельности среди членов «Союза русского народа», результатом которого явились угрозы по адресу семинаристов и сильное избивание некоторых из них со стороны членов этого союза. Это заставляет нас, воспитанников трёх старших классов Ярославской духовной семинарии просить Учебный Комитет при Св. Синоде о немедленном устранении иеромонаха Иллиодора от преподавания в семинарии». Учащиеся трех старших классов отказались посещать уроки этого преподавателя.

В защиту иеромонаха Иллиодора выступили представители Ярославского отдела «Союза русского народа». Председателем совета Ярославского отдела «Союза русского народа» действительным статским советником Кацауровым была послана в Св. Синод телеграмма о том, что воспитанники Ярославской семинарии послали телеграмму, содержание которой не соответствует действительности. Иеромонах Иллиодор, по мнению Кацаурова, не возбуждал общество, а напротив в своих проповедях призывает его к всеобъемлющей любви и умиротворению. «Лёгкое избивание» семинаристов Кацауров объяснял их крайне безнравственным поведением на улице, оскорбительными выходками против членов «Союза русского народа» и антиправительственной дея-

тельностью. «...Они прекратили занятия и требуют удаления отца Иллиодора за его самоотверженную патриотическую деятельность. Просим не допустить поругания правды.... положите предел разложению духовной школы. Нам школа, воспитывающая революционеров, не нужна. Нам нужны пастыри, а не безбожники и развратители народа».

Отец Иллиодор преподавал в семинарии сразу два предмета. Некорректное поведение иеромонаха Иллиодора с преподавателями и учениками являлось причинами его конфликтов с учениками и раньше. Семинаристы звали его «черносотенником», он их — «мужичьем» и «крючниками», кроме этого безжалостно ставил «единицы». Однажды им было выставлено 42 «единицы» в двух классах. Таким образом, «единицу» получил почти каждый второй ученик.

Деятельность Иллиодора в «Союзе русского народа» не могла нравиться семинаристам, считающими себя «передовой молодежью». К происшествию в семинарии подключилась местная газета либерального направления «Северный край». Она поддерживала в семинаристах оппозиционный дух. «Северный Край» выступал с критикой Ярославского «Союза русского народа» и его главных деятелей — доктора Кацаурова и иеромонаха Иллиодора еще до столкновения с семинаристами.

Участники этого инцидента поплатились увольнением одного ученика и выговорами всём участникам происшествия. По решению Св. Синода три старших класса были закрыты до начала 1906-1907 учебного года. Вернуться в свои классы можно было только по прошениям, которые подвергались тщательному разбору. Следовательно, многие учащиеся семинарии были частью массового общественного движения, охватившего все слои местного общества: чиновничество, дворянство, интеллигенцию³⁷³. Иногда выступления семинаристов имели политическую окраску.

В Костромской и Ярославской губерниях среди политически неблагонадежных были выходцы из среды духовенства. Например, негласный надзор был установлен за сыном священника Алексеем Алексеевичем Саниным, когда он приехал к отцу по-

гостить из Саратова. Студент Казанской духовной академии Николай Петрович Сигорский по приезде в г. Кострому также был поставлен под негласный надзор Костромского губернского жандармского управления. Ученики Костромской духовной семинарии Александр Зиновьевич Лебедев, Николай Константинович Мухин, Николай Николаевич Прозоров обвинялись в 1906 г. по 132 статье Уголовного Уложения в привлечении к антиправительственной деятельности учащихся различных учебных заведений и фабричных рабочих. После следствия они были поставлены под надзор полиции.

Семинарист Фёдор Благовещенский был арестован. При обыске у него было обнаружено оружие (револьвер и 13 патронов), более 400 листовок Костромского комитета РСДРП («Не долго торжествовать», «О забастовщиках братья-крестьяне», «Кто прав», «Капиталист на охоте») и брошюра В.И. Ленина «Две тактики социал-демократии»³⁷⁶. В августе 1906 г. в распространении брошюр и листовок антиправительственного содержания, таких, как «Долой», «Письмо русских крестьян царю Николаю П» и призывах к вооружённому восстанию, а также в участии в работе конференции Всероссийского крестьянского союза обвинялся сын священника села Архангельское Иван Михайлович Панов.

В 1909 г. в Костромской семинарии были отмечены волнения семинаристов, зафиксировано это было в телеграммах ректора Костромской семинарии протоиерея Чекана: «Настроение учеников беспокойное. Возможны беспорядки» и архиерея Костромской епархии Тихона с просьбой прислать ревизора. 3 декабря 1909 г. делегация дежурных по семинарии от всех классов, возглавляемая семинаристом Цареградским, обратилась к ректору семинарии с необычной просьбой: отменить исполнение семинаристами в предстоящее воскресенье 6 декабря на собрании местной Государственной Думы народного гимна «Боже Царя храни», объяснив это нежеланием вмешиваться в политику, и избежать пересудов и насмешек. Причина крайне неубедительная, а сама формулировка ее была достаточно дерзкой. Кроме того, она не соответствовала действительности. В результате в Костромской семинарии был усилен контроль надзирателей.

4 декабря в семинарском общежитии был произведен обыск, в ходе которого у семинаристов А. Евгенова были обнаружены нелегальная литература и взрывчатые вещества, а у С. Белокрылина «Призвание к семинаристам», в котором сообщалось о семинарских волнениях в Житомире, Пскове, Вятке, Полтаве, Томске, Могилеве, Орле, С.-Петербурге. Причинами волнений костромских семинаристов были несовершенство учебных программ, недостаточный объем общеобразовательных предметов, отсутствие доступа в светские высшие учебные заведения, неудовлетворительные условия быта семинаристов. Основной идеей «Призвания» являлся призыв к борьбе с этими явлениями.

5 декабря 1909 г. после первого урока в столовой семинарии состоялось собрание семинаристов. На нем была разработана петиция, содержащая требования учащихся. Одним из основных тезисов предполагаемой реформы духовной школы было расширить программы общеобразовательных предметов, модернизировать устаревшие учебники по истории русской литературы, всеобщей гражданской и русской истории, математике и физике. В другом пункте содержалось предложение изменить преподавательский состав, поскольку были отмечены вялость и сухость преподавания, неудовлетворительное знание предметов. Предлагалось ввести свободный доступ в университеты после 4-го класса семинарии. Таким образом, уравнивались в правах при поступлении в светские ВУЗы выпускники семинарий (после 4-го класса) и классических гимназий. Для поступающих в духовные академии предлагалось отменить вступительные экзамены. Было предложено отменить переводные экзамены и ввести дополнительные занятия с семинаристами, получившими неудовлетворительные годовые оценки. Одним из требований костромских семинаристов было соблюдение вежливого и гуманного отношения преподавателей и инспекторов к ученикам. Кроме этого, предлагалось прекратить излишний инспекторский контроль (вскрытие писем, тайные обыски и т.д.). Семинаристы хотели свободно выбирать книги в фундаментальной семинарской и частных библиотеках, а также выписывать прогрессивные издания в ученическую читальню. Одним из требований было улучшение санитарно-

бытовые условия жизни семинаристов.

Занятия в семинарии должны были прекратиться до тех пор, пока эти требования не будут выполнены. Петиция была подана ректору, который безуспешно пытался уговорами вернуть семинаристов в классы. Уроки были сорваны, поскольку всего в классах присутствовало 22 человека, в то время как в забастовке участвовали учащиеся с 1 по 5 классы, за исключением выпускников. Нормализовать обстановку при помощи уговоров епархиального архиерея и губернатора не удалось, занятия были прекращены, а семинаристы распущены по домам. Было осуществлено несколько арестов по подозрению в подстрекательстве к забастовке, и выявлено, что активное участие в подготовке этой акции принимал один из преподавателей семинарии, но его личность не была установлена. Семинария была закрыта, а ученики, исключая единичные случаи пьянства, спокойно разъехались по домам.

Карательные меры выразились, в основном, в увольнении семинаристов, 20 человек было уволено без права восстановления, и без оценки по поведению, что закрывало доступ и в другие семинарии. По разным данным уволено и принято обратно по прошениям 164 человека; 40 человекам в просьбе принять назад было отказано; по другим данным прошений о приеме обратно было 140, а отказано в приеме назад – 19 человекам; есть данные, что число уволенных составило 285 человек, а принятых обратно – 123 человека. Но, так или иначе, очевидно, что семинаристов, участвовавших в забастовке, было подавляющее большинство. После увольнений и приезда ревизора, члена Учебного Комитета, действительного статского советника И. П. Остроумова к 13 января 1910 г. нормальный ход учебных занятий был полностью восстановлен.

Эти волнения в Костромской семинарии были освещены в прессе. Так, например, сообщения о требованиях, выдвинутых семинаристами Костромской семинарии, появились в С. – Петербургских газетах «Новая Заря» и «Речь». В этих же газетах сообщалось о волнениях в Пермской и Владимирской семинариях. В московских газетах «Русское слово» (там же о выступлениях семинаристов в Владимире, Твери и Полтаве – на занятиях при-

существовало около трети всего числа учащихся) и «Утро России», в которой сообщалось, что семинаристы обратились к депутату от Костромской губернии, члену Государственной Думы В. С. Соколову с просьбой поддержать их требования, изложенные в петиции, и обратить на них внимание Государственной Думы.

Выступления учащихся духовных учебных заведениях в Ярославской и Костромской губерниях не были единичным явлением. В других губерниях имелись случаи неповиновения семинарскому начальству, которые могли перерасти в массовые выступления семинаристов. Например, во Владимирской семинарии, как и в других семинариях, выступления семинаристов начинались с каких-нибудь незначительных бытовых конфликтов, происходили сходки семинаристов, которые отказывались продолжать занятия, писали петиции с требованиями улучшить учебные программы и быт семинаристов. Ученики Владимирской семинарии издавали журналы «Молодые силы» и «Маяк». Оба журнала издавались с января 1906 г. Было выпущено 7 номеров журнала «Молодые силы» и 3 номера «Маяка».

Издателем первого журнала был ученик третьего класса Карпинский (псевдонимы «редактор Пахарев» и «Издатель Соснин»), автор второго остался неизвестен. В среде учащихся циркулировали нелегальные издания антиправительственного направления, которые привозил из Москвы Карпинский. Эти журналы и брошюры продавались, а вырученные за них деньги отправлялись в «Центральный семинарский Комитет»³⁸⁶.

Под воздействием забастовок и выступлений семинаристов был сломлен режим внутрисеминарской жизни, и одновременно была усилена разъяснительная и воспитательная работа. За первое десятилетие XX в. жизнь семинарий Ярославской и Костромской губерний стала более насыщенной. Но усилия и успехи педагогических коллективов отдельных семинарий были не в состоянии нормализовать обстановку в целом. Духовную школу продолжало лихорадить, чему способствовала и общая политическая обстановка в стране.

Причины семинарских волнений имели, в основном, бытовой характер. Иногда выступления семинаристов имели слабо выра-

женную политическую окраску. В основном же они были спровоцированы общей социальной напряженностью на местном уровне и в целом по России и выдвигали академические требования. В Ярославской и Костромской семинариях были созданы семинарские организации, связанные с духовными учебными заведениями других губерний. Семинарские выступления в Ярославской и Костромской губерниях являлись частью общероссийского семинарского движения.

В 1906 г. проходили заседания Предсоборного Присутствия, V отдел которого обсуждал вопрос о преобразовании духовных учебных заведений. В дальнейшем, возможно, духовная школа преодолела кризис, но октябрьская революция и последующие события не предоставили возможности осуществить задуманные преобразования.

В одном из последних КЕВ за 1917г. говорилось о том, что революционная волна превратилась в бурный поток, захлестнув веру и церковь. Эта волна выбросит за борт общественной и государственной жизни, духовную школу, как вредный элемент, засоряющий сознание народа.

В конце 1917 г. Костромская семинария была закрыта «...из-за дороговизны и различных затруднений пополнения продовольственных товаров». Семинаристам предлагалось приезжать в семинарию сдавать экзамены по предметам, которые они должны будут осваивать дома. Вскоре духовные семинарии были закрыты советской властью.

В заключении стоит отметить, что в начале XX в. в развитии средних духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний намечается некоторый спад. Характерными проявлениями нестабильности было снижение успеваемости учеников и значительное падение дисциплины. Причинами волнений семинаристов были неудовлетворительные условия жизни, плохое материальное положение семинаристов, некачественная работа преподавательских кадров, плохая организация досуга учащихся.

В силу вышеуказанных причин семинаристы активно включились в общественную деятельность, которая иногда приобретала

антиправительственное направление. Некоторые из объединенных семинаристов были подвержены влиянию революционно настроенных элементов общества. Поэтому иногда к академическим требованиям присоединялись требования политического характера.

Семинарское движение в Ярославской и Костромской губерний проходило в достаточно активной форме. В конце 1901 г. в Ярославской семинарии был создан организационный Комитет ярославских семинаристов, деятельность которого предполагала координацию действий разрозненных выступлений семинаристов. Движение семинаристов включало в себя не только подачу петиций семинарскому правлению с широко распространенными требованиями академического характера. Ярославские семинаристы проявляли внимание к выступлениям студенчества. Семинаристы участвовали в событиях первой российской революции 1905-1907 гг. В 1905 г. ярославские семинаристы решили не посещать уроки в знак протеста против действий полиции по подавлению семинарского движения в других городах России — Курске, Пскове, Казани, Варшаве, Москве, С.-Петербурге. Волнения семинаристов проходили практически во всех губерниях Верхнего Поволжья, чему способствовала общая политическая обстановка в стране.

В большинстве случаев требования семинаристов имели академический характер. Выступления семинаристов Ярославской и Костромской губерний, как правило, заключались в требованиях улучшения условий обучения и быта. Они поддерживали учащихся других семинарий в требованиях расширения учебных программ за счет общеобразовательных предметов, отделение общеобразовательных от богословских предметов, получения доступа в университеты, расширения власти институтов самоуправления. Кроме этого, учащиеся Ярославской и Костромской духовных семинарий требовали предоставления возможности участвовать в культурной жизни страны наряду с воспитанниками светской школы. Состояние Ярославской и Костромской семинарий наглядно показывает необходимость кардинальных перемен в средней духовной школы в начале XX в.

3.3. Женские духовные учебные заведения в Костромской и Ярославской губерниях в начале XX в.

Женское духовное образование в период общественного движения и активного обсуждения проблем духовной школы оставалось нейтральной, аполитичной структурой системы духовного образования. Воспитанницы женских духовных учебных заведений не принимали никакого участия в семинарских волнениях начала XX в. В то же время, семинаристы, участвовавшие в разработке проектов по улучшению состояния духовного образования, обсуждали вопросы женского духовного образования. Съезд семинаристов, состоявшийся в 1905 г. в Владимире, в числе других преобразований духовной школы, выступил за реорганизацию епархиальных женских училищ «...так как существующая образовательная программа и система воспитания не может дать учащимся девушкам гармонического развития необходимого для разумного понимания требований жизни их». Женские училища предполагались преобразовать по предлагаемому образцу изменений семинарских программ, которое заключалось в увеличении объема общеобразовательных предметов. «Такое положение выходит из глубокого убеждения в том, что в настоящее время женщины нуждаются в таком же всестороннем образовании и хорошем воспитании, как и мужчина».

В начале XX в. женское духовное образование было представлено двумя типами учебных заведений – училищами духовного ведомства, и епархиальными женскими училищами. Училища духовного ведомства были немногочисленны, имели сословный характер, их финансирование было весьма ограниченным, поскольку осуществлялось из средств казны. Епархиальных женских училищ было больше, содержались они за счет епархиального духовенства и учиться в них могли не только дети духовенства, но и выходцы из других сословий.

В конце XIX в. в России было открыто 38 епархиальных женских училищ³⁸⁷. В Ярославской губернии такое училище было открыто одним из первых.

Учреждение епархиального женского училища в Костроме за-

думывалось давно, однако, не осуществлялось из-за отсутствия денежных средств. В конце XIX в. на епархиальных съездах неоднократно обсуждался вопрос о постройке здания для женского епархиального училища. В 1898 г. для накопления средств для училища была учреждена стипендия по поводу пятидесятилетнего юбилея службы епархиального архиерея Виссариона — 100 000 руб.

На съезде духовенства в 1899 г. было решено выделить средства на постройку каменного корпуса с помещениями для 6 классов с параллельными отделениями и общежития на 300 человек. Общее число учащихся должно было составлять 600 воспитанниц. Однако, поскольку на постройку такого масштаба требовалось 500000 руб., а собрано было 100000 руб., то съезд духовенства в 1900 г. решил осуществить постройку временного деревянного здания, рассчитанного на 250-300 воспитанниц (с интернатом на 50 человек). Были приобретены участки земли: один вместе с домом, двумя флигелями и служебными постройками куплен в 1899 г. за 30000 руб., на другом, купленном за 20000 руб., предполагалось построить двухэтажное здание с помещениями для классов, библиотеки и физического кабинета. Строительные работы были начаты зимой 1901 г. Поскольку училище должно было открыться в 1901-1902 учебном г., для координации всех действий по строительству, набору будущих учениц и организации учебно-воспитательного процесса был учрежден временный Совет училища.

Училище было открыто 7 июня 1901 г. при поддержке Костромского епископа Виссариона. Источники для содержания епархиальных училищ были следующие: 1) обязательный ежегодный взнос с церковей и причтов епархии; 2) пособия из епархиального попечительства о бедных духовного звания; 3) взносы родителей за содержание и обучение воспитанниц; 4) проценты по билетам училищного капитала; 5) арендные суммы за квартиры в училищных домах; 6) пожертвования от благотворителей; 7) перечисления из отдела на приданое сиротам-воспитанницам.

Источниками содержания Костромского училища были: ежегодные субсидии от епархиального свечного завода, сборы с церковей и духовенства, девять стипендий попечительства о бедных ду-

ховного звания, которые отчисляются от других женских училищ, в которых учились дочери духовенства Костромской епархии, синодальные средства, различные пожертвования (в суммах от 10 до 100 руб.), проценты с училищного капитала и ценных бумаг, а так же оплата, вносимая за содержание учениц и обучение инословных³⁸⁸.

Базовый бюджет епархиальных училищ составлял внушительную сумму. В 1902-м г. сумма средств на содержание Ярославского училища достигала 56 тыс. руб. Капитал Костромского училища в 1906 г. составлял 70400 рублей. В 1916 г. капитал Костромского училища складывался из сумм, перечисленных от Костромского епархиального свечного завода – 37200 руб. 83 коп., от епархиального попечительства о бедных духовного звания – 359 руб., взносы за содержание в интернате пансионеров и полупансионеров – 27035 руб. 13 коп., взносы за обучение инословных учениц – 1496 руб. 50 коп. Кроме этого, проценты с капитала училища, взносы духовенства, пожертвования составили 13137 руб. Общая сумма достигала примерно 79049 руб. Это были солидные средства. Например, на финансирование Ярославского женского училища духовного ведомства в 1880-1890-е гг. было отпущено 30576 руб. в год. Такая разница (почти в 4 раза больше) объясняется численностью учащихся и характером источников обеспечения. Государственное финансирование женских училищ духовного ведомства было ограничено соответственно штатной сумме, а епархиальные училища финансировались епархиальным духовенством, которое само решало сколько средств было необходимо для содержания училища, где учились их дети.

Большинство учениц оплачивали свое обучение в Ярославском и Костромском епархиальных училищах в размере установленного годового взноса – 120 руб. Дети из других сословий и из семей духовенства других епархий учились за увеличенную плату в размере 130 до 200 руб. в год. Приходящие ученицы из духовного сословия учились бесплатно, а ученицы из других сословий платили за обучение 40 руб. в год. Девочки из малообеспеченных, многодетных или неполных семей, отличавшиеся успехами в учебе, независимо от сословий принадлежности могли быть частично или полно-

стью освобождены от оплаты. Например, взносы за содержание учениц в Костромском епархиальном женском училище могли колебаться от 70 руб. до 30 руб. в год. Лучшие ученицы награждались назначением стипендии, размеры которой могли полностью покрыть расходы на содержание в училище и обучение.

Преподавательские оклады были несколько ниже, чем у преподавателей семинарий. На рубеже веков годовой оклад преподавателей колебался примерно от 150 до 600 руб. в год, причем наивысший оклад был у начальницы училища. Средняя месячная зарплата составляла примерно 50 руб., в то время, как заработная плата преподавателей семинарий составляла примерно 75-80 руб. в месяц. Например, в 1911 г. жалование преподавательского состава в Костромском училище колебалось в размере 66 руб. у начальницы, до 55 — 20 руб. месяц у воспитательницы. Жалование преподавательницы русского языка составляло 282 руб. в год. Значит, в месяц она получала примерно 23 руб. 50 коп.

Программа епархиальных женских училищ в основном соответствовала уровню женских гимназий. В начале XX в. происходит усложнение учебных программ епархиальных женских училищ, причем основной целью образования становится подготовка к профессии учительницы. В 1905 г. в Учебном комитете при Св. Синоде было принято решение о преобразовании епархиальных женских училищ. Это было вызвано необходимостью расширения учебных программ. Одной из причин этого расширения послужило введение в 1901 г. нового Устава женских училищ духовного ведомства. По этому Уставу были расширены учебные программы училищ духовного ведомства по сравнению с епархиальными училищами.

К обязательным шести классам были добавлены два дополнительных педагогических класса с двумя отдельными: физико-математическое и словесно-историческое. Дополнительные педагогические классы были созданы согласно указу Учебного Комитета при Св. Синоде от 1 октября 1907 года³⁹⁰.

Седьмой педагогический класс был организован в Костромском епархиальном училище в 1906-1907 учебном году. Обучение в этом классе делилось на два годичных курса. В учебный план первого

года седьмого педагогического класса входили такие предметы как православное богословие, гигиена, педагогическая психология, история русской литературы, гражданская история, математика, физика, естествознание, кройка и шитьё, а также методики преподавания русского языка, арифметики и пения³⁹².

Почасовая нагрузка распределения часов за неделю представлена в следующей таблице.

Предметы	Количество часов в неделю
Православное богословие	3
Гигиена	2
Педагогическая психология	3
История русской литературы	2
Гражданская история	2
Математика	2
Физика	2
Естествознание	3
Кройка и шитьё	2
Методика преподавания русского языка	1
Методика преподавания арифметики	1
Методика преподавания пения	2

Табл. сост. по: Отчёт о состоянии Костромского епархиального женского училища за 1914-1915 учебный год.

При составлении учебного плана советом училища предполагалось решение следующей задачи: при общем образовании дать ученицам теоретическую и практическую подготовку к педагогической деятельности в начальной школе. К осуществлению намеченной цели ученицы шли путём изучения общеобразовательных предметов и более серьёзной, сравнительно с шестым классом, разработки дидактических приёмов на уроках методики. Собственно педагогическая подготовка носила практический характер.

Практическая работа по подготовке учениц к профессии учи-

тельницы была связана с их деятельностью в начальных образцовых школах, открытых при училищах. Наблюдение за школой осуществлялось начальницей училища, инспектором классов и наставником дидактики. Финансирование школы осуществлялось училищным Советом при Св. Синоде. В школьную программу входило изучение Закона Божия, церковнославянской грамоты, русского языка, арифметики и чистописания. В школе обучались дети ярославского духовенства, купечества, чиновников, мещан и крестьян. Ученицы VI классов училища по очереди давали в школе пробные уроки. Образцовая школа при училище давала детям возможность получить бесплатное начальное образование и, в то же время, готовила воспитанниц училища к преподаванию в начальных школах епархии. Образцовая школа при Костромском епархиальном училище была открыта 12 января 1906 г.

Каждый день дежурными при образцовой школе при училище назначались две ученицы. Одна из них — дежурная помощница, занималась самостоятельно в отдельном помещении с первым отделением образцовой школы. Материал для занятий рекомендовался учительницей образцовой школы. Другая ученица присутствовала на всех уроках, и вела запись содержания урока. Эти конспекты уроков рассматривались через неделю преподавательницей дидактики. Оценка за конспекты учитывалась при выставлении оценок за четверть. Кроме двух упомянутых учениц седьмого класса тремя практикантками давались уроки по русскому и славянскому языкам и арифметике. Для подготовки к урокам давалось 3 дня. В дальнейшем конспекты этих уроков оценивались преподавательницей дидактики. На уроках практиканток присутствовали преподавательница дидактики, воспитательницы и ученицы седьмого класса. Одна из присутствующих учениц назначалась ответственным критиком. Некоторые ученицы давали уроки по Закону Божию и пению, которые оценивались законоучителем и учителем пения. Кроме учениц седьмого класса образцовая школа посещалась учащимися шестого класса. Ежедневно по образцовой школе назначались две дежурные ученицы, которые наблюдали за порядком и дисциплиной в школе, и помогали учительнице с проверкой тетрадей. Весь шестой класс посещал

образцовую начальную школу 2 раза в неделю. Каждая ученица вела запись содержания урока.

Система теоретических занятий в первом курсе седьмого класса была урочная. Второй курс седьмого класса был разделён на два отделения. Практические занятия учениц восьмого класса выражались в том, что они в течение первого полугодия второго курса седьмого класса (восьмого класса) посещали уроки русского языка, арифметики, географии и истории в первых трёх классах училища. Во втором полугодии они давали в этих классах пробные уроки по этим предметам. На этих уроках присутствовали преподаватели и все ученицы восьмого класса. Все пробные уроки подвергались тщательному разбору. Воспитанницы, закончившие училище, получали аттестат и право на звание домашних учительниц.

На последнем (восьмом) курсе вводилась специализация. Ученицы могли по выбору изучать предметы на физико-математическом или историко-литературном отделениях. Общими предметами для двух отделений были Закон Божий, логика, история педагогики, история церковного пения. Кроме усиленного изучения предметов математического или гуманитарного направления, в программы отделений входило выполнение специальных тематических заданий (рефератов). Для историко-литературного отделения использовались, например по литературе такие темы, как: «Л.Н. Толстой как художник (по роману «Война и Мир»)», «Мирозозерцание Ф.М. Достоевского по его романам «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы»», «Положение женщины в купеческой и чиновничьей среде по произведениям А.Н. Островского». Среди тем для рефератов по истории были «Положение сословий во Франции в конце XVIII в.», «Экономические причины Великой французской революции». Таким образом, мы видим, что спектр тематики был достаточно широк, что обеспечивало высокий уровень образования выпускниц. Кроме того, характер тематики рефератов отличался нетрадиционным для консервативного духовного образования изучением социальных аспектов истории. Например, изучая причины Великой французской революции вскоре после русской революции 1905 г. могло вызвать проведение

параллелей с современностью. Очевидно, на появление подобных тем в курсе духовного женского училища сказалось влияние времени, социальная напряженность начала XX в. Причиной введения социальной тематики в курс епархиальных женских училищ могли стать меры контрпропаганды правительства и Св. Синода в борьбе с революционными идеями начала XX в.

Преподавательский состав и Ярославского и Костромского епархиальных училищ формировался, в основном, из преподавателей духовных семинарий и светских средних учебных заведений. Штат воспитательниц и помощниц воспитательниц состоял из выпускниц епархиальных училищ Ярославской и Костромской губерний и Ярославского училища девиц духовного звания. Например, Мария Алексеевна Троицкая закончила Ярославское епархиальное Ионафановское женское училище с золотой медалью. Закончив 8 педагогический класс, начала преподавательскую деятельность в земском Мологском училище в качестве преподавателя русского языка, потом стала преподавать русский язык в Ярославском епархиальном училище⁴⁰⁴.

К недостаткам учебного процесса в училищах относилось дробление учебных предметов между несколькими преподавателями из-за неукомплектованности штата преподавателей. Например, преподавание Закона Божьего распределялось между тремя лицами: инспектором классов священником П.И. Алмазовым, кандидатом богословия И.В. Спасским и студентом Костромской семинарии И.П. Лебедев. Воспитательную работу в училище проводили 11 воспитательниц и начальница училища, которая выполняла обязанности воспитательницы VII класса.

Одним из условий улучшения учебного процесса в епархиальных женских училищах являлось создание постоянного штата епархиальных училищ. Значительные неудобства в работе училища создавались в том случае, когда преподавательский состав училища состоял из преподавателей других учебных заведений. Например, надворный советник Парийский Н.В. совмещал с преподавательской деятельностью в училище преподавание в Ярославской семинарии. Св. Синод указом от 28 декабря предложил епархиальным архиереям и училищным советам обсудить и сделать по

этому вопросу свои предложения к 1 марту 1906 г.⁴⁰⁵

В епархиальных женских училищах было шесть классов с годичным курсом в каждом. Число учениц в классах не могло превышать 45 человек. Для того, чтобы поступить в училище могли все желающие, не переполняя штатные классы, в епархиальных училищах (в том числе в Ярославском и в Костромском) стали открывать параллельные отделения.

Численность учениц в епархиальных женских училищах постепенно увеличивалась. Например, во Владимирском женском епархиальном училище в 1898 г. начитывалось 553 учениц, а в 1910-1911 учебном году – 647 человек. В 1906-1907 учебном году в Костромском училище обучалось 510 человек. В первых 5-ти классах было по одному параллельному отделению. В 1910-1911 учебном году число учениц достигало 592 человек. В Ярославском училище в 1910-1911 г. было 316 человек.

В епархиальные женские училища могли поступить не только дочери священнослужителей, но и дети из других сословий. Из 8424 учениц епархиальных женских училищ в 1884 г., 7313 человек было из духовенства, 1111 человек – из других сословий⁴⁰⁶.

В Владимирском женском епархиальном училище в 1898 г. иносословных было 67 человек, из них: дочери чиновников, купцов, мещан, крестьян. В ярославском училище число иносословных учениц составляло всего 5%. В начале XX в. вышло постановление Св. Синода о ограничении количества иносословных в женских епархиальных училищах в рамках 10% от общего числа учащихся. Например, в 1910-1911 учебном году в Владимирском женском епархиальном училище училось 647 человек; из них духовного звания было 580, из других сословий было 67 человек (10%). Для епархиальных училищ Ярославской и Костромской губерний это ограничение не имело особого значения. В Костромском училище училось 592 девочки: 582 воспитанниц – духовного звания и 10 человек из других сословий (примерно 2% от общего числа). В Ярославском училище было 316 человек. Все девочки были из семей священнослужителей.

Условия жизни учащихся епархиальных училищ были похожи на семинарские. Распорядок дня в училищах был примерно та-

кой: подъём в 6.45., в 7.30. молитва и завтрак. В 8.20. – утренняя молитва в церкви. С 8.45. до 14.00. проходили уроки. Между первым, вторым и третьим уроками перерывы были по 10 минут, после третьего урока была большая перемена 30 минут. В 14.30 обед. После обеда свободное время: прогулки, музыкальные занятия, внеклассное чтение, игры и т.д. С 17.30. до 20.30 отводилось время для вечерних занятий. В 20.30. был ужин и вечерняя молитва.

Ученицы жили в общежитие и на квартирах. Во временном общежитии Костромского училища в 1906-1907 гг. проживало 63 человека, остальные 447 человек вне училища. Из них 97 проживали у родителей, 350 на 103 наёмных квартирах. В одной такой квартире могло проживать от 1 до 16 человек. В Владимирском женском епархиальном училище в 1898 г. из 553 учениц в общежитии жило 198 человек, 155 – приходящие⁴⁰⁷.

Воспитательницы посещали квартиры с учащимися 2-4 раза в месяц. Для обучения учениц ведению домашнего хозяйства ежедневно из пансионерок шестого и седьмого классов назначались две дежурные на кухню, где они занимались развеской, распределением порций и приготовлением некоторых блюд. Были также дежурства по классу, спальне, гардеробу и по заведованию бельём. Ученицы старших классов принимали участие в глажении белья. При училищной больнице тоже было организовано дежурство. Воспитанницы восьмого класса помогали измерять температуру и развешивать порошки. Обучение рукоделию проходило по особо выработанной программе. Работы учениц рассматривали специальная комиссия, которая состояла из начальницы и 2 учительниц рукоделия. Ученицы могли изучать по желанию французский язык.

Дисциплинарные взыскания выражались, как правило, в беседах начальницы с ученицами или понижении балла за поведение до 4. Такие меры взыскания могли быть применены за неподчинение требованиям школы или за несвоевременную явку после каникул.

Для физического развития воспитанниц на территории училища были расположены:

снежная гора, ледяной каток, крокет, площадки для игры в го-

родки, мяч, теннис. Иногда для учащихся проводились экскурсии, посещались музеи.

По воскресениям и праздникам в Костромском училище проводились разные мероприятия, например литературно-научные чтения. Тематика их была достаточно широка.

В 1914–1915 учебном году были проведены чтения по темам: «Индия», «Тигр», «Былины», «Майская ночь», «Патриотизм и христианство», «Кавказ и Крым», «Каменный уголь», «Влияние алкоголя и никотина на организм».

В силу задач по подготовке кадров для начальной школы и своей образовательной деятельности, при епархиальных училищах открывались образцовые и воскресные школы, приготовительные классы, приюты. В частности, при Нижегородском и Саратовском училищах были открыты приюты для детей, в 10 училищах приготовительные классы, при 8 училищах – воскресные школы⁴⁰⁹. При Ярославском и Костромском епархиальных училищах были открыты образцовые школы.

Начало Первой мировой войны оказало сильнейшее влияние на всё русское общество, не оставив в стороне и духовно-учебные заведения. Посильную помощь фронту оказывали ученицы женских духовных училищ. Ученицами Костромского епархиального училища в 1915 г. в лазарет было отправлено 50 пар белья, 300 полотенец, чай, сахар, около 16 кг. белого хлеба, 4 кг табака, а также книги, письменные принадлежности и т. д.⁴¹⁰

В итоге следует отметить, что возникновение женских епархиальных училищ было вызвано необходимостью в распространении женского духовного образования. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. с особой остротой встал вопрос об увеличении числа, расширении учебных программ женских духовных училищ. Появился новый тип женских духовных учебных заведений – епархиальные училища. Эти учебные заведения функционировали за счет средств епархиального духовенства.

Программа епархиальных училищ в основном соответствовала уровню женских гимназий. В начале XX в. кроме обязательных шести классов были разработаны программы двух дополнительных педагогических классов с двумя отдельными:

физико-математическое и словесно-историческое. Дополнительные педагогические классы были созданы согласно указу Учебного Комитета при Св. Синоде от 1 октября 1907 г. Практическая работа по подготовке учениц к профессии учительницы была связана с их деятельностью в начальных образцовых школах, открытых при училищах. Одним из недостатков учебного процесса в епархиальных училищах Ярославской и Костромской губерний было отсутствие постоянного штата преподавателей. Не смотря на это, численность учениц в епархиальных женских училищах постепенно увеличивалась.

В отличие от женских училищ православного ведомства, епархиальные женские училища играли для общества более значительную роль, поскольку они были общесословными, и давали возможность своим выпускницам получить профессию учителя начальной школы. Несмотря на то, что в 1901 г. был введен новый Устав женских училищ духовного ведомства по которому были расширены учебные программы училищ духовного ведомства по сравнению с епархиальными училищами. Несмотря на преобразования в учебных программах и изменениях задач обучения женские училища духовного ведомства из-за малочисленности занимали незначительную часть в системе женского духовного образования.

Выпускницы епархиальных училищ могли стать преподавателями и в среднем звене женского духовного образования, наряду с выпускниками мужских духовно-учебных заведений. Таким образом, женские духовные учебные заведения в Ярославской и Костромской губерниях занимали значительное место в ряду других учебных заведений, так как позволяли получить среднее образование широкому кругу девушек (как дочерей духовенства так и других сословий) и готовили преподавательские кадры для начальной школы и женских духовно-учебных заведений.

Подводя итоги, следует отметить, что в начале XX в. среднее духовное образование уступало среднему звену светской школы и находилось в состоянии кризиса по ряду причин: 1) не обновляются устаревшие учебные программы; 2) объем общеобразовательных

предметов меньше, чем в светских учебных. Это негативно сказывается на интеллектуальном уровне выпускников семинарий и снижает престиж средней духовной школы; 3) управление духовными семинариями лишено демократических начал в то время, когда происходят демократические преобразования во всех структурах российского общества; 4) казарменный тип воспитания и тяжелые условия жизни семинаристов. Показателями кризисной ситуации в средней духовной школе являются снижение успеваемости (по данным Ярославской и Костромской семинарий примерно 40% от числа всех учащихся не справлялись с учебной программой), снижение уровня дисциплины, распространение семинарских волнений, появление нелегальных кружков в среде семинаристов и общероссийской семинарской организации, разрабатывающей проекты реформирования средней духовной школы. Все эти факторы свидетельствуют о том, что средняя духовная школа в начале XX в. нуждалась в глобальных переменах.

Преодоление кризиса средней духовной школы должен был обеспечить новый устав духовных семинарий. Проект этого устава предполагалось вынести на обсуждение Поместного собора РПЦ. Он должен был расширить преподавание общеобразовательных предметов, отделить часы по общеобразовательным предметам от специальных дисциплин, улучшить воспитательную работу, расширить самоуправление. Все эти вопросы реформирования системы духовных учебных заведений обсуждались V отделом Предсоборного Присутствия в состав которого входили преподаватели духовных академий и духовенство. Реализовать этот проект на практике так и не удалось.

Отсутствие элементарных начал демократии в сфере управления, недостаточное финансирование духовных учебных заведений, казарменный быт семинаристов обусловили и начала кризиса средней духовной школы еще в конце XIX в., показателями которого были снижение успеваемости, ухудшение дисциплины и семинарские волнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу XX в. в России сложилась единая система духовного образования. Процесс развития духовной школы во второй половине XIX в. начале XX в. вполне определенно распадается на три периода, характеризующиеся разной политикой правительства в сфере образования: 1) 1860-1870-е гг., 2) 1880-1890-е гг., 3) 1900-1917 гг.

Своеобразными вехами в развитии средней духовной школы являются уставы духовных семинарий. В 1860-1870-е гг. строжайший контроль центральных органов сменяется более демократичным управлением. Отменяется административная власть вышестоящих звеньев системы духовного образования над нижестоящими. Епархиальное духовенство получило доступ к самостоятельному решению многих вопросов на местном уровне, что положительно сказалось на материальном положении семинарий и училищ.

Процесс развития духовного образования в Верхнем Поволжье (на примере Ярославской и Костромской губерний) происходил в более демократических условиях, сопутствующих эпохе реформ 1860-х гг. Духовно-учебные заведения развивались как составная часть общей системы образования, а рассматривались, прежде всего, как просветительские учреждения.

Объем общеобразовательных предметов был больше, чем в 1880-1890-е гг. В первой из выделенных периодов духовная школа ориентировалась не только на подготовку священнослужителей, но и на подготовку преподавательских кадров всех уровней, поскольку, согласно уставу духовных семинарий 1867 г., в число преподаваемых предметов была включена педагогика.

В 1880-1890-е гг. был восстановлен принцип субординации в управлении, при котором низшие учебные заведения подчинялись средним, а средние высшим. Кроме того, были расширены полномочия епархиальных архиереев и ректоров. Таким образом, была усилена роль центра и бюрократического аппарата.

Целью духовно-учебных заведений являлось развитие именно духовной школы, которой были чужды либеральные устремления и которая считалась более благонадежной. Поэтому в 1880-1890-

е гг. в начальной школе усилены позиции церковноприходских школ. А собственно духовные учебные заведения развивались в рамках единой системы.

Усиление изучения богословских наук способствовало тому, что семинарии давали образование, исключая другие виды деятельности, кроме служения церкви. Это в какой-то степени обособляло духовные семинарии от светских средних учебных заведений, к которым духовные семинарии приравнивались.

В 1880-1890-е гг. целью духовно-учебных заведений являлось развитие такой духовной школы, которой были чужды либеральные устремления, и, которая являлась бы благонадежной и лояльной по отношению ко всем мероприятиям правительства, в том числе консервативным. Это во многом объяснялось общей обстановкой в стране, переходом к консервативному курсу, выразившемуся в политике контрреформ.

В 1900-1917 гг. Св. Синодом и Учебным Комитетом были предприняты попытки демократических преобразований в системе управления духовными учебными заведениями. Проект реформы системы управления разрабатывался V отделом Предсоборного Присутствия в начале 1906 г., а также комиссией Учебного Комитета, подготавливавшей материалы для обсуждения на Поместном Соборе РПЦ в 1917 г. В основу административной системы управления были положен принцип выборности. Была отменена власть духовных академий над семинариями, которые вновь стали учебными заведениями епархий.

Духовные учебные заведения реформировались под влиянием общественного движения, и рассматривались как часть системы российского образования в целом. Для этого предполагалось разделить учебные программы семинарии на курс общеобразовательных предметов в младших классах и ввести специальный богословский курс в старших классах семинарии.

При разработке проекта нового Устава духовных семинарий основная цель семинарий формулировалась как всестороннее развитие учащихся, которые в дальнейшем не были столь определенно ориентированы исключительно на духовную службу.

В 1900-1917-м гг. общая политическая обстановка в стране, рост

социальной напряженности, необходимость либеральных преобразований в системе российского образования в целом, обусловили либеральное направление путей реформирования духовной школы.

Изученные автором источники по истории духовного образования Ярославской и Костромской губерний позволяют сделать следующие выводы:

В середине XIX в. произошло окончательное оформление системы духовного образования. Структура духовной школы с середины XIX в. до начала XX в. оставалась неизменной. Она включала в себя три звена, соответствующие начальной, средней и высшей духовной школе: училище, семинарии и академии. На уровне губерний цикл духовного образования состоял из двух первых этапов. К числу духовных учебных заведений губерний относились и женские духовные училища. Ярославское женское училище духовного ведомства было открыто одним из первых в России. Конечный итог их функционирования не был непосредственно связан с удовлетворением потребности духовного ведомства в кадрах. Тем не менее, училище положило начало традиции женского духовного образования в Ярославской и Костромской губерниях. Немаловажную роль играло училище в деле подготовки преподавательских кадров для начальной школы и епархиальных женских училищ.

До середины XIX в. целью духовно-учебных заведений являлось образовательная деятельность в рамках духовного сословия. Во второй половине XIX в. задачи духовной школы изменяются. В 1860-1870-е гг. XIX в. духовная школа получила новый импульс в связи с развитием системы светского образования. В то время два вида образования развивались параллельно, причем светское образование было чуть впереди и оказывало влияние на духовное. Светское влияние проявилось и в учебных программах духовных учебных заведений, и в системе управления духовным образованием.

Развитие среднего духовного образования в России в пореформенный период проходило под влиянием церковной реформы и реформ общеобразовательной средней и высшей школы. Неуда-

ча в проведении церковной реформы вынудила правительство начать преобразования духовных семинарий в контексте проводимой параллельно общеобразовательной реформы. В результате это привело к сближению семинарий с гимназиями по правовым аспектам, программам и методам обучения, уровню образования учащихся. Однако главным отличием оставалось худшее материальное положение преподавателей и учащихся духовных семинарий сравнительно с гимназиями.

Устав духовных семинарий 1867 г. готовился в течение семи лет (1860-1866 гг.). При подготовке Устава 1867 г. учитывались мнения, пожелания и отзывы ректоров, преподавателей, епархиальных и синодальных служащих.

В результате реформы была преобразована система управления духовными учебными заведениями. Органом центральной власти стал Учебный комитет при Св. Синоде. Система духовно-учебных округов и административная власть академий по отношению к семинариям и семинарий по отношению к духовным училищам были отменены. Был введен Устав духовных училищ и создана сеть училищных округов. Духовно-учебные заведения были подчинены теперь епархиальному начальству. Это привлекло к участию в делах семинарий и училищ местное епархиальное духовенство.

Снятие сословных рамок и разрешение семинаристам поступать в светские учебные заведения обусловило массовое поступление воспитанников семинарий в университеты и другие светские высшие учебные заведения. Таким образом, уровень знаний учащихся семинарий был не ниже, чем у гимназистов. Особое место в семинарском курсе отводилось преподаванию философии, благодаря которой семинаристы получали возможность стать эрудированными, умеющими защищать свою точку зрения духовными наставниками.

Программа семинарского курса была сформирована таким образом, что в первых четырех классах приоритет отдавался общеобразовательным дисциплинам (в этот период ученики изучали только основы богословия), а в пятом и шестом классах изучались исключительно богословские предметы. Уровень знаний учеников по богословским дисциплинам позволял многим из них по-

ступать в духовную академию или на церковную службу.

Правовое положение учащихся и преподавательского состава, от мнения которого зависело в 1860-1870-х гг. назначение на ректорскую или инспекторскую должность того или иного претендента, в свете положений Устава 1867 г. было демократизировано. С принятием Устава 1867 г. материальное положение учителей семинарий существенно не улучшилось.

Целью духовной реформы 1860-1870-х гг. было обновление духовного сословия. Предполагалось, что для достижения этой цели необходимо было разрушить сословные рамки, препятствующие притоку новых сил из других сословий. Однако эта надежда не оправдалась. Наоборот наиболее передовая часть воспитанников стремилась покинуть духовную школу и получить светское образование, позволявшее вести более обеспеченный образ жизни. Даже после предпринятых преобразований 1860-х гг. российское духовенство по-прежнему оставалось намного ниже среднего уровня светского общества. Проблема материального обеспечения духовных семинарий, учащихся и преподавателей осталась нерешенной. Она, на наш взгляд, и послужила главной причиной половинчатости и незавершенности начатых реформ духовной школы.

Начало периода «контрреформ» было связано с усилением контроля в системе образования в целом. В начале 1880-х гг. правительством были предприняты меры по укреплению роли церкви в начальной школе. Приоритет церковноприходских школ объяснялся тем, что полученное в них образование, гарантировало большую благонадежность, чем в других типах народных школ. Несмотря на усилия правительства и Св. Синода закрепить монополию церкви на начальное образование не удалось. Но светская школа была признана в период контрреформ менее благонадежной, чем духовная школа. Духовные учебные заведения получили значительную материальную поддержку. Характерной особенностью жизни церкви в 1880-1890-е гг. было заметное расширение церковной периодической печати. Расширение влияния церковной печати на все слои российского общества входило в комплекс мер, направленных на укрепление роли церкви в борьбе за идео-

логическую монополию.

В 1880-1890-е гг. объем финансирования костромских духовных учебных заведений был увеличен примерно на 67%. по отношению к 1867 г., в Ярославской губернии по сравнению с 1867 г. возрос на 74%. Материальной помощью пользовалось 46% учащихся Ярославской семинарии. Следовательно, значительная часть семинаристов была малообеспеченной. По сравнению с данными за 1867 г. число казеннокоштных учеников увеличилось на 13%. Рост числа семинаристов, пользующихся государственным обеспечением в различных формах (полное или частичное содержание, пособия, стипендии) был обусловлен тем, что финансирование духовных учебных заведений в 1880-1890-е гг. было увеличено почти в 2,5 раза.

По этой же причине были увеличены оклады преподавателей семинарий и духовных училищ. Сравнивая размеры жалования в 1860-1870-х гг. и 1880-1890-х гг., можно отметить повышение жалования примерно на 60% (с 360 руб. до 900 руб. в год). Но, тем не менее, эту сумму нельзя назвать достаточной для обеспеченного образа жизни. Поэтому преподаватели часто совмещали преподавательскую деятельность с обязанностями других служащих или увеличивали свою часовую нагрузку. Увеличилось число семейных преподавателей (примерно на 25%). Вызвано это было некоторым омоложением преподавательского корпуса (средний возраст составлял 35,5 лет), и отчасти незначительным повышением уровня жизни учителей семинарий. Для развития средней духовной школы в период с 1884-1900 гг. было характерно перепрофилирование части преподавательского корпуса. Обусловлено это было пересмотром часовой нагрузки и планов учебных программ ряда общеобразовательных предметов.

Система воспитания казарменного типа, узкоспециальное обучение в семинариях и отсутствие связей с современными общественными структурами не способствовало прогрессивному развитию духовной школы. Уставы семинарий 1884 г., 1896 г. по сравнению с предыдущим Уставом 1867 г., имели более консервативный характер, который выражался в ограничении правового статуса учащихся и преподавателей и расширении прав в управле-

нии духовных учебных заведений, подведомственных епархиальной администрации.

Численность преподавательского состава в Ярославской и Костромской духовных семинариях практически не изменялась на протяжении 1860-1900-х гг. Число преподавателей семинарий в Ярославской и Костромской губерниях примерно совпадало.

Большинство из них имели высшее духовное образование. Преподаватели духовных семинарий Ярославской и Костромской губерний работали не только в духовных, но и в светских учебных заведениях.

Численность учащихся в семинариях Ярославской и Костромской губерний увеличилась примерно в два раза. Процессы изменения численности преподавательского состава в семинариях Ярославской и Костромской губерний были обусловлены общностью развития и территориальной близостью. Ярославская и Костромская семинарии, являясь одними из старейших учебных заведений в государстве, за более чем полувековую свою историю внесла достаточный вклад в дело российского образования. Средние духовные учебные заведения Ярославской и Костромской губерний имели достаточно высокий статус среди прочих духовных семинарий России. Они занимали не последнее место среди светских губернских учебных заведений.

В 1880-1900-е гг. на территории Ярославской и Костромской губерний были открыты женские епархиальные училища. Появление этих учебных заведений было вызвано необходимостью в распространении женского духовного образования. В отличие от женских училищ православного ведомства, епархиальные женские училища играли для общества более значительную роль, поскольку они были общесловными, и давали возможность своим выпускницам получить профессию учителя начальной школы.

Сословный состав духовной школы в исследуемый период практически оставался однородным. Увеличение численности семинаристов было обусловлено правительственными мерами, направленными на усиление контроля в сфере духовного образования. Выпускникам семинарии был затруднен доступ в светскую школу. Уменьшение доли общеобразовательных предметов

в учебных программах семинарий и училищ сыграло роль в снижении интеллектуального уровня служителей церкви. Это в свою очередь снизило уровень престижа духовных учебных заведений по сравнению со светской школой.

Несмотря на усиление роли церкви в начальной школе и увеличения финансирования духовной школы, российское духовенство находилось в конце 1890-х гг. в состоянии кризиса. В повседневной жизни конкретных духовных учебных заведений на практике проявлялись результаты консервативного Устава 1884 г. Неудовлетворительные условия жизни и казарменный характер семинарского быта в условиях начинающегося общественного движения, послужили толчком к возникновению и распространению массового семинарского движения.

В начале XX в. в развитии духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний намечается некоторый спад. Характерными проявлениями нестабильности было снижение успеваемости учеников и значительное падение дисциплины. Причинами волнений семинаристов были неудовлетворительные условия жизни, плохое материальное положение семинаристов, некачественная работа преподавательских кадров, плохая организация досуга учащихся.

В силу вышеуказанных причин семинаристы активно включились в общественную деятельность, которая иногда приобретала антиправительственное направление. Некоторые из объединений семинаристов были подвержены влиянию революционно настроенных элементов общества. Поэтому иногда к академическим требованиям присоединялись требования политического характера.

Семинарское движение в Ярославской и Костромской губерний отличалось активной деятельностью. В конце 1901 г. в Ярославской семинарии был создан организационный Комитет ярославских семинаристов, деятельность которого предполагала координацию действий разрозненных выступлений семинаристов. Движение семинаристов включало в себя не только подачу петиций семинарскому правлению с широко распространенными требованиями академического характера. Ярославские семинаристы проявляли внимание к выступлениям студенчества, В 1905 г. ярос-

лавские семинаристы решили не посещать уроки в знак протеста против действий полиции по подавлению семинарского движения в других городах России – Курске, Пскове, Казани, Варшаве, Москве, С.-Петербурге. В большинстве случаев требования семинаристов имели академический характер. Выступления семинаристов Ярославской и Костромской губерний, как правило, заключались в требованиях улучшения условий обучения и быта. Они поддерживали учащихся других семинарий в требованиях расширения учебных программ за счет общеобразовательных предметов, отделение общеобразовательных от богословских предметов, получения доступа в университеты, расширения власти институтов самоуправления. Кроме этого, учащиеся Ярославской и Костромской духовных семинарий требовали предоставления возможности участвовать в культурной жизни страны наряду с воспитанниками светской школы. Волнения семинаристов проходили практически во всех губерниях Верхнего Поволжья, чему способствовала общая политическая обстановка в стране. Следовательно, состояние духовной школы в начале XX в. требовало кардинальных перемен.

В начале XX в. были начаты подготовительные работы к собору Русской Православной Церкви. Для подготовки церковной реформы были использованы отзывы епархиальных архиереев, представленные в Св. Синод. Среди ответов на поставленные вопросы, преосвященные изложили свои мнения об оптимальной системе духовного образования. В результате этих предложений с мест, Учебным Комитетом была представлена повестка вопросов по системе духовного образования для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на поместном соборе РПЦ. Обсуждаемая реформа предполагала демократизацию системы управления духовными учебными заведениями, расширение объема общеобразовательных предметов, сближение задач духовной школы с задачами светских учебных заведений.

Преодоление кризиса духовной школы должен был обеспечить новый устав духовных семинарий. Проект этого устава предполагалось вынести на обсуждение Поместного собора РПЦ. Он должен был расширить преподавание общеобразовательных

предметов, отделить часы по общеобразовательным предметам от специальных дисциплин, улучшить воспитательную работу, расширить самоуправление. Все эти вопросы реформирования системы духовных учебных заведений обсуждались V отделом Предсоборного Присутствия в состав которого входили преподаватели духовных академий и духовенство. Реализовать этот проект на практике так и не удалось.

Деятельность средних духовных учебных заведений в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. проходило в рамках общероссийского процесса развития духовной школы. Система управления, содержание учебного процесса, размеры финансирования семинарий и женских училищ в Ярославской и Костромской губерниях регулировались положениями уставов и сопровождающей их документацией.

Ярославская и Костромская духовные семинарии являлись одними из старейших среди средних духовных учебных заведений Верхневолжского региона. Качество образования, которое они давали, отвечало достаточно высоким требованиям. В семинарских стенах формировалось мировоззрение будущей церковной интеллигенции. Двойственное положение среди церковной интеллигенции занимали преподаватели – лица с духовным образованием, но состоящие на государственной службе. Они имели высокий образовательный уровень – более 50% от общего числа обладали магистерскими и кандидатскими степенями. В силу специфики профессии и материальной зависимости от государства преподавательский состав характеризовался пассивной общественной позицией. Отношение к политическим событиям преподавателями семинарий в открытую не высказывалось. Большая часть выпускников семинарий становилось священниками. Вместе с тем знакомство с передовой литературой и общественной мыслью приводило определенную часть семинаристов к отказу от профессии священнослужителя.

Противоречивой и разноликой была масса выпускников средних духовных учебных заведений Ярославской и Костромской губерний, которые характеризовались достаточно высоким общеобразовательным уровнем.

1. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881.; Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.
2. Дьяконов К. Духовные школы в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907.
3. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1909. Т. I- II.
4. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. СПб., 1907. Т. I-II.
5. Голубовский НА. По вопросам духовной школы и об Учебном Комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907.
6. Котельский А. Женское образование в России. Ярославль, 1905.
7. Успенский К.П. Участие православного духовенства в деле начального обучения народа. Ярославль, 1909.
8. Рождественский А.К. Слово правды о церковной школе и о заслугах духовенства по народному образованию. По поводу слухов об упразднении церковных школ. Ярославль, 1906.
9. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб., 1901.
10. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902.
11. Антонов Н.Р. Светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание. Т. 1-2. СПб., 1912.
12. Папков А.А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855-1870). СПб., 1902.
13. Там же. С. 34.
14. Русское духовенство. / Сб. ст. Берлин, 1859.
15. Духовное звание в России // Русское духовенство. Берлин, 1859. С.143.
16. Критский А. Заграничные прения о положении русского духовенства (по поводу книги «Русское духовенство») // Современник. 1860. №3. Современное обозрение. С. 1-19.
17. Там же. С.15.
18. Современная хроника России: Несколько слов о сельском духовенстве. // Отечественные записки. 1858. Т. 120. С. 34 – 35.
19. Тихомиров П.В. Философия в духовной семинарии. М., 1905.
20. Там же. С. 12.
21. Елисеев Г.З. Бегство семинаристов из семинарий в университеты. СПб., 1876.
22. Красин П.М. Воспитание в духовной семинарии. Киев, 1906.; Мышцин В.Н. О духовных семинариях. Сергиев – Посад, 1905.
23. Мышцин В.Н. О духовных семинариях. Сергиев – Посад, 1905. С. 12.
24. Левитов П.В. Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние

- этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела. Екатеринбург, 1904.
25. Миротворцев В.В. Меры правительства по отношению улучшения быта белого духовенства. Казань, 1880.
 26. Елагин Н.В. Белое духовенство и его «интересы». СПб., 1881.
 27. Прилежаев Е.М. Духовная школа и ее семинаристы в истории русской науки и образования. СПб., 1879.
 28. Андронников Н. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской гимназии. Кострома, 1874.; Агнцев Д. История Рязанской семинарии. (1724-1840). Рязань, 1889.; Надеждин А. История С.-Петербургской православной духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. (1809-1884). СПб., 1885.
 29. Богословский И.Н. Ростовское Димитриевское духовное училище. Ярославль, 1899.
 30. Котельский А. Ярославское епархиальное Ионафановское женское училище. Исторический очерк училища за первое 25-летие (1880-1905). Ярославль, 1906.
 31. Крутиков Н. 50-летний юбилей Ярославского женского училища духовного ведомства. Ярославль, 1896.
 32. Преображенский Г.П. Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства ко дню 50-летнего юбилея. Ярославль, 1896.
 33. Троицкий М.П. Г.П. Преображенский – преподаватель Ярославской духовной семинарии и редактор неофициальной части Ярославских епархиальных ведомостей (Некролог). Ярославль, 1903.
 34. Фивейский П. Открытие Ростовского духовного училища. Ярославль, 1874.
 35. Головщиков К.Д. Очерк жизни и ученых трудов бывших питомцев Ярославской духовной семинарии. Ярославль, 1893.
 36. Титлинов Б.В. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924.
 37. Никольский Н.М. История русской церкви. Минск, 1990.
 38. Дмитриев С.С. Православная церковь и государство в дореволюционное время. // История СССР. 1964. № 4.
 39. Дружинин П.Н. Просвещение в Ярославской губернии в пореформенный период. // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 94-125.
 40. Очерки по истории школы и педагогической мысли (вторая половина XIX в.). М., 1991.
 41. Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке. // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 309-379.
 42. Римский С.В. Церковная реформа Александра II. // Вопросы истории.

1996. № 4. С.40.
43. Римский С.В. Церковная реформа 60-70-х годов XIX в. // Отечественная история. 1995. № 2. С. 166-175.; Церковная реформа Александра II. // Вопросы истории 1996. № 4. С.34-49.
 44. Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России. (1861-1884 гг.). Автореф. дис...канд. ист. наук, СПб., 1998.
 45. Конюченко А.И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX – нач. XX в. Автореф. дис...канд. ист. наук. Челябинск, 1996.
 46. Фадеева Т.Ю. Средние учебные заведения в системе образования России второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дис...канд. ист. наук. Ярославль, 2000.
 47. Шабров И.В. Губернская администрация и религиозные организации в период вероисповедных реформ в России в начале XX века (на материалах Ярославской губернии, 1903-1914 гг.). Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1998.
 48. Никулин М.В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х-конец 1870-х гг.). Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1997.
 49. Беляева А.В. Церковь и государство в России в начале XX века. Учебное пособие. Ярославль, 1999.
 50. Бахтурина А.Ю. Сведения о том, что пережито в 1917-1918 учебном году. Самарское духовное училище. // Исторический архив. 1997. № 2. С.43-44.
 51. Одинцов М.И. Государство и церковь. (История взаимоотношений 1917-1938 гг.). М., 1991.
 52. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 5.
 53. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. Т.2. С. 317.
 54. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. // К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1996. С.487-502.
 55. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. М., 1996. К.8.
 56. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.432. Оп.1. Д.2448.
 57. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 796, 797, 802.; Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) Ф. 230, 236, 570, 906.; Государственный архив Костромской области (ГАКО) Ф. 414, 749, 432, 130, 438.
 58. Свод законов Российской империи. СПб., 1904. Ч. 1. Т. 1. Кн. 1. Р. VII. Ст. 40-46.; Т. 1., Кн. 4.; Т. 3, Кн. 1. Р. IX, XI.; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830-1884. Собрание второе. Т. 2-55.
 59. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867.
 60. Устав духовных семинарий. СПб., 1884.
 61. Устав духовных училищ. СПб., 1867.

62. Устав епархиальных женских училищ. СПб., 1898.
63. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886.
64. Извлечения из отчета по ведомству Православного исповедания за 1861 г. СПб., 1864.; РГИА. Ф.796. Оп. 178. Д.456.; Оп. 180. Д.850.; Оп. 181. Д.418.; Оп. 183. Д.514.
65. РГИА. Ф.797. Оп. 38. Д.175.; Оп. 46. Д.84.; Оп. 48. Д.30.; Оп. 49. Д.71.; Оп. 50. Д.50.; Оп. 53. Д.65, 79.; Оп. 70. Д.15.; Оп. 74. Д.38.; Ф.802. Оп. 10. Д.5, 52, 53, 202, 216, 499.
66. См., например: ГАЯО. Ф.236. Оп. 1. Д.407.; ГАКО. Ф.438. Оп. 1. Д.3579.; ГАЯО. Ф.570. Оп. 1. Д.324.
67. РГИА. Ф.797. Оп. 70. Д.305.; Отчет совета попечительства об учениках Ярославской духовной семинарии за 1905 г. Ярославль, 1906.
68. Циркулярные указы Св. Правительствующего Синода. 1867-1900 гг. СПб., 1901.
69. ГАКО. Ф.432. Оп. 1. Д.3654.; ГАЯО. Ф.230. Оп. 2. Д.5409.; Ф.570. Оп. 1. Д.13, 18.
70. См., например: Журнал заседаний Ярославского XIX общепархиального съезда духовенства. Ярославль. 1914.; Протокол VI общепархиального съезда духовенства Ярославской епархии. Ярославль, 1891.; ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д. 1796.
71. Протоколы общего съезда духовенства Ярославской епархии, бывшего 4-10 июня 1868 г. в Ярославле,... для обсуждения вопросов об устройении духовно-учебных заведений епархии, сообразно требованиям высочайше утвержденных в мае 1867 г. уставов и штатов духовных семинарий и училищ. Ярославль, 1868.
72. Журналы заседаний Ярославского XIV общепархиального съезда духовенства 1906 г. Ярославль, 1906.; Ожидаемый Собор Всероссийской церкви 1906 года и предметы его занятий. Ярославль, 1906.
73. См., например: ГАЯО. Ф.570. Оп. 1. Д.316.
74. См., например: ГАЯО. Ф.236. Оп. 1. Д.350.
75. ГАЯО. Ф. 236. Оп. 1. Д.436.; Ф.570. Оп. 1. Д.Д. 22, 62.
76. ГАКО. Ф.432. Оп. 1. Д.4.; ГАЯО. Ф.236. Оп. 1. Д. 104.; Ф.570. Оп. 1. Д.139.
77. ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д.26.
78. ГАКО. Ф.130. Оп. 13. Д. 78.
79. См., например: ГАЯО. Ф.570. Оп. 1. Д. 144.
80. ГАЯО. Ф.230. Оп. 2. Д.2219; Оп. 3. Д.1645, 1781, 1790, 1791; Оп. 4. Д.894.
81. См., например: ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д.1730; Ф.236. Оп. 2. Д. 108.; Ф.570. Оп. 1. Д.287.
82. РГИА. Ф.799. Оп. 31. Д.Д. 542-547; ГАКО. Ф.432. Оп. 1. Д.3682.; ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д.1726; Ф.236. Оп. 1. Д.330.; ГАЯО. Ф.570. Оп. 1. Д. 58

83. РГИА. Ф. 796. Оп.184. Д. 380.; Ф.802. Оп. 10. Д.8, 21, 37, 41, 64, 68, 102, 107, 108, 213, 780, 871, 853; Оп. 16. Д.164.; ГАКО. Ф.749. Оп. 1. Д.303.; ГАЯО. Ф.906. Оп. 1. Д. 20, 31, 34, 45, 52, 215, 283; Оп. 2. Д.11, 16; Оп. 4. Д.83.
84. РГИА. Ф.796. Оп. 148. Д.1372, 1389.; Ф.797. Оп. 32. Д.196. Оп. 37. Д.181.; Ф.802. Оп. 4. Д.6012.; Оп. 10. Д.43.; Оп. 16. Д.139.; ГАКО. Ф.130. Оп. 13. Д.78.; ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д. 1297, 1799.
85. РГИА. Ф.796. Оп. 188. Д.513.; Ф.797. Оп. 87. Д.221.; Ф.802. Оп. 10. Д.69.
86. РГИА. Ф.797. Оп. 74. Д.395.; Ф. 802. Оп. 16. Д.46.
87. РГИА. Ф.797. Оп. 96. Д.247.; Ф. 802. Оп. 5. Д.12354.; Оп. 10. Д.859.; ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д.1529, 1779, 1780.
88. РГИА. Ф.802. Оп. 10. Д.5, Ф.797.; Оп. 87. Д.221.; Ф.802. Оп. 16. Д.139.; Ф.802. Оп. 10. Д.107.; и др.
89. Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник. // Сб. ст. Вспомогательные исторические дисциплины, Л., 1978. Т.9. С. 76.
90. Дементьева В.В. Из истории возникновения Ярославских губернских ведомостей. // Советские архивы. 1986. № 6.
91. Иванов А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Ярославль, 1963. С. 229.
92. Там же. С. 343.
93. Ярославские Губернские Ведомости (далее ЯГВ). 1860. № 22. 28 мая. Ч. неоф. С.169.
94. ЯГВ. 1868. №43. 24 октября. Ч. неоф. С.10-11.
95. ЯГВ. 1880. №41. 26 мая. Ч. оф. С. 1.
96. ЯГВ. 1871. №23. 17 июня. Ч. неоф. С.61-62.; №25. 1 июля. Ч. неоф. С.65-66.; № 26. 8 июля. Ч. неоф. С.67-68.
97. См., например: Проект преобразования семинарий. // Костромские Губернские Ведомости (далее – КГВ). 1863. №30. 3 августа. Ч неоф. С. 207.
98. См., например: Барский Н.А. Краткий отчет о состоянии Ярославской духовной семинарии за 1893-94 учебный год // Ярославские Епархиальные Ведомости (далее – ЯЕВ). 1894. №39. 27 сентября. Ч. неоф. С.609-613.
99. См., например: Отчет о состоянии Костромского епархиального женского училища по учебно-нравственной и экономической частям за 1902 – 1903 учебный год. // Костромские Епархиальные Ведомости (далее – КЕВ). 1903. №25. 15 ноября. Ч. неоф. С. 500-504.
100. Извлечение из отчета об экономическом состоянии Ярославского духовного училища. См.: ЯЕВ. 1900. №40. 8 октября. Ч. неоф. С.625-635.
101. 101 ЯЕВ. 1900. №5. 1 февраля. Ч.оф. С.38-40.; ЯЕВ. 1875. №6. 5 февраля. Ч. оф. С.47-50.
102. См., например: ЯЕВ. 1874. №21. 22 мая. Ч. оф. С.167-168.; ЯЕВ. 1874. №24. 14 июля. Ч.оф. С.190-192.
103. КЕВ 1917. №11. 1 июня. Ч. оф. С. 162.

104. Там же. С. 176.
105. Смирнов А.В. В семинарии // Духовная школа. Ярославль, 1895. С. 145-164.
106. Преображенский Г.П. Воспоминания об Елизавете Павловне Шиповой, первой начальнице Ярославского женского училища духовного ведомства (1845-1883 гг.). Ярославль, 1884.
107. Фонды Российского Государственного Исторического Архива. Краткий справочник. СПб., 1994.; Путеводитель Государственного Архива Костромской области. Кострома, 1962.; Путеводитель Государственного Архива Ярославской области. Ярославль, 1980.
108. Головщиков К. Д. Архиереи из питомцев Ярославской духовной семинарии. Ярославль, 1893.
109. Именная роспись начальствующих и служебных лиц Ярославской епархии. Ярославль, 1861.
110. Алфавитный список священников и дьяконов Костромской епархии с показанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе. Кострома, 1871.
111. Свод законов Российской империи. СПб., 1904. Ч.1. Т.1. Кн. 1. P.VII.
112. Римский С.В. Церковная реформа Александра П. // Вопросы истории. 1996. № 4. С.32.
113. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. С.23.
114. Дьяконов К. Духовные школы в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907. С.77.
115. Дьяконов К. Указ. соч. С.77.
116. Там же. С.77-78.
117. Дьяконов К. Указ. соч. С. 80.
118. Римский С.В. Указ. соч. С. 39.
119. Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке. // Русское православие. Вехи истории. М. 1989. С.328.
120. Там же. С.328.
121. Литвак Б.Г. Указ. соч. С.335.
122. Там же.
123. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1909. С. 196.
124. Там же. С. 198.
125. Там же. С. 199.
126. Литвак Б.Г. Указ. соч. С.336.
127. Римский С.В. Указ. соч. С. 42.
128. Лебедев П. А. Вступ. ст. // Антология педагогической мысли в России второй половины XIX – начала XX веков. М., 1982. С. 12.
129. Римский С.В. Указ. соч. С.41.

130. Лебедев П. А. Вступительная статья. С. 19.
131. Папков А.А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855-1870). СПб., 1901. С. 43.
132. Духовное звание в России. Голос сельского священника / Сб. Русское духовенство. Берлин, 1859. С.139-177.
133. См., например: Несколько слов о сельском духовенстве // Отечественные записки. Т.120. С.34-35; Капустин М. Воспоминания о П.Н. Кудрявцеве // Русский Вестник. 1858. Т.13. Кн.1. С.182-189; Кн.2 С.107-113.
134. Чернышевский Н.Г. Об «Антропологическом принципе философии» // Современник. 1860. №4-5. 447-479.
135. Чернышевский Н.Г. Полемиические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского Вестника» // Современник. 1861. №6. С.468-472.
136. Чернышевский Н.Г. Полемиические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского Вестника» // Современник. 1861. №6. С.469.
137. Разоблачение клеветы на Русское духовенство / Сб. Русское духовенство. Берлин, 1859. С.1-59.
138. Критский А. Заграничные прения о положении русского духовенства (По поводу книги «Русское духовенство») // Современник. 1860. №3. Современное обозрение. С.18.
139. Папков А.А. Указ. соч. С. 30-49.
140. Папков А.А. Указ. соч. С. 107.
141. Титлинов Б.В. Указ. соч. С.232.
142. Папков А. А. Указ. соч. С. 106.
143. Титлинов Б.В. Указ. соч. С.234.
144. ПСЗРИ. СПб., 1871. Т.42. № 44570. С.496-498.
145. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. С.78.
146. ПСЗРИ. СПб., 1871. Т.42. №№ 44571-44572. С.489-519.
147. Римский С.В. Указ. соч. С.45.
148. РГИА. Ф.797. Оп.87. Д.221. Л.13.
149. РГИА. Ф.802. Оп. 16. Д. 139. Л.3.
150. Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884 г.г.). Автореф. дис...канд. ист. наук. СПб., 1998. С.20.
151. Устав духовных училищ. СПб., 1867. С.5.
152. Там же. С.6.
153. Там же. С.7.
154. Устав духовных училищ. СПб., 1867. С.8.
155. Там же. С.9.
156. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. С.79.
157. Римский С.В. Указ. соч. С.46.
158. Римский С.В. Указ. соч. С.46.
159. Извлечение из отчета по ведомству Православного исповедания за 1861 г.

- СПб., 1864. С. 74.
160. Ярославская духовная семинария. Историческая справка (1747-1814 гг.) / Сост. Тимченко. М.Ю. Ярославль, 1991. С.4.
161. Андронников Н. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской гимназии. Кострома, 1874. С. 23.
162. Тимченко М.Ю. Ярославская духовная семинария. Историческая справка (1747-1814). Ярославль, 1991. С.5.; Из истории Ярославской духовной семинарии. 1747-1918 гг. // Культура. Образование. Православие. Сб. материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль. 1996. С. 218-220.
163. Там же. С. 5.
164. КЕВ. 1890. №15. 1 мая. Ч. неоф. С. 241.
165. См., например: Проект преобразования семинарий. // КГВ. 1863. №30. 3 августа. Ч неоф. С. 207.
166. РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 139.
167. РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 1389. Л. 3.
168. Тихвинский Н. Исторический очерк Ярославской духовной семинарии. // ЯЕВ. 1875. №5. 25 января. Ч. неоф. С.33-40.
169. РГИА. Ф.796. Оп.148. Д. 1389. Л.2.
170. Балканская звезда. Страницы истории: Юбилейное издание. Ярославль: Ньюнс, 2000. С.73.
171. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. Гл.3. С. 18.
172. РГИА. Ф.796. Оп.148. Д. 1389. Л.2.
173. Материалы для истории Ярославской духовной семинарии со времени ее преобразования в 1814 г. // ЯЕВ. 1870. №38. 23 сентября.Ч. неоф. С.314-316.
174. Там же.
175. ЯЕВ. 1875. №4. 22 января. Ч. неоф. С.28.
176. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. Гл. 10. С.50.
177. Там же. С.46.
178. ЯЕВ. 1864. №18. 2 мая. Ч. оф. С.111.
179. ПСЗРИ. СПб., 1873. Т.44. №46974. С.321-325.
180. Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 358.
181. Римский С.В. Указ. соч. С.34-39.
182. Там же. С.46.
183. Прилежаев Е.М. Духовная школа и ее семинаристы в истории русской науки и образования. СПб., 1879. С. 27.
184. ЯЕВ. 1886. №14. 12 апреля. Ч. неоф. С. 105.
185. РГИА. Ф.802. Оп. 16. Д. 139. Л.94.
186. Ведомость об учившихся в духовных учебных заведениях за 1861 г. // Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г.

- СПб., 1864. С. 77.
187. Ведомость о начальниках и наставниках в духовных учебных заведениях за 1861 г. // Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г. СПб., 1864. С. 75.
188. Троицкий М. Памяти бывшего ректора Ярославской Духовной Семинарии протоиерея Н.А. Барского // ЯЕВ. 1900. №7. 19 февраля. Ч. неоф. С. 103-111.
189. Котельский А. Пятидесятилетний юбилей духовно-учебной службы ректора Ярославской Духовной Семинарии Н.А. Барского // ЯЕВ. 1898. №45. 17 ноября. Ч. неоф. С.689-694.
190. Памяти Н.Н. Корсунского. Некролог // ЯЕВ. 1899. №25. 22 июня. Ч. неоф. С.381-383.
191. ЯЕВ. 1865. №51. 24 декабря. Ч. неоф. С.415.
192. Левкин Д. О христианском воспитании детей // ЯЕВ. 1861. №15. 9 апреля. Ч. неоф. С.136-139.
193. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. Гл. 3. С. 15.
194. Список учеников Ярославской духовной семинарии после экзаменов. // ЯЕВ. 1875. №29. 16 июля. Ч. оф. С. 231-234.
195. Крылов А. Ярославское училище для девиц духовного звания // ЯЕВ. 1860. №28. 22 октября. Ч. неоф. С.257-269.
196. Там же. С.258.
197. Преображенский Г.П. Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства ко дню 50-летнего юбилея. Ярославль, 1896. С.152.
198. ЯЕВ. 1860. №28. 22 октября. Ч.неоф. С.269.
199. Преображенский Г.П. Указ.соч. С.151
200. ЯЕВ. 1860. №28. 22 октября. Ч.неоф. С.268.
201. Преображенский Г.П. Указ.соч. С. 152.
202. ЯЕВ. 1860. №28. 22 октября. Ч. неоф. С.267.
203. Преображенский Г.П. Указ.соч. С. 153.
204. ЯЕВ. 1860. №28. 22 октября. Ч. неоф. С.267.
205. Преображенский Г.П. Указ.соч. С. 151.
206. Там же. С. 151.
207. Цит. по: Преображенский Г.П. Указ. соч. С.151.
208. Успенский Ф. О необходимости увеличить средства к образованию дочерей духовенства. // ЯЕВ. 1871. №38. 22 сентября. Ч. неоф. С. 309-314.
209. Ведомость о числе воспитанниц в училищах девиц духовного звания в 1861 г. // Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г. СПб., 1864. С. 92.
210. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С. 295.

211. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С.643-661.
212. Лебедев П.А. Вступ. ст. // Антология педагогической мысли в России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 1982. С. 9.
213. Лебедев П.А. Указ. соч. С. 10.
214. Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке. // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 309-379.
215. Лебедев П. А. Указ. соч. С. 9.
216. Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 359.
217. Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 370.
218. Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 374.
219. Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 211.
220. Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 374.
221. Рождественский С.В. Указ. соч. С. 643-661.
222. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Г. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С. 17.
223. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Г. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С. 17.
224. Устав духовных семинарий. СПб., 1884.
225. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Г. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С. 16.
226. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. Гл. 2. С. 55.
227. Рождественский С.В. Указ. соч. С. 643-661.
228. Тихомиров П. Философия в духовной семинарии. СПб., 1905. С. 12.
229. Красин П.М. Воспитание в духовной семинарии. Киев, 1906. С. 4.
230. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. С.26.
231. Там же. С.27.
232. СЗРИ. СПб., 1904. Т.8. С.623.
233. Там же. С.623.
234. Там же. С.624.
235. Там же. Т.3. С.18.
236. Там же. С. 19.
237. СЗРИ. СПб., 1904. Т.3. С.18.
238. Там же.
239. Там же. С. 19.
240. Там же.
241. Там же.
242. СЗРИ. СПб., 1904. С.20.
243. Рункевич С.Г. Указ. соч. С.199.
244. РГИА. Ф.796. Оп.176. Д.770. Л.2.
245. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Т.П. СПб., 1907. С.169.

246. Рункевич С.Г. Указ. Соч. С.199.
247. ЯЕВ. 1886. №39. 29 сентября. Ч. неоф. С.616-624.
248. РГИА. Ф.796. Оп.178. Д.456.
249. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3485. Л.3.
250. Извлечение из отчета о суммах для воспитанников Ярославской Духовной Семинарии // ЯЕВ. 1896. №2. 9 января. Ч. оф. С.12.
251. ГАЯО. Ф.236. Оп.1. Д.353. Л.8.
252. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3284.
253. Балканская звезда Страницы истории: Юбилейное издание. Ярославль: Ньюанс, 2000. С.73.
254. Левитов П.В. Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела. Екатеринослав., 1904. С. 1.
255. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3284.
256. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3682.
257. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3682. Л.6.
258. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3489. Л.2.
259. Барский Н. Краткий отчет о состоянии Ярославской Духовной Семинарии за 1895-1896 уч. год // ЯЕВ. 1896. №40. 1 октября. Ч. неоф, С.625-629.
260. РГИА. Ф.802. Оп. 10. Д.5. Л.5.
261. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3682.
262. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3682. Л.16-24.
263. Барский Н. Краткий отчет о состоянии Ярославской духовной семинарии за 1897-1898 уч. г. // ЯЕВ. 1898. №37. 22 сентября. Ч. неоф. С.561-565.
264. ГАЯО. Ф.236. Оп.1. Д.367. Л.1.
265. Разрядный список учеников Ярославской духовной семинарии. // ЯЕВ. 1888. №28. 1 июля. Ч. оф. С.240-242.
266. ЯЕВ. 1896. №40. 1 октября. Ч. неоф. С.625-629.
267. ЯЕВ. 1898. №37. 22 сентября. Ч. неоф. С.561-565.
268. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.5. Л.5.
269. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. Гл.6. С.55.
270. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3485. Л.3.
271. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. Гл.1. С.15.
272. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. Гл. 4. С.65.
273. ЯЕВ. 1896. №40. 1 октября. Ч. неоф. С.625-629.
274. ГАКО. Ф.432. Оп. 1. Д.3505. Л.1.
275. ГАКО. Ф.432. Оп. 1. Д.3485. Л.3.
276. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. Гл. 8. С.99.
277. Румянцев Н. Записки семинариста // Духовная школа. М., 1906. С.286.
278. Румянцев Н. Указ. соч. С.289.

279. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. Гл.8. С.99.
280. Там же. С.100.
281. Смирнов Н. Атеизм. Из пережитого // Духовная школа. М., 1906. С.64.
282. Списки лиц, служащих в духовных учебных заведениях Ярославской епархии. // ЯЕВ. 1899. №34. 24 августа. Ч. оф.. С.521-524.
283. Там же.
284. ЯЕВ. 1868. №3. 20 января. Ч. оф. С.20.
285. ЯЕВ. 1868. №1. 6 января. Ч. оф. С.6.
286. ЯЕВ. 1899. №34. 24 августа. Ч. оф. С.521-524.
287. Алексеев В.П. Выдающийся краевед. К 160-летию со дня рождения К.Д. Головщикова (1835-1900) // Ярославский календарь на 1995 г. / Отв. ред. М.Г. Мейерович. Ярославль, 1885. С.9-10.
288. ЯЕВ. 1871. №38. 22 сентября. Ч. неоф. С.309-314.
289. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С. 295.
290. ПСЗРИ. СПб., 1873. Т.44. №46974. С.321-325.
291. Римский С.В. Церковная реформа Александра II. // Вопросы истории. 1996. №4. С.37.
292. ЯЕВ. 1871. №38. 22 сентября. Ч.неоф. С.309-314.
293. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С. 295.
294. Там же.
295. Отчет о состоянии Ярославского епархиального женского училища за 1886-1887 уч. г. // ЯЕВ. 1887. №43. 26 октября. Ч.неоф. С.689.
296. ЯЕВ. 1887. №43. 26 октября. Ч.неоф. С.689.
297. РГИА. Ф.802. Оп. 10. Д.43.
298. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С. 295.
299. Там же.
300. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.328.
301. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.4.
302. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.4. Л.5.
303. Там же.
304. Отчет о состоянии Ярославского епархиального женского училища. // ЯЕВ. 1886. №42. 20 октября. Ч. неоф. С.657.
305. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.4. Л.4.
306. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.144.
307. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3485. Л.3.
308. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. Гл.1. С.15.
309. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.4.
310. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.4. ЛЛ. 2-5.

311. Там же. ЛЛ. 2-5.
312. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.4.
313. Устав православных духовных семинарий. СПб., 1867. Гл.3. С.18.
314. ГАКО. Ф.432. Оп.1. Д.3284.
315. Там же.
316. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.4.
317. Там же.
318. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С. 295.
319. Там же. С. 296.
320. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.53. Л.1.
321. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.63.
322. Отчет о состоянии Ярославского епархиального Ионафановского женского училища за 1893-1894 уч. год. // ЯЕВ. 1894. №46. 15 ноября. Ч. неоф. С.721-729.
323. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. С.297.
324. Лебедев П.А. Вступительная статья. // Антология педагогической мысли в России в второй половине XIX -начале XX веков. М., 1982. С. 10.
325. Там же С. 12.
326. Там же. С. 9.
327. Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. М., 1964. С. 97-99.
328. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. С.80.
329. Там же. С. 11.
330. Устав духовных семинарий. СПб., 1884. С.12.
331. Мышцын В.Н. О духовных семинариях. Сергиев Посад, 1905. С.1.
332. ОР РНБ. Ф.777. Тиханов П.Н. Оп.1. №256. Л.1.
333. Там же. Л.2.
334. ОР РНБ. Ф.777. Тиханов П.Н. Оп.1. № 256. Л.2.
335. Мышцын В.Н. Указ. Соч. С.3.
336. Там же. С.3.
337. Мышцын В.Н. Указ. соч. С.4.
338. РГИА. Ф. 802. Оп. 10, 1902. Д. № 107. Л. 5-6.
339. Там же.
340. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902. Д.107. Л.10
341. Там же. Л.7.
342. Там же. Л.13.
343. РГИА. Ф 802. Оп. 10. 1902. Д.107. Л.14.
344. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902. Д №107. Л. 14.
345. Там же.

346. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.64. Л. 118.
347. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д. 64. Л. 120.
348. Там же.
349. РГИА. Ф.802. Оп.16. Д.164.
350. РГИА. Ф.802. Оп.16. Д. 164. Л. 15.
351. РГИА. Ф.802. Оп.16. Д. 164. Л. 15.
352. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Т.П. СПб., 1907. С.188.
353. Там же.
354. Белявский Ф.Н. Указ. соч. С.188.
355. Там же.
356. Белявский Ф.Н. Указ. соч. С.197.
357. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Т.П. СПб., 1907. С.188.
358. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Т.П. СПб., 1907. С.188.
359. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.52. Л.10.
360. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.5. Л.5.
361. Там же.
362. КЕВ. Ч.оф, 1917. 15 мая..№ 10. С.131.
363. КЕВ. Ч. оф. 1917. 1 июня. № 11. С.162.
364. КЕВ. Ч.оф, 1917. 15 мая..№ 10. С.131.
365. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.52. Л.10.
366. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.5. Л.9.
367. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.5. Л.21.
368. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.5. Л.6.
369. Там же. Л.45.
370. ГАКО. Ф. 432, Оп.1. Д. 4. Л. 266.
371. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.5. Л.9.
372. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.5. Л.21.
373. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.216. Л.3.
374. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.108. Л.3.
375. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.108.
376. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.108.
377. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.108. Л.12.
378. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.21.
379. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.37. Л.2.
380. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.37. Л.5.
381. ГАКО. Ф.749. Оп.1. (Доп.) Д. 156.
382. ГАКО. Ф.749. Оп.1. (Доп.) Д.271. Л.9.
383. ГАЯО. Ф.906. Оп.1. Д.Д. 11, 16, 45.
384. ГАКО. Ф.749. Оп.1. (Доп.) Д.76. ЛЛ.115-213.
385. ГАКО. Ф.749. Оп.1. (Доп.) Д.271. ЛЛ.4-54.
386. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.780. Л.1.

387. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.780. Л.48.
388. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.780. Л.48.
389. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.102. Л.1.
390. Костромской Церковно-общественный Вестник. 1917. №№.16-17. 1-8 ноября. С.16.
391. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.64. Л. 118.
392. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д. 64. Л. 120.
393. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С. 295.
394. РГИА. Ф.802. Оп. 10. Д.43. Л.4.
395. РГИА. Ф.802. Оп. 10. Д.43.
396. КЕВ. 1916. Ч. оф. 1 января. № 1. С.10-15.
397. ГАКО. Ф.414. Оп. 1. Д.23. Л.1.
398. КЕВ. Ч.оф. 1917. №11. 1 июня. С.164.
399. ГАКО. Ф.414. Оп. 1. Д.69. Л.2.
400. ГАЯО. Ф.236. Оп.1. Д.353. Л.8.
401. ГАКО. Ф.414. Оп. 1. Д.60. Л.20.
402. КЕВ. 1916. Ч. оф. 15 января. № 2. С.24.
403. КЕВ. 1916. Ч. оф. 15 января. № 2. С.24.
404. КЕВ. 1916. Ч. оф. 15 января. №2. С.31.
405. КЕВ. 1916. Ч. оф. 15 января. №2. С.25.
406. Там же. С. 14.
407. ГАКО. Ф.414. Оп.1. Д.34. Л.3.
408. ГАКО. Ф.414. Оп.1. Д.34. Л.3.
409. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.58.
410. ГАКО. Ф.414. Оп.1. Д.29. Л.1.
411. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С.295.
412. РГИА. Ф.797. Оп.96. Д.247. Л.45.
413. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С.295.
414. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.53. Л.1.
415. ГАЯО. Ф.570. Оп.1. Д.62.
416. РГИА. Ф.802. Оп.10. Д.53. Л.1.
417. РГИА. Ф.797. Оп.96. Д.247. Л.45.
418. ГАКО. Ф.414. Оп. 1. Д.60. Л.20.
419. РГИА. Ф.802. Оп. 10. Д.53. Л.1.
420. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С.295.
421. КЕВ. 1916. Ч. оф. 15 января. №2. С.23.
422. ГАЯО. Ф. 236. Оп. I. Д. 353. Л. 8.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Опубликованные источники

1. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. – 127 с.
2. Журналы заседаний Углических окружных духовных училищных съездов. Ярославль: Б.и., 1875. – 186 с.
3. Журналы заседаний Ярославского XIV общеeparхиального съезда духовенства 1906 г. Ярославль, 1906. – 119 с.
4. Журнал заседаний Ярославского XIX общеeparхиального съезда духовенства. Ярославль, 1914.- 70 с.
5. Извлечение из всеподданнейшего отчета Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 г. СПб., 1885.- 421 с.
6. Извлечения из отчета по ведомству Православного исповедания за 1861 г. СПб., 1864. – 140 с.
7. Инструкция для обозрения уездных отделений Ярославского епархиального училищного Совета. Ярославль: Б.и., 1892. – 18 с.
8. Инструкция комнатному надзирателю. СПб.: Б.и., 1884.- 18 с.
9. Календарь для духовенства на 1877 г. СПб., 1877. – 234 с.
10. Краткий обзор наук в духовных семинариях. СПб.: Б.и., 1884. -20 с.
11. Миропольский С. Краткая грамматика церковнославянского языка нового периода. Курс элементарный. СПб., 1902. – 92 с.
12. Ожидаемый Собор Всероссийской церкви 1906 года и предметы его занятий. Ярославль, 1906. – 79 с.
13. Отчет совета попечительства об учениках Ярославской духовной семинарии за 1905 г. Ярославль, 1906. – 20 с.
14. Педагогические курсы для учителей и учительниц церковных школ Ярославской епархии. Ярославль, 1900. – 16 с.
15. Перемещение Ростовского духовного училища в заново устроенный корпус. Ярославль, 1881. – 42 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1912.
17. Протокол VI общепархиального съезда духовенства Ярославской епархии. Ярославль, 1881. – 40 с.
18. Протоколы общего съезда духовенства Ярославской епархии, бывшего 4-10 июня 1868 г. в Ярославле,... для обсуждения вопросов об устройении духовно-учебных заведений епархии, сообразно требованиям высочайше утвержденных в мае 1867 г. уставов и штатов духовных семинарий и училищ. Ярославль, 1868. – 84 с.
19. Расписание предметов, преподаваемых в духовных семинариях по годам семинарского курса и по числу уроков в неделю. СПб.: Б.и., 1884; – 35 с.
20. Русская православная церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. М., 1995. Кн. 1. – 400 с.
21. Свод законов Российской империи. СПб., 1904.
22. Таблицы движения цен в Ярославской губернии за 1900-1909 гг. / Стат. отдел. Яросл. губ. земства. Ярославль, 1913. – 10 с.
23. Устав Духовных Консисторий. СПб.: Б.и., 1898. – 85 с.
24. Устав Духовных Семинарий. СПб.: Б.и., 1884. – 189 с.
25. Устав Духовных училищ. СПб.: Б.и. 1967. – 93 с.
26. Устав епархиальных женских училищ. СПб.: Б.и., 1898. – 65 с.
27. Устав Православных духовных семинарий. СПб.: Б.и., 1867. – 76 с.
28. Циркулярные указы Св. Правительствующего Синода. 1867-1900 гг. СПб., 1901. – 444 с.
29. Ярославский епархиальный училищный совет и краткий обзор его деятельности за 25 лет существования (4 октября 1887-4 октября 1912). Ярославль, 1900. – 24 с.

2. Периодическая печать и публицистика

1. Костромские Губернские Ведомости. Годовые комплекты за 1863, 1876 гг.
2. Проект преобразования семинарий. // КГВ. 1863. №30, 3 авг. Ч неоф. -С. 207.
3. Костромские Епархиальные Ведомости. Годовые ком-

плекты за 1883-1917 гг.

4. Отчет о состоянии Костромского епархиального женского училища по учебно-нравственной и экономической частям за 1902 – 1903 уч. г. // КЕВ. 1903. №21. 15 нояб. Ч. неоф. – С. 500.

5. Костромской Церковно-общественный Вестник. Годовые комплекты за 1917-1918 гг.

6. К.П. Победоносцев: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. СПб.: РХГИ, 1996. – 576 с.

7. Отечественные записки. Годовые комплекты за 1858 г. Тт. 116,117,120,121.

8. Современная хроника России: Несколько слов о сельском духовенстве. // Отечественные записки. 1858. Т. 120. – С. 34 – 35.

9. Русский Архив. Годовые комплекты за 1863, 1871, 1883 гг.

10. Русский Вестник. Годовой комплект за 1858 г. Т.13. Кн.1-2.

11. Капустин М. Воспоминания о П.Н. Кудрявцеве // Русский Вестник. 1858. Т.13. Кн.1. С.182-189; Кн. 2. – С.107-113.

12. Русская Старина. Годовые комплекты за 1871 г. Кн. 3-4., 1872 г. Кн.5-6., 1873 г. Кн.7-8., 1874 г. Кн.3,7., 1875 г. Кн.2,3,10., 1876 г. Кн.1,15,17.

13. Современник. Годовые комплекты за 1860-1861 гг.

14. Критский А. Заграничные прения о положении русского духовенства (по поводу книги «Русское духовенство») // Современник. 1860. №3. Современное обозрение. – С. 1-19.

15. Чернышевский Н.Г. Об «Антропологическом принципе философии» // Современник. 1860. №4-5. – С. 447-479.

16. Чернышевский Н.Г. Poleмические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского Вестника» // Современник. 1861. №6. – С. 468-472.

17. Ярославские Губернские Ведомости (ЯГВ). Годовые комплекты за 1858, 1859, 1860, 1870 гг.

18. Ярославские Епархиальные Ведомости (ЯЕВ). Годовые комплекты за 1860-1916 гг.

19. Барский Н. Краткий отчет о состоянии Ярославской духовной семинарии за 1893-1894 уч. г. // ЯЕВ. 1894. №17. 2 мая. Ч.

неоф. – С. 609-613.

20. Извлечение из отчета об экономическом состоянии Ярославского духовного училища. // ЯЕВ. 1900. №12. 26 мая. Ч. неоф.- С. 432.

21. Корсунский Н. Материалы для истории Ярославской духовной семинарии. // ЯЕВ. 1871. №№ 1-29. Ч. неоф. С. 3, 15, 22, 39, 47, 64, 105, 110, 119, 151, 162, 178, 188, 196, 202, 227, 297, 304, 316, 323, 331, 339, 351, 361, 166, 373, 384, 388, 421; 1872. №№ 1-10. Ч. неоф. С.7, 14, 15, 30, 70, 75, 87, 121, 129, 141; 1873. №№ 10-18. Ч. неоф. С.124, 134, 142, 149, 155, 162, 169, 181, 198.

22. Корсунский Н. Ярославская духовная семинария. Исторический очерк. // ЯЕВ. 1875. №3. 5 янв. Ч. неоф. – С. 25-28.

23. Крылов А. Испытания воспитанниц Ярославского духовного училища девиц духовного звания. // ЯЕВ. 1860. №9. 11 июня. Ч. неоф.- С.76.

24. Крылов А. Несколько слов о народном образовании.// ЯЕВ. 1864. №2. 11 янв. Ч. неоф. – С.75.

25. Крылов А. Пошехонское духовное училище ректора училища свящ. Григория Писаревского. // ЯЕВ. 1862. №21. 1 июня. Ч. неоф. – С. 213-214.

26. Крылов А. Ярославское училище девиц духовного звания. // ЯЕВ. 1860. № 28. 22 окт. Ч. неоф. – С. 258- 260.

27. Лавров Н. О сельском училище дьякона В.А. Порокова. // ЯЕВ. 1861. №20. 14 мая. Ч. неоф. – С. 199-206.

28. Левкин Д. О христианском воспитании детей. // ЯЕВ. 1861. №15. 9 апреля. Ч. неоф. – С. 136-139.

29. О 25-летнем юбилее Ярославского училища девиц духовного звания. // ЯЕВ. 1871. №3 1 фев. Ч. неоф. – С. 24.

30. Отчет о состоянии Ярославской духовной семинарии за 1895-1896 уч. г. // ЯЕВ. 1896. №25. 15 окт. Ч. неоф. – С. 425.

31. Памяти бывшего ректора Ярославской Духовной Семинарии протоиерея Н.А. Барского // ЯЕВ. 1900. №12 15 июля. Ч. неоф. – С. 125.

32. Памяти Н.Н. Корсунского. Некролог // ЯЕВ. 1899. №45. 12 дек. Ч. неоф. – С. 761.

33. Пятидесятилетний юбилей духовно-учебной службы рек-

тора Ярославской Духовной Семинарии Н.А. Барского // ЯЕВ. 1900. №14. 25 авг. Ч. неоф.- С. 325.

34. Соколов А. Из жизни Угличского духовного училища. // ЯЕВ. 1901. №26-27. 1 авг., 15 авг. – С. 411, 425.

35. Успенский Ф. О необходимости увеличить средства к образованию дочерей духовенства. // 1971. ЯЕВ. №38. 22 сентября. Ч. неоф. С. 309-311.

36. Ярославская Духовная Семинария. // ЯЕВ. 1875. №8. 15 марта. Ч. неоф. – С. 33.

37. Мемуары

38. Преображенский Г.П. Воспоминания о Елизавете Павловне Шиповой, первой начальнице Ярославского женского училища духовного ведомства (1845-1883). Ярославль, 1884. – 136 с.

39. Румянцев Н. Записки семинариста. // Духовная школа. М., 1906. С. 224-261.

40. Смирнов Н. Без призора. Воспоминание о духовном училище // Духовная школа. М., 1906. С. 3-36.

41. Смирнов Н. Атеизм. Из пережитого // Духовная школа. М., 1906. С. 82-94.

2. Неопубликованные источники

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА)

1. Ф.796. Канцелярия Святейшего Синода.
 - Оп.184. Д.380.
 - Оп.148. Д. 1372, 1389.
 - Оп.176. Д.770.
 - Оп.178. Д.456.
 - Оп.180. Д.850.
 - Оп.181. Д.418.
 - Оп.183. Д.514.
 - Оп.188. Д.513.
 - Оп.31.Д.542-547.
2. Ф.797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода.
 - Оп.32.Д.196.
 - Оп.36.Д.191.
 - Оп.37. Д.181.

- Оп.38. Д.175.
- Оп.46. Д.84.
- Оп.48. Д.30.
- Оп.49. Д.71.
- Оп.56. Д.50.
- Оп.53. Д.65,79.
- Оп.70. Д.15,305.
- Оп.74. Д.38.
- Оп.87. Д.221.
- Оп.96. Д.247.
- 3. Ф.802. Учебный комитет при Святейшем Синоде.
 - Оп.4. Д.6012.
 - Оп.5. Д.12354.
 - Оп.10. Д.5,8,21,37,41,43,52,53,64,68,69,102,108, 197, 202, 213, 216,449,780,853,859,871.
 - Оп.16. Д.46,139,164.

Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ)

- 4. Ф.120. Бычковы А.Ф. и И.А.
 - Оп.1. Д.1118-1119.
- 5. Ф. 587. Победоносцев К.П..
 - Оп.1. Д.33-34.
- 6. Ф.777. Тиханов П. Н.
 - Оп.1. Д.256.
- 7. Ф.780. Толстой Д.А.
 - Оп.1. Д.15,17.
- 8. Ф.847. Шаховской Н.В.
 - Оп.1. Д.675,676.

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

- 9. Ф.230. Ярославская Духовная Консистория и другие учреждения, находящиеся на территории нынешней Ярославской области.
 - Оп.1. Д.5552-5557, 5673, 5676, 5691-5693, 5812-5818, 11428, 11429, 11464, 12821, 12822, 12825,13901-13903.
 - Оп.3. Д.1, 2, 26, 276, 690, 1297, 1400, 1529, 1645, 1726, 1728, 1730, 1779, 1780, 1781.

- Оп.12. Д.1,2.
 - 10. Ф.236. Ярославская духовная семинария.
 - Оп.1. Д.89, 196, 251, 274, 297, 324, 300, 330,350, 351, 353, 367, 369, 383, 387, 431, 443, 407, 438, 474, 561.
 - Оп.2. Д.86, 93, 104, 108.
 - Оп.3. Д.11.
 - 11. Ф.570. Ярославское епархиальное Ионафановское женское училище.
 - Оп.1. Д.6,13,18,22,25,29,31,38-45, 46, 58, 59, 60, 99-123, 125, 126, 139,171,172-177,239-243, 277,279-284, 287-314, 315, 316, 317,318,319,322,324,327,328,329,330,331,333,334,395,414.
 - 12. Ф.906. Ярославское губернское жандармское управление.
 - Оп.1. Д.20, 31, 34, 45, 52, 215, 283.
 - Оп.2. Д.11,16.
 - Оп.4. Д.83.
- Государственного архива Костромской области (ГАКО)**
- 13. Ф.130. Костромская духовная консистория.
 - Оп.13.Д.78.
 - 14. Ф.414. Костромское епархиальное женское училище.
 - Оп.1. Д.23, 29, 34, 60, 69, 118.
 - 15. Ф.432. Костромская духовная семинария.
 - Оп.1. Д.4,2448,3284,3514,3654,3682.
 - Оп.1 доп. Д.3485, 3489, 3505, 3579.
 - 16. Ф.438. Костромской епархиальный училищный совет.
 - Оп.1. Д.1.
 - Оп.1 доп. Д.43, 150.
 - 17. Ф.749. Костромское губернское жандармское управление.
 - Оп.1. Д.76, 156, 271, 303, 346,360.
 - Оп.2. Д.74.

3. Исследовательская литература

1. Агнцев Д. История Рязанской семинарии (1724-1840). Рязань, 1889.
2. Алексеев В.П. Выдающийся краевед. К 160-летию со дня рождения К.Д. Головщикова (1835-1900) // Ярославский календарь на 1995 г. / Отв. ред. М.Г. Мейерович. Ярославль, 1885. С. 9-10.

3. Андронников Н. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской гимназии. Кострома, 1874. — 33 с.
4. Антонов И.Р. Светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. Т. 1-П. СПб., 1912. — 426 с.
5. Антонов С.И. Периодическая печать как исторический источник по истории СССР (1895-1917). М., 1961.
6. Богословский И.Н. Ростовско-Димитриевское духовное училище. Ярославль, 1899. — 28 с.
7. Беловинский Л.В. К истории русской церкви. М., 1992. — 85 с.
8. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Т. 1-П. СПб., 1907.- 230 с.
9. Беляева А.В. Церковь и государство в России в начале XX века. Учебное пособие. Ярославль, 1999. — 43 с.
10. Бахтурина А.Ю. Сведения о том, что пережито в 1917-1918 учебном году. Самарское духовное училище. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 43-44.
11. Бочков В. Н. Старая Кострома. Кострома, 1997. — 230 с.
12. Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. М., 1964.
13. Бурова И. Ю. Проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Ярославской губернии // Путь в науку: Сб. научных трудов. Вып. 2. Ярославль, 1925. — С. 87-89.
14. Введенский А.И. Церковь и государство: очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918-1922 гг. М., 1923. — 253 с.
15. Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. — 416 с.
16. Головщиков К. Д. Очерк жизни и ученых трудов бывших питомцев Ярославской Духовной Семинарии. Ярославль, 1893. — 60 с.
17. Голубовский Н.А. По вопросам духовной школы и об учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907. — 148 с.
18. Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Сб. ст. Вспомогательные исторические дисциплины. Л. 1978. Т.9. — С. 76-88.

19. Дементьева В.В. Из истории возникновения Ярославских губернских ведомостей. // Советские архивы. 1986. № 6.
20. Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики / Источниковедение отечественной истории. М., 1976.
21. Дмитриев С.С. Православная церковь и государство в дореволюционное время // История СССР. 1966. № 4.
22. Дмитриев С.С. Очерки по истории русской культуры начала XX в. М., 1983.
23. Дружинин П.Н. Просвещение в Ярославской губернии в пореформенный период // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. – С. 94-125.
24. Дьяконов К. Духовная школа в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907. – 436 с.
25. Елагин Н.В. Белое духовенство и его «интересы». СПб., 1881. – 182 с.
26. Елисеев Г.З. Бегство семинаристов из семинарий в университеты. СПб., 1876. – 30с.
27. Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. М., 1989.
28. Есин Б.И. Русская легальная пресса конца XIX – начала XX вв. // Из истории русской журналистики конца XIX начала XX вв. М., 1973.
29. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 1880-х – 1890-х гг.). М.: Мысль, 1970. – 444 с.
30. За стенами духовной семинарии // Сб. ст. Л., 1964. – 60 с.
31. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России (1856-1861 гг.). М.: МГУ, 1984.- 254 с.
32. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. – 808с.
33. Знаменский П.В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.- 186 с.
34. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Наука, 1992. Т.1. 686 с., Т.2. – 568 с.
35. Козляков В.Н. Традиции краеведческих изданий в Ярославле (XVIII – XX вв.) // Ярославская старина. 1994. № 1. – С. 7-8.

36. Константинов Н.А. История педагогики. М., 1985.
37. Конюченко А.И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX – нач. XX в. Автореф. дис.-канд. ист. наук, Челябинск, 1996. – 22 с.
38. Котельский А. Женское образование в России. Исторический очерк. Ярославль, 1905. – 35 с.
39. Котельский А. Ярославское епархиальное Ионафановское женское училище. Исторический очерк за первое 25-летие (1880-1905). Ярославль, 1906. -34 с.
40. Красин П.М. Воспитание в духовной семинарии. Киев, 1906. – 48 с.
41. Крутиков Н. Пятидесятилетний юбилей Ярославского женского училища духовного ведомства. Ярославль, 1896. – 92 с.
42. Кувакин В. А. Религиозная философия в России: Начало XX в. М., 1980. – 309 с.
43. Лебедев П.А. Вступ. ст. // Антология педагогической мысли в России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 1982. – С. 3-35.
44. Левитов П.В. Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела. Екатеринбург, 1904. – 5 с.
45. Леонтьева Т.Г. Формирование церковной интеллигенции в Тверской губернии // Вопросы истории. 1994. № 3. – С. 3-27.
46. Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке. // Русское православие: веки истории. М., 1989. – С. 309-379.
47. Миротворцев В.В. Меры правительства по отношению улучшения быта белого духовенства. СПб., 1907. – 43 с.
48. Миронов В.Б. Век образования. М., 1990.
49. Мышцин В.Н. О духовных семинариях. Сергиев – Посад, 1905. – 27 с.
50. Надеждин А. История С.- Петербургской православной духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. (1809-1884). СПб., 1885. – 660 с.
51. Никольский Н.М. История русской церкви. Минск, 1990. –

540 с.

52. Одинцов М.И. Государство и церковь. (История взаимоотношений 1917-1938 гг.). М.: Знание, 1991. – 64 с.

53. Очерки по истории школы и педагогической мысли (вторая половина XIX в.). М., 1991.

54. Папков А. А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855-1870). СПб., 1902. – 184 с.

55. Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. (1917-1919 гг.). М. 1958. – 198 с.

56. Политическая история России в партиях и лицах. / Сост. В.В. Шелохаев (руководитель), А.И. Боханов, Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев и др. М.: Terra, 1993. – 364 с.

57. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. 1995. – 510 с.

58. Преображенский Г.П. Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства ко дню 50-летнего юбилея. Ярославль, 1896. – 251 с.

59. Прилежаев Е.М. Духовная школа и ее семинаристы в истории русской науки и образования. СПб., 1879. – 27 с.

60. Римский С.В. Церковная реформа Александра П. // Вопросы истории 1996. № 4.

61. Римский С.В. Церковная реформа 60-70-х годов XIX в. // Отечественная история. 1995. №2.- С. 166-175.

62. Римский С.В. Церковная реформа Александра П // Вопросы истории 1996. № 4. – С. 34-49.

63. Рождественский А.К. Слово правды о церковной школе и о заслугах духовенства по народному образованию (По поводу слухов об упразднении церковных школ). Ярославль, 1906. – 37 с.

64. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. – 776 с.

65. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб., 1901. – 232 с.

66. Русское духовенство. Берлин, 1859. – 375 с.

67. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. М., 1996. Кн. 8. – 799 с.

68. Тимченко М.Ю. Из истории Ярославской духовной семи-

нарии. 1747-1918 гг. // Культура. Образование. Православие. Сб. материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996. – С. 218-220.

69. Тимченко М.Ю. К вопросу об истории Ярославской духовной семинарии в XIX – начале XX вв. // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. Тезисы докл. международ. науч. конф. Ярославль, 1999. Вып. 1. – С. 135-137.

70. Тимченко М.Ю. Из истории библиотеки Ярославской духовной семинарии. (1747-1918 годы). // Чтения по истории и культуре древней и новой России. Материалы конференции Ярославль 7-9 октября 1998 г.). Ярославль, 1998. – С.150-155.

71. Тимченко М.Ю. «Литературный дневник...Николая Смирнова» как источник по истории Ярославской духовной семинарии. // Минувших дней связующая нить...: V Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1995. – С. 110-111.

72. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии, Т. I- II. Вильна, 1909. Т.1. – 428 с.

73. Титлинов Б.В. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924. – 210 с.

74. Тихомиров П.В. Философия в духовной семинарии. М., 1905. – 16 с.

75. Троицкий М.П. Г.П. Преображенский – преподаватель Ярославской Духовной Семинарии и редактор неофициальной части Ярославских епархиальных ведомостей. Ярославль, 1903. – 20 с.

76. Успенский К.П. Участие православного духовенства в деле начального обучения народа. Ярославль, 1909. – 80 с.

77. Успенский К.П. Церковные школы Ярославской епархии за 25 лет. Ярославль, 1909. – 186 с.

78. Фивейский П. Открытие Ростовского духовного училища. Ярославль, 1874. – 16 с.

79. Ярославское училище девиц духовного звания. Ярославль, 1871. – 40 с.

4. Авторефераты кандидатских диссертаций

1. Леонтьева Т.Г. Церковная интеллигенция Тверской губернии

в конце XIX начале XX вв. (1895-1907 гг.). Автореф. дис.-канд. ист. наук. Петрозаводск, 1992. – 26 с.

2. Никулин М.В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х-конец 1870-х гг.). Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1997. – 26 с.

3. Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884 гг.) Автореф. дис.-канд. ист. наук. СПб., 1998. – 27 с.

4. Фадеева Т.Ю. Средние учебные заведения в системе образования России второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дис...канд. ист. наук. Ярославль, 2000. – 27 с.

5. Шабров И.В. Губернская администрация и религиозные организации в период вероисповедных реформ в России в начале XX века (на материалах Ярославской губернии, 1903-1914 гг.). Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1998. – 24 с.

5. Научно-справочная литература

1. Алфавитный список священников и дьяконов Костромской епархии с показанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе. Кострома, 1871.

2. Головщиков К. Д. Архидереи из питомцев Ярославской духовной семинарии. Библиографический очерк. Ярославль, 1893.

3. Государственный Архив Костромской области. Путеводитель. Кострома, 1962.

4. Государственный архив Ярославской области. Путеводитель. Ярославль, 1980.

5. Именная роспись начальствующих и служебных лиц Ярославской епархии. Ярославль, 1861. – 125 с.

6. Фонды Российского Государственного Исторического Архива. Краткий справочник. СПб., 1994. – 119 с.

Ушакова Н.Е.

**Среднее духовное образование
Верхнего Поволжья во второй половине
XIX – начале XX вв.**

Монография

Подписано в печать 20.06.2013

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Ньютон.

Заказ 305. Тираж 50 экз.

**Отпечатано в ООО «Оперативная полиграфия»
150049, Ярославль, ул. Лисицына, 5**